



В.А. Томсинов

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1640–1660 ГОДОВ

Период конституционной борьбы:
ноябрь 1640 – август 1642 года



МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

Ю р и д и ч е с к и й ф а к у л ь т е т
Кафедра истории государства и права

В.А. Томсинов

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1640–1660 ГОДОВ

**Период конституционной борьбы:
ноябрь 1640 – август 1642 года**

Учебное пособие



Москва
ЗЕРЦАЛО-М
2010

ББК 67.3
Т56

Томсинов, В. А.

Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010. — 264 с.

ISBN 978-5-94373-176-1

Учебное пособие посвящено юридической истории революции 1640–1660 годов в Англии. Данная революция — одно из самых значительных и загадочных событий английской истории. Она всегда вызывала и долго еще будет вызывать к себе повышенный интерес не только со стороны профессиональных историков, но и у всех образованных людей, желающих понять глубинные закономерности общественной жизни, тайны психологии участников политических процессов, людской толпы, политических партий и их вождей, отдельных людей. Указанная революция интересна и тем, что позволяет проследить на конкретном примере — в больших подробностях, деталях — логику не только крушения традиционного государства, но и его возрождения.

Данная революция оказалась серьезным испытанием для юридической конструкции английского государственного строя. Она выявила ее слабые и сильные стороны. Революционные события показали реальное практическое значение тех элементов указанной конструкции, которые казались ранее исключительно абстрактными по своей природе теориями и доктринами. Это относится прежде всего к теории «смешанной монархии», но также и к доктрине двух тел короля. Без исследования юридической истории английской революции невозможно познать истинные свойства традиционной государственности и правовой культуры Англии. Без этого трудно понять, каким образом формировались в этой стране основы ее современной государственности.

Книга предназначена для преподавателей и студентов юридических и исторических вузов, для всех интересующихся тайнами мировой политической истории.

ISBN 978-5-94373-176-1

© В.А. Томсинов, 2010

© Издательство «Зерцало», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Общественный строй Англии в начале XVII века	11
Глава 2. Государственный строй Англии накануне революции 1640–1660 годов	22
1. Традиционность английского государственного строя, особенности его юридической конструкции. Понятия конституции (constitution) и основных законов (fundamental laws) в английской политической лексике	22
2. Common Law как основа английской конституции	30
3. Институт королевской власти: king-in-parliament и rex solus (king out of parliament). Парламент как институт политической власти	43
Глава 3. Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII века и Петиция о праве 1628 года	53
1. Понятие королевской прерогативы и ее виды	53
2. Петиция о праве 1628 года	70
Глава 4. Законодательство «долгого парламента» 1641 года: ограничение королевской власти и возникновение двоевластия	87
1. Созыв парламента 3 ноября 1640 года. Начало революции	88
2. «Трехгодичный акт» от 15/25 февраля 1640/1641 года	95
3. «Акт для продления этого настоящего Парламента» от 10 мая 1641 года	108
4. Акт о потонном и пофунтовом сборе от 22 июня 1641 года	112

5. Акт об упразднении Звездной Палаты от 5 июля 1641 года	114
6. Акт о ликвидации Высокой комиссии при Тайном совете от 5 июля 1641 года	117
7. Акт об отмене корабельных сборов от 7 августа 1641 года	117
8. Акт о королевских лесах от 7 августа 1641 года	118
9. Акт об отмене сборов за рыцарское звание от 10 августа 1641 года	119
10. Итоги законодательной деятельности «долгого парламента» в период с февраля по август 1641 года	120
11. Законодательная деятельность «долгого парламента» в осенние месяцы 1641 года	122
12. «Великая Ремонстрация» Палаты общин от 22 ноября 1641 года	131
13. «Долгий парламент» в конце 1641 — начале 1642 года. Обострение конфликта парламентской оппозиции с королем Карлом I	144
Глава 5. Дело графа Страффорда	157
Глава 6. Законодательная деятельность «долгого парламента» в первой половине 1642 года: формирование идеологии гражданской войны	176
1. Начало подготовки к гражданской войне	177
2. «Акт о лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть» от 5/15 февраля 1641/1642 года	183
3. Принятие «Ординанса Лордов и Общин в Парламенте о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльса» (Ординанса о милиции)	189
4. Спор между королем и парламентом о юридической силе Ординанса о милиции	202
5. Декларация лордов и общин от 6 июня 1642 года	219

-
6. Борьба между королем и парламентом за контроль над крепостью Галл 228
 7. Создание идеологами парламентской оппозиции юридической доктрины, оправдывающей войну против короля 231
 8. Выработка парламентской оппозицией доктрины, позволяющей парламенту законодательствовать без участия короля 241
 9. Попытка парламентской оппозиции взять под свой контроль исполнительную власть. «Девятнадцать предложений» лордов и общин королю Карлу I 245
 10. Ответ Карла I на «девятнадцать предложений» лордов и общин. Королевский вариант теории «смешанной монархии» 247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революция 1640–1660 годов в Англии — одно из самых значительных и загадочных событий английской истории. Она всегда вызывала и долго еще будет вызывать к себе повышенный интерес не только со стороны профессиональных историков, но и у всех образованных людей, желающих понять глубинные закономерности общественной жизни, тайны психологии участников политических процессов, людской толпы, политических партий и их вождей, отдельных людей. Указанная революция интересна и тем, что позволяет проследить на конкретном примере — в больших подробностях, деталях — логику не только крушения традиционного государства, но и его возрождения. Революционные события в Англии разворачивались постепенно. С ноября 1640 до августа 1642 года конфликт между политическими группировками, хотя и был весьма острым, протекал в мирных рамках. Однако затем принял форму гражданской войны, последствием которой стала казнь короля Карла I и ликвидация монархии. После этого английское общество испытало на себе несколько полуреспубликанских и полумонархических способов осуществления власти и в 1660 году возвратилось к своему традиционному государству — монархии, сочетающей властные полномочия короля с властью парламента.

Революция 1640–1660 годов была самой разрушительной в истории Англии политической катастрофой. Удар ее до основания потряс здание английской традиционной государственности, вызвав в нем многочисленные трещины, до предела обнажившие действительное его состояние. Изучение политической истории данной революции имеет поэтому огромное значение для познания сущности государственного строя Англии, уяснения истинного значения его основных институтов — королевской власти и парламента.

Главное содержание революции составлял конфликт между различными группировками внутри правящего слоя. Каждая из группировок стремилась привлечь на свою сторону общество. А для этого необходимо было разворачивать пропаганду, выдвигать

привлекательные для широких масс идеологические лозунги, доказывать правоту своих притязаний. Революция 1640–1660 годов являлась поэтому войной не только на полях сражений, но и на страницах газет и брошюр. И политические группировки боролись между собой не только посредством боевого оружия, но и с помощью идей и правовых доктрин. О масштабах «бумажной войны» во время революции можно судить по одному факту: с 1642 по 1646 год только в одном Оксфорде, являвшемся тогда королевской резиденцией, было выпущено книг и брошюр, содержащих политические, юридические и теологические трактаты, литературные сатирические и поэтические произведения, политические декларации, прокламации Карла I и т. д., более 800 наименований¹. Парламентская оппозиция выпускала не меньше этого количества.

Революция была не только политическим, но также интеллектуальным взрывом. Ее перипетии заставляли британских интеллектуалов критически смотреть на традиционную государственность Англии, переосмысливать ее многовековую историю.

Революцию можно изучать с различных точек зрения. В ней можно видеть только социальный конфликт, или исключительно политическую борьбу короля с парламентской оппозицией. На революцию можно смотреть как на столкновение различных идеологических течений. В настоящей книге подвергаются анализу главным образом ее юридические аспекты. Поэтому мое исследование вполне можно назвать ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИЕЙ революции 1640–1660 годов в Англии.

Данная революция стала серьезным испытанием для юридической конструкции английского государственного строя. Она выявила ее слабые и сильные стороны. Революционные события показали реальное практическое значение тех элементов указанной конструкции, которые казались ранее исключительно абстрактными по своей природе теориями и доктринами. Это относится прежде всего к теории «смешанной монархии», но также и к доктрине двух тел короля². Без исследования юридической истории английской революции невозможно познать истинные свойства традици-

¹ См. их список в издании: *Falconer M.* Oxford books, 1641–1650. Oxford, 1912. P. 172–430.

² См. о содержании этой доктрины: *Томсинов В. А.* Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права / Отв. редактор В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2009. С. 29–34.

онной государственности и правовой культуры Англии. Без этого трудно понять, каким образом формировались в этой стране основы ее современной государственности.

* * *

Первая часть настоящей книги посвящена начальному периоду революции, который охватывает время с 3 ноября 1640 года — дня созыва парламента, до 22 августа 1642 года — даты официального начала гражданской войны между группировкой Карла I и парламентской оппозицией. Главное содержание этого периода революции составила законодательная деятельность «долгого парламента», выразившая стремление парламентской оппозиции перекроить традиционную конституцию Англии таким образом, чтобы превратить парламента в верховный и постоянно действующий государственный орган, а институт королевской власти низвести на роль придатка к нему. Борьба между королем и парламентской оппозицией носила в указанный период мирный характер. Однако в ходе ее постепенно формировалась политическая и правовая идеология гражданской войны. В этом смысле ход революции имел собственную логику — причины революции надо искать и в ней самой, а не только в английском обществе дореволюционного времени.

Пик революции — это казнь короля Карла I, свершившаяся 30 января/ 9 февраля 1648/1649 года¹. Вряд ли в среде парламент-

¹ До 1 января 1752 г. в Англии применялся при летоисчислении Юлианский календарь, по которому новый год начинался с 25 марта (см.: Акт о замене Юлианского календаря Григорианским (Act substituting the Gregorian for the Julian Calendar), 1751 г. в издании: English Historical Documents. Vol. X. 1714–1783 / Edited by D.V. Horn and M. Ransome. London, 1957. P. 238–241). В исторической литературе события английской истории XVII в. датируются, как правило, по Григорианскому календарю, принятому в католических странах континентальной Европы в 1582 г. Отсюда нередко происходит путаница. Григорианское летоисчисление опережает Юлианское на определенное число дней: применительно к XX в. — на тринадцать дней, к XIX — на двенадцать, к XVIII — на одиннадцать и к XVII — на десять. Но это обстоятельство часто не принимается историками во внимание. В результате получается так, что при обозначении дат английской истории год называется по Григорианскому календарю, а день и месяц — по Юлианскому. Например, пишется, что Карл I был казнен 30 января 1649 г. Число и месяц в данном случае названы по Юлианскому календарю, а год обозначен по Григорианскому. Подобная нелогичность допускается и при датировке законодательных актов. Например, «Акт об отмене королевского звания» датируется в хре-

ской оппозиции, начинавшей революцию, был хотя бы один человек, желавший подобного ее исхода. Результаты политической борьбы, которую парламентская оппозиция затеяла в 1640 году, оказались совсем не такими, к которым она стремилась.

Более того, можно вполне уверенно утверждать, что английская революция 1640–1660 годов могла вообще не произойти: она не была фатально неизбежной. Экономические противоречия, социальные и политические конфликты, существовавшие в английском обществе в первые десятилетия XVII века, не имели такой глубины и силы, чтобы их нельзя было разрешить эволюционным и мирным путем, без революции и гражданской войны. Это аргументированно доказывают многие историки¹.

Но убедительнее всяких научных трудов по экономическому, социальному и политическому развитию Англии в XVII столетии

стоматиях и сборниках документов по истории английской буржуазной революции 17 марта 1649 г., «Акт об отмене Палаты лордов» — 19 марта 1649 г. Логично было бы при датировке тех или иных исторических событий обозначать и год, и месяц по одному и тому же календарю. В таком случае, если мы в качестве года казни Карла называем 1649 г., то число и месяц должны быть обозначены как 9 февраля. «Акт об отмене королевского звания» должен датироваться соответственно 27 марта 1649 г., а об отмене Палаты лордов — 29 марта 1649 г. Если же мы говорим о 30 января как о числе и месяце казни английского короля, то в качестве года должны называть 1648 г.

В настоящей книге при обозначении дат событий или времени принятия законодательных актов в тех же случаях, когда они приходятся по Юлианскому календарю не на тот год, которым датируются по Григорианскому календарю, я указываю даты по обоим календарям.

¹ «В конце концов, уж точно не является новостью, что война в Англии была конфликтом между людьми, которые мыслили себя и в той же степени действительно находились в состоянии полного консенсуса», — отмечает английский историк Дж. Покок. По его словам, «английская война шла между людьми, предполагавшими, что они принадлежат к той же самой политической культуре» (Pocock J. G. A. *The Atlantic Archipelago and the War of the Three Kingdoms // The British Problem, c. 1534–1707. State Formation in the Atlantic Archipelago / Edited by V. Bradshaw and J. Morrill. London, 1996. P. 182*). Историк Дж. Моррилл, специально занимавшийся выяснением причин революции и гражданской войны, разразившихся в Англии в начале 40-х гг. XVII в., пишет, что каждая политическая система имеет присущие ей слабости и поэтому в ней всегда есть *возможность* для взрыва, так же, как и *возможность* для эволюционного развития. Будет, вероятно, справедливым сказать, — отмечает он, что «ни один правитель с Генриха V не получал такого спокойного наследства, какое получил Карл I» (Morrill J. *Introduction // Reaction to the English Civil War. 1642–1649 / Edited by J. Morrill. London, 1982. P. 3–4*).

такую возможность разрешения указанных противоречий и конфликтов демонстрирует произошедшая здесь в 1660 году при поддержке большинства населения реставрация монархии Стюартов¹. Как известно, законным королем Англии был признан при этом Карл II — сын казненного революционерами короля Карла I. Но ведь не случись революции и гражданской войны, именно Карла II имели бы англичане своим королем в 1660 году или немного позднее.

Почему же при наличии в английском обществе условий для реализации сценария эволюционного и мирного развития здесь все-таки разразилась революция, в ходе которой произошли две гражданские войны, случилась казнь законного короля, была ликвидирована монархия? Почему в определенный момент революции пала монархия Стюартов, если она оказалась столь живучей, что спустя одиннадцать лет возродилась как бы сама собой, при отсутствии сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны каких-либо общественных групп? Каков механизм разрушения государства, и каким образом оно может быть восстановлено? — На эти и другие важнейшие вопросы, возникающие при рассмотрении событий английской революции 1640–1660 годов, призвано дать ответы предпринятое мною исследование ее юридической истории.

¹ «Одним из немногих верных обобщений относительно Реставрации является то, что она произошла потому, что огромное число англичан желало, чтобы она произошла», — замечает историк Г. Дэвис (*Davies G. The Restoration of Charles II. 1658–1660. San Marino: California, 1955. P. 355*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

По своей сословно-классовой структуре английское общество первых десятилетий XVII века почти не отличалось от общества середины XVI века. Правовед Томас Смит (*Thomas Smith*, 1513–1577) писал в трактате «*De Republica Anglorum* (Об английском государстве)», созданном в 1562–1565 годах¹: «Мы в Англии обыкновенно делим наших людей на четыре категории: джентльменов, горожан, йоменов, ремесленников или работников. Из джентльменов первыми и главными являются король, принц, герцоги², маркизы³, графы⁴, виконты⁵, бароны⁶, и их называют знатью (*the nobility*), и все они именуются лордами и знатными людьми: за

¹ Первоначальный вариант «*De Republica Anglorum*» был написан в 1562–1565 гг. Томас Смит жил в эти годы во Франции, где занимал должность посланника королевы Елизаветы при дворе короля Карла IX. За год до своей смерти он переработал это произведение. Первая его публикация была осуществлена в 1583 г.

² Титул герцога (*duke, duchess*) был создан в Англии на одиннадцатом году правления Эдуарда III (в 1337 г.). Первым герцогом стал старший сын короля — Эдуард Черный Принц (*Edward the Black Prince*).

³ Титул маркиза (*marquis, marques, marchioness*) был введен на восьмом году правления Ричарда II (в 1385 г.). Приближенный короля Роберт де Вер, граф Оксфордский (*Robert de Vere Earle of Oxford*) был объявлен маркизом Дублина в Ирландии (*Marquesse of Dublin in Ireland*).

⁴ Титул графа (*earl, count, countess*) существует в Англии с 800 г. Данный титул стал носить представитель короля в административно-территориальном округе (*shire*), взявший на себя функции элдормена (*ealdorman*).

⁵ Титул виконта (*viscount, viscountess*) был создан на восемнадцатом году правления Генриха VI (в 1440 г.). Первым виконтом стал Джон Бомон (*John Beaumont*). Первоначально виконт являлся шерифом графства (*shire*).

⁶ Данный титул существует в Англии с 1066 г. Первоначально он обозначал держателя земельных угодий, полученных непосредственно от короля.

ними следуют рыцари, эсквайры и простые джентльмены»¹. Эту характеристику сословной структуры английского общества почти дословно повторил в своем описании Англии² младший современник Томаса Смита Уильям Харрисон (*William Harrison*, 1534–1593).

Сходную картину английского общественного строя рисовал в начале XVII века и представитель королевской администрации Томас Уилсон (*Thomas Wilson*, 1560?–1629). «Пятерным является грубо проведенное деление Англии: знать, горожане, йомены, ремесленники, сельские работники»³, — писал он в своем трактате «Государство Англии в 1600 году (*The state of England, 1600*)», составленном на основе документов английской центральной и местной администрации.

В среде знатных англичан Томас Уилсон выделял светскую знать и духовную. С другой стороны, он делил знать на старшую (*nobilitas maior*), к которой относил маркизов (*marchiones*), графов (*comites*), виконтов (*vicecomites*), баронов (*barones*) и епископов (*episcopos*), и младшую (*nobilitas minor*), которую составляли, по его мнению, рыцари (*equites*), эсквайры (*armigeros*), джентльмены (*generosos*), священники (*ministros*) и образованные люди (*literatos*)⁴.

¹ *Smith Th.* De Republica Anglorum. The manner of Government or policie of the Realme of England. London, 1583. P. 31.

² A Description of England, or a brief rehersall of the nature and qualities of the people of England and such commodities as are to be found in the same. Comprehended in two bookes and written by W. H. [That is William Harrison, Rector of Randwinter, Canon of Windsor]. The 2nd edition of 1587. P. 95. Указанное «Описание Англии» было частью грандиозного произведения под названием: «Универсальная космография всего мира и вместе с тем также некоторые отдельные истории каждого известного народа», создававшегося под руководством печатника Елизаветы I Регинальда Вольфа (*Reginald Wolf*). Для написания историй отдельных стран он привлек Рафаэлла Холиншеда (*Raphaell Holinshed*) и Уильяма Харрисона. Работа над этим произведением продолжалась 25 лет. Смерть Р. Вольфа не позволила завершить его. В 1577 г. были напечатаны завершённые части данного произведения, посвященные Англии, Шотландии и Ирландии. Среди историков они получили известность под названием «Хроники Холиншеда (*Holinshed's Chronicles*)». В 1587 г. вышло в свет второе их издание.

³ «Quintuplex est divisio subitarum Anglai: Nobiles, Gives, Yeemani, Artisani, Opifices rusticorum» (*The State of England, 1600* by Sir Thomas Wilson // 17-th Century Economic Documents / Edited by J. Thirsk and J. P. Cooper. Oxford, 1972. P. 751).

⁴ В другом месте своего трактата Томас Уилсон называл в составе «младшей знати» «рыцарей, эсквайров, джентльменов, юристов, профессоров и священников, архидьяконов, пребендариев и викариев» (*ibid.* P. 755).

К последней категории Томас Уилсон причислял всех, кто получил какую-либо ученую степень («omnes qui gradus aliquos in Academiis acciperunt»)¹.

В то время, когда Томас Уилсон писал это, в Англии не было ни одного герцога. Титул маркиза носили двое знатных особ, титул графа — восемнадцать, виконтами являлись два человека, баронов было тридцать девять², рыцарей — около 500 человек³, эсквайров — 16 000 или более⁴. Общая же численность населения Англии составляла в конце XVI — начале XVII веков около четырех миллионов человек или немногим больше⁵.

В эпоху правления Эдуарда III существовал титул баронета, который даровался патентом короля в обмен за определенную сумму денег⁶. Термин «баронет» встречается в тексте одного из статутов короля Ричарда II: он употребляется здесь для обозначения представителя знати, лишённого привилегии участия в парламенте по индивидуальному вызову от имени короля. В последующие времена титул баронета никто не носил, и он был забыт.

Возродил данный титул король Яков I, который 22 мая 1611 года создал наследственную сословную группу баронетов в надежде получить денежные средства для обустройства Ирландии. Его Величество предложил титул баронета и земельные участки в Ольстере двумстам джентльменам, которые имели доход не менее 1000 фунтов стерлингов. Для того, чтобы стать баронетами, они должны были купить специальный патент, уплатив в королевскую казну 1095 фунтов. При этом претенденты на указанный титул брали на себя обязательство содержать в течение трех лет 30 солдат из армии, размещенной в Ирландии. Несмотря на то, что Яков I разрешил платить за баронетские патенты не всю сумму сразу, но с отсрочкой на три года, спрос на них оказался не слишком великим. До 1615 года патент на титул баронета купили менее

¹ «Quintuplex est divisio subitarum Anglai: Nobiles, Gives, Yeemani, Artisani, Opifices rusticorum» (The State of England, 1600 by Sir Thomas Wilson. P. 752).

² Ibid.

³ Ibid. P. 754.

⁴ Ibid. P. 755.

⁵ См.: Population // Oxford dictionary of British history / Ed. by J. Cannon. Oxford, 2001. P. 519.

⁶ Об этом свидетельствует обнаруженный в конце XVI — начале XVII в. сэром Робертом Коттоном патент, возлагавший титул баронета на Уильяма Пола. Данный патент был издан в тринадцатый год правления Эдуарда III (в 1340 г.).

сотни состоятельных англичан. В социальной иерархии баронеты заняли место, которое было выше положения рыцарей, но ниже положения баронов.

Любопытно, что в описании сословных групп английского общества Томас Смит, Уильям Харрисон и Томас Уилсон главное внимание уделяли их роду занятий и имущественному положению. Так, Т. Смит отмечал, что «джентльменами являются те, кого их кровь и раса делают знатными и известными»¹, но вместе с тем подчеркивал, что «ни один человек не делается в Англии бароном, если он не может расхотовать из ежегодного дохода, по меньшей мере, одну тысячу фунтов или одну тысячу марок»². Ежегодные же доходы виконтов, графов, маркизов и герцогов должны были, согласно Т. Смицу, позволять им расхотовать еще больше денег. Если представители указанных сословных групп имели доходы меньше установленных норм, они все равно сохраняли свои титулы. Однако в случае, когда уровень их имущественного положения падал настолько, что не позволял им «поддерживать честь», они «не допускались в верхнюю палату в парламенте, хотя и сохраняли при этом звание Лорда»³.

Для рыцаря ежегодный доход должен был обеспечивать, как отмечал Т. Смит, установленные «старинным правом Англии» расходы в сумме сорока фунтов стерлингов — например, «на коронацию короля, или свадьбу его дочери, или посвящение в рыцари принца»⁴.

Согласно сведениям, приводимым в трактате Томаса Уилсона, маркизы и графы имели каждый доход в среднем по 5000 фунтов стерлингов в год. Ежегодный доход барона и виконта составлял около 3000 фунтов⁵. Трое из епископов — Кентерберийский,

¹ *Smith Th. De Republica Anglorum. P. 38.*

² «... In Englande no man is created barron, excepte he may dispend of yearly revenue, one thousand poundes or one thousand markes at least» (*Smith Th. De Republica Anglorum. P. 32*). У. Харрисон писал об этом следующими словами: «Also in England no man is [commonlie] created baron, except he maie dispend of yearlie reuenues [a thousand pounds, or] so much as maie fullie mainteine & beare out his countenance and port» (*Harrison W. A Description of England. P. 112*).

³ *Smith Th. De Republica Anglorum. P. 32.*

⁴ *Ibid. P. 34.* Такую же сумму расходов для рыцаря называл и У. Харрисон (см.: *Harrison W. A Description of England. P. 115*).

⁵ Т. Уилсон сообщал, что 39 баронов и 2 виконта имели общий доход в сумме 120 000 фунтов стерлингов. Отсюда и вытекает, что на каждого из них при-

Винчестерский и Айл-оф-Илийский имели доход в сумме от 2-х до 3-х тысяч фунтов стерлингов в год, ежегодный доход остальных епископов составлял от одной тысячи до 500 фунтов, но некоторые из них получали меньше этих сумм¹.

Английская «старшая знать», или аристократия (герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны и епископы), переживала в начале XVII века трудные времена. Политическое влияние этого социального слоя неуклонно слабело.

Во-первых, он был слишком малочисленным, насчитывая немногим более шестидесяти семей. Сохранению малочисленности английской аристократии во многом способствовала королева Елизавета I, стремившаяся сохранить чистоту данной группы и предотвратить ее размывание разбогатевшими выходцами из менее знатных слоев. За последние тридцать лет Ее Величество возвела в аристократический ранг всего лишь одного человека и двоим позволила унаследовать аристократические титулы своих предков. В соответствии с порядком, закрепленным обычаем и правом, титулы герцога, маркиза, графа и барона передавались по наследству только старшим сыновьям. Остальные сыновья аристократов становились всего лишь эсквайрами. При этом все сыновья герцогов и маркизов и старшие сыновья графов величались лордами².

Во-вторых, подавляющее большинство английских аристократов начала XVII века не могло похвалиться древностью своего рода. Аристократическая родословная почти всех представителей английской «старшей знати» не простиралась далее одного-полутора столетий. Аристократические кланы, имевшие более древнее происхождение, были, за редким исключением³, целиком истреблены в ходе гражданской войны 1455–1485 годов между Йорками и Ланкастерами. Из 50 лордов, составлявших на момент начала указанной войны верхнюю палату английского парламента, к 1485 году осталось в живых 29. К 1540 году их число было восполнено. К концу XVI века, если судить по материалам трактата Томаса Уилсона «Государство Англии в 1600 году», численность английской аристократии едва превышала шесть десятков семей.

ходило в среднем около 3000 фунтов. См.: *Wilson Th. The State of England, 1600. P. 754.*

¹ Ibid.

² См.: *Smith Th. De Republica Anglorum. P. 32.*

³ Герцог Бэкингам и маркиз Дорсет.

С 1615 года король Яков I стал возводить в пэрство за деньги¹. В связи с этим состав высшей знати в течение нескольких лет существенно обновился. В 1621 году в Палате лордов заседал 91 светский пэр, из которых 42 человека получили пэрство во время правления Якова I.

В-третьих, к началу XVII века заметно ослабли экономические позиции аристократии в английском обществе. В отличие от французской, испанской и германской знати, опиравшейся в своем могуществе на обширные земельные владения, английская аристократия имела главным основанием своего могущества должности при королевском дворе. Титулы английских аристократов, как правило, не были связаны с находившимися в их владении землями², чему в немалой степени способствовала утвердившаяся еще во времена Вильгельма Завоевателя практика раздачи королем земель своим вассалам не единым массивом, а несколькими участками, располагавшимися в различных местностях. «Герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны, или возводятся в звание монархом, или удостоиваются этой почести, будучи старшими сыновьями, или высшими и ближайшими наследниками по отношению к своим родителям», — писал Томас Смит. При этом он отмечал, что возведением в звание именуется «в первую очередь дарование и определение условий почести (пожалованной монархом за добрую службу...), которая с титулом этой почести обыкновенно (но не всегда) жалуются ему и его наследникам, только мужского пола...»³.

К началу XVII века во владении английской аристократии находилось не более 3% земельных угодий⁴. Не имея возможности обеспечить соответствующий своим титулам жизненный уровень за счет эксплуатации аграрных хозяйств, английские аристократы искали необходимые им источники дохода при королевском дво-

¹ См.: *Firth Ch. H.* The House of Lords during the Civil War. London, 1910. P. 11.

² В связи с этим существовала ситуация, когда «граф Эссекс, например, не имел никакого отношения к землям графства Эссекс, а земли графа Оксфорда располагались где угодно, только не в Оксфордшире» (см.: *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI – начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / Отв. ред. В. А. Ведюшкин. М., 1997. С. 15).

³ *Smith Th.* De Republica Anglorum. P. 31.

⁴ См.: *Дмитриева О. В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990. С. 36.

ре. Они стремились любыми способами добиться для себя каких-либо материальных пожалований, пенсий или рент, заполучить должности, позволявшие присваивать казенные средства и брать взятки. С конца XVI века английские аристократы стали более активно и во все большем числе вовлекаться в предпринимательскую деятельность. По сведениям историка Л. Стоуна, в начале XVII века в этой сфере получали различного рода доходы 78% аристократических семей Англии¹. Одним из самых распространенных и быстрых способов обогащения становилось в это время для аристократов получение от королевской власти патентов, предоставлявших им исключительные права на производство чего-либо или торговлю каким-либо товаром. Самые выгодные отрасли внешней торговли Англии — например, экспорт шерсти и сукна, импорт вин, изюма и других продуктов — оказались, таким образом, в монопольном владении отдельных аристократов. Как правило, это были крупные сановники, имевшие доступ к королевской персоне.

Английская «старшая знать», хотя и не была кастой, во все времена представляла собой сословную группу, имевшую вполне определенные рамки. Число герцогов, маркизов, графов, виконтов и баронов всегда было хорошо известно. Да и правовое положение носителей данных титулов являлось достаточно определенным. «Пэрство герцогов, графов, маркизов, виконтов и баронов отличалось их наследственными титулами, их благоприятным правовым положением и их привилегированным парламентским статусом»².

Баронеты обладали, подобно названным группам, наследственным титулом, но они не имели юридических привилегий и мест в Палате лордов.

Сословная группа, называвшаяся «младшей знатью», являлась более открытой, чем знать «старшая». Еще Томас Смит признавал, что войти незнатному человеку в эту категорию было нетрудно. Необходимо было лишь достичь определенного уровня жизни. По его словам, «тот, кто изучил где-либо законы королевства, кто учился в университетах, кто освоил свободные науки и, короче говоря, кто может жить праздно, не предаваясь ручной работе и будет при этом в состоянии иметь осанку, обязанности и

¹ См.: *Stone L.* The crisis of the aristocracy. London, 1967. P. 627.

² *Wrightson K.* English society. 1580–1680. London, 1982. P. 23.

вид джентльмена, того назовут мастером, так как это и есть звание, которое люди дают эсквайрам и другим джентльменам»¹. Коллегия герольдов давала такому человеку за плату новоизобретенный герб и титул. При этом в геральдической книге делалась запись о том, что герб с титулом пожалованы ему за заслуги и некие достоинства. «Таких людей, — замечал Томас Смит, — иногда пренебрежительно называют джентльменами в первом поколении»². В звание рыцаря возвести мог только король. Елизавета I была скупа в раздаче данного титула. Однако в период правления Якова I и Карла I приобрести его мог практически любой землевладелец, имевший возможность заплатить за него требуемую сумму и не отказывавшийся от выполнения соответствовавших рыцарскому званию обязанностей. Впрочем, и обязанности и права лиц, относившихся к «младшей знати», не имели четко определенного характера. По этим причинам число рыцарей, эсквайров, джентльменов, священников и относившихся к названной группе образованных людей поддавалось только приблизительному учету.

В первые десятилетия XVII века в Англии происходил быстрый рост экономического влияния «младшей знати». Представители данной сословной группы активно втягивались в сферу развивавшейся капиталистической экономики. Многие из них становились успешными торговцами или налаживали производство каких-либо товаров. Этот процесс подметил Томас Уилсон, который писал в своем трактате «Государство Англия» о том, что «джентльмены, которые обыкновенно предавались войне, вырастают в настоящее время в добрых хозяев и знают так же хорошо, как фермеры или крестьяне, каким образом максимально улучшить свои земли»³. В исторической литературе вовлеченные в капиталистическую экономику предприимчивые представители «младшей знати» получили наименование «джентри», или «новое дворянство». По словам историка М. В. Винокуровой, «новый дворянин (как правило, в сословном отношении принадлежавший к тем, кто в источниках манориальной истории фиксируется как рыцарь —

¹ *Smyth Th. De Republica Anglorum. P. 39–40.*

² *Ibid. P. 40.*

³ «...The gentlemen, which were wont to addict themselves to the wars, are now for the most part grown to become good husbands and know as well how to improve their lands to the uttermost as the farmer or countryman» (*Wilson Th. The State of England, 1600. P. 752*).

knight, эсквайр — *esquire*, просто джентльмен — *gentleman*, оруженосец — *armiger* и т. д.) вполне мог быть лендлордом, жестоко эксплуатировавшим крестьян, сгоняющим их с наделов для запуска этих наделов под пастбище для овец (чья шерсть в то время являлась для предприимчивых людей поистине «золотым руном»), предпочитающим крестьянам арендаторов и наемных рабочих. В то же время он мог выращивать скот для сбыта на Лондонском рынке, разводить коров для изготовления из их молока сыра и масла, которые выгодно продавались в Англии и за рубежом, одновременно с этим добывать руду или каменный уголь (нередко на территории своего же поместья — источники подчас на наличие в манорах каменоломен, залежей угля или других полезных ископаемых) и т. д.»¹

Принадлежность джентри к категории знати давала им возможность участвовать в местном управлении, занимая должности мировых судей, шерифов, присяжных и т. д. Вместе с тем джентри составляли значительную часть Палаты общин английского парламента. К 1628 году совокупное имущественное состояние членов данной палаты стало более чем в три раза превышать совокупное богатство всех членов Палаты лордов, если при этом не считать короля². Рост материального благосостояния нового дворянства способствовал, таким образом, изменению соотношения сил в политической сфере английского общества.

Вслед за «старшей» и «младшей» знатью в иерархии английского общества конца XVI века — начала XVII века шли горожане, или буржуа. Среди них были не только торговцы или владельцы мануфактур, но и должностные лица городской администрации, а также члены Палаты общин английского парламента.

Самым мощным торговым центром в Англии был Лондон. В первые десятилетия XVII века происходил быстрый рост его населения, что дало королю Якову I основание сказать однажды в шутку: «Со временем Англия — это будет только Лондон»³. Во второй половине указанного столетия численность лондонцев увеличивалась медленнее, но в результате к началу XVIII века она

¹ *Винокурова М. В.* Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI — начала XVII в.). М., 2004. С. 73–74.

² См.: *Firth Ch. H.* The House of Lords during the Civil War. P. 31.

³ Цит. по: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 26.

удвоилась: в 1600 году в Лондоне проживало не более 250 000 человек, в 1700-м — 500 000 или более¹.

После горожан или буржуа Томас Смит ставил такую категорию населения, как йомены (yeomen). В его описании — это люди, которые, будучи лично свободными, свободно владели собственной землей, получая от нее доход в сумме сорока фунтов стерлингов в год². В социальной иерархии они стояли по рангу ниже джентльменов (дворян), но выше работников и ремесленников. Как правило, йомены были зажиточными людьми, проживали в добротных домах, вели какое-либо дело, приносящее доход, позволявший содержать слуг и купить дворянский титул. Томас Уилсон отмечал в своем трактате, что знал «многих йоменов в различных провинциях Англии, которые были способны ежегодно расходовать триста или пятьсот фунтов, получаемых посредством эксплуатации своей или арендованной земли, а некоторые в два и в три раза больше этого»³.

Численность богатых йоменов, «которые способны одалживать деньги королеве (что они обыкновенно делают по ее письмам за печатью, когда она ведет какие-либо войны, оборонительные или наступательные, или осуществляет какое-либо другое мероприятие)»⁴, Томас Уилсон оценивал в 10 000 человек только в сельской местности, не считая городов.

Количество йоменов, называвшихся фригольдерами, державших шесть–десять коров, пять–шесть лошадей, помимо телят, жеребят, овец, и имевших ежегодный доход в 300–500 фунтов стерлингов, насчитывалось в Англии и Уэльсе на рубеже XVI–XVII веков в 80 000 человек. Эту цифру Томас Уилсон вывел, как он сам указывал, из лично им просмотренных шерифских книг⁵.

Таким образом, к началу XVII века английское общество перестало быть феодальным. Этот переворот в социальных отношениях, произошедший постепенно, без революции, лишил феодальную прерогативу короля реальной основы. Земельное держание, вокруг которого данная прерогатива вращалась, потеряло свое

¹ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 26.

² См.: *Smyth Th.* De Republica Anglorum. P. 42.

³ *Wilson Th.* The State of England, 1600. P. 752.

⁴ *Ibid.* P. 753.

⁵ См.: *ibid.*

прежнее значение. В дебатах, состоявшихся в Палате общин 8 марта 1609/1610 года, по вопросу о прерогативной опеке прямо констатировалось, что такие должностные лица, как наместники и их заместители, мировые судьи в графствах, военачальники и т. д., служат своему монарху независимо от своих держаний, и «когда необходимо поднять какие-либо войска для службы монарху, все считают себя обязанными служить в качестве подданных, и ни один человек не задает вопроса ни о том, чьим держателем он является, ни о том, как он держит свою землю. Поэтому очевидно, что этот вопрос держаний не связан с правительством, он не является ни шпорой чести, ни уздой повиновения»¹.

¹ «Marshals and those that have served their Prince without respect of their tenures, and the Deputies, Lieutenants and justices of peace of every shire, they can assure us that upon occasion of musters, or when any forces have bene raised for the service of the Prince, all held themselves bound to serve as subjects, and noe man ever made question whose tennant he was, nor howe he held his land. Soe that yt is apparant that this matter of tenures is noe ligament of government, it is neither spurre of honor nor bridle of obedience» (Parliamentary Debates in 1610. P. 26).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1640–1660 ГОДОВ

1. Традиционность английского государственного строя, особенности его юридической конструкции. Понятия конституции (constitution) и основных законов (fundamental laws) в английской политической лексике

Государственный строй, существовавший в Англии накануне революции 1640–1660 годов, был традиционным в двойном отношении: во-первых, в силу того, что основы его сложились в давние времена и были незыблемыми в течение нескольких веков, а во-вторых, потому что политические отношения внутри него регулировались в большинстве своем традицией и обычаем.

Этот строй являлся результатом многовекового развития английской государственности. Его главные элементы — институт королевской власти, парламент, королевские суды, система местного самоуправления — сформировались в эпоху «высокого Средневековья»: в XII, XIII и XIV веках. В XVI столетии, в ходе реформ Генриха VIII (1509–1547) и Елизаветы I (1558–1603), они претерпели модернизацию, но при этом сохранили свою традиционную основу. Политическая система, унаследованная королями династии Стюартов — сначала Яковом I (1603–1625) и затем Кар-

лом I (1625–1648¹) от королевской династии Тюдоров, имела переходный характер: средневековые по своему происхождению и феодальные по природе принципы осуществления политической власти смешивались в его рамках с принципами, характерными для государственности Нового времени. Механизмы, предоставлявшие широкие возможности для произвола со стороны королевской администрации, сочетались с конструкциями, которые были способны ограничивать этот произвол. Дальнейшее развитие английской политической системы могло идти при таком положении двумя различными путями: либо в направлении усиления института единоличной королевской власти и соответственно ослабления парламента, а с ним и системы местного самоуправления, либо в русле возрастания значения парламента и органов самоуправления на местах с одновременным ослаблением единоличной королевской власти. Как известно, в действительности осуществился третий — революционный и катастрофический вариант, выразившийся в разрушении исторически сложившегося государственного строя, но это совсем не означает, что он был фатально неизбежен.

Тот факт, что в Англии в 40-е годы XVII века возобладал насильственный, революционный, способ разрешения политических конфликтов, безусловно, свидетельствует о наличии в английском государственном строе указанного времени серьезных слабостей и недостатков. Следует, однако, иметь в виду, что выход английского общества из революционного катаклизма произошел путем восстановления (пусть не во всех, но в основных элементах) именно этого государственного строя. Политическая же история Англии последней четверти XVII — начала XVIII века показала, что государственный строй, существовавший здесь накануне революции 1640–1660 годов и восстановленный по завершении ее, был вполне жизнеспособным и обладал достаточным потенциалом для дальнейшего развития и совершенствования.

В исторической литературе государственный строй Англии начала XVII века определяется, как правило, в качестве «абсолютной монархии» или «абсолютизма». Так, в книге В. В. Штокмар

¹ Король Карл I был казнен 30 января 1648 г., если считать по Юлианскому календарю, действовавшему в то время в Англии, и 9 февраля 1649 г. по Григорианскому летоисчислению, принятому тогда в Италии, Португалии, Испании, Франции, Голландии, Брананте, Фландрии, Баварии, Австрии, Венгрии и в других католических странах.

«История Англии в средние века» период правления Елизаветы Тюдор (1558–1603 гг.) называется «расцветом абсолютизма», «кульминационным пунктом в развитии английского абсолютизма»¹. По мнению историков В. М. Лавровского и М. А. Барга, «английский абсолютизм при первых Стюартах представлял собой упадочную форму феодально-абсолютистской монархии, пытавшейся опереться на аристократию, феодальное дворянство и на англиканскую церковь в борьбе с далеко зашедшими притязаниями буржуазии и нового дворянства»². Революция 1640–1660 годов изображается при этом как выступление английской буржуазии и примкнувшей к ней части обуржуазившегося дворянства (джентри) против феодальной абсолютной монархии³, а общий смысл изменений в английском государственном строе, произошедших на протяжении XVII столетия, видится в переходе от «абсолютной монархии» к монархии «конституционной». «До 1640 года формой правления в Англии, — утверждает во втором томе своей книги «Право и революция» американский историк Гарольд Берман, — была абсолютная монархия, в которой король правил с помощью своего совета и иногда, в случае, когда созывал его, с помощью своего парламента... После 1689 года формой правления была конституционная монархия, в которой парламент собирался постоянно и был высшим органом, хотя король и его совет сохраняли, с согласия парламента, существенную власть, особенно относительно иностранных дел и заморских колоний»⁴. Подобный взгляд на политическую систему, установившуюся в Англии после «славной революции» 1688 года, проводится и в книге «Свобода, порядок и правосудие» историка Джеймса МакКлеллана. По его словам, «принятая система была в действительности ограниченной или конституционной монархией»⁵.

¹ Штокмар В. В. История Англии в средние века. СПб., 2000. С. 169.

² Лавровский В. М., Борг М. А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. С. 180.

³ См., например: История государства и права зарубежных стран. Ч. 2 / Под ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. М., 1999. С. 1. Здесь пишется, в частности, о том, как «английская буржуазия выступила против феодальной монархии» и сумела «одержать победу над абсолютизмом».

⁴ Berman H. J. Law and Revolution, II. The impact of the protestant reformations on the western legal tradition. Harvard, 2003. P. 207.

⁵ McClellan J. Liberty, Order and Justice. An Introduction to the constitutional principles of American government. Third edition. Indianapolis, 2000. P. 30.

На мой взгляд, историки, считающие главным стержнем эволюции английской государственности на протяжении XVII века переход от строя абсолютной монархии к системе монархии конституционной, не обращают должного внимания на юридическую конструкцию государственного строя, существовавшего в Англии в начале XVII века. Данная конструкция не была простой фикцией, лишенной реального политического содержания. В ее правовых формах закреплялась и отражалась действовавшая на практике система институтов государственной власти, совокупность присущих им властных полномочий. Именно поэтому юридическая конструкция государственного строя Англии являлась предметом острых дискуссий между противоборствовавшими политическими группировками. Взаимная борьба этих группировок была во многом схваткой правоведов, фехтованием статьями законодательных актов и юридическими прецедентами. Каждая из конфликтующих сторон искала в сфере права опору своим политическим притязаниям и средства обуздания притязаний своего противника.

Если рассматривать английский государственный строй во всех его вариантах, существовавших на протяжении указанного века, через призму его правовых основ, то нельзя не прийти к выводу о том, что характеристики данного строя как строя «абсолютной монархии» или монархии «конституционной» являются слишком упрощенными и даже бессмысленными.

В настоящее время под конституцией понимается чаще всего документ, в котором сведены воедино правовые нормы, обладающие высшей юридической силой и закрепляющие основы общественного строя и политической системы страны, основные права и свободы граждан. Категория же основных законов обыкновенно используется при этом в качестве синонима понятия конституции.

Вместе с тем понятие конституции нередко употребляется для обозначения совокупности правовых норм, устанавливающих рамки деятельности органов государственной власти и охраняющих права и свободы граждан, а также в том случае, когда они не выражаются в едином документе и не имеют высшей юридической силы по отношению к другим правовым нормам. Так, в современной Великобритании конституционные установления не кодифицированы, не сведены в единый текст или серию документов, тем не менее считается, что и в этой стране есть конституция. По словам Эрика Барендта, британская конституция представляет собой «конституцию, укорененную в общем праве (common law)¹, в том

смысле, что ее фундаментальные принципы, такие как принципы парламентского верховенства и господства права, выражены в судебных решениях (judicial decisions). Подобно решениям (rulings) судов по контракту и причинению вреда, эти решения (decisions) не изложены в кодексе»². Кроме того, данная конституция является «гибкой в том смысле, что отсутствует строгое различие между обыкновенным и конституционным законодательством; статуты, имеющие дело с конституционными вопросами, не подчинены какой-либо специальной процедуре внесения поправок и могут быть в принципе легко отменены словесным выражением»³.

Подобные оценки британской конституции дает и правовед Т. Р. С. Элан, который утверждает в своей книге «Право, свобода и правосудие. Юридические основы британского конституционализма», что «при отсутствии высшего “конституционного” права, провозглашенного в писаной конституции и почитаемого в качестве источника уникального юридического авторитета, принцип господства права служит в Британии формой конституции. Именно в этом основном смысле Британия обладает конституцией, корнящейся в общем праве⁴, идеи и ценности которой, составляющие принцип господства права, отражены и воплощены в обыкновенном общем праве (common law)»⁵.

Если на развитие государственного строя Англии в течение XVII века посмотреть с точки зрения выраженного в приведенных высказываниях понимания сущности английской конституции, то станет очевидным, что английская монархия была «конституционной» не только в конце указанного века, но и в самом его начале. Факт наличия у Английского государства конституции или основных законов во времена, предшествовавшие «славной революции» 1688 года, признавали и сами участники революционных событий.

¹ Дословно: «This reflects the point that the constitution is a common law constitution».

² English Public Law / Edited by D. Feldman. Oxford, 2004. P. 7.

³ Ibid.

⁴ Дословно: «It is in this fundamental sense that Britain has a common law constitution».

⁵ «In the absence of a higher “constitutional” law, proclaimed in a written Constitution and venerated as a source of unique legal authority, the rule of law serves in Britain as a form of constitution. It is in this fundamental sense that Britain has a common law constitution: the ideas and values of which the rule of law consists are reflected and embedded in the ordinary common law» (*Allen T. R. S. Law, Liberty and Justice. The Legal Foundations of British Constitutionalism. Oxford, 1994. P. 4.*)

28 января/7 февраля 1688/1689 года Палата общин английского парламента, имевшего в тот момент статус Конвента, приняла резолюцию, в которой говорилось, что «Король Джеймс Второй, предприняв попытку ниспровергнуть *Конституцию* этого Королевства путем разрыва Первоначального Договора между Королем и Народом и по совету иезуитов и других злых лиц, нарушил основные законы...» (курсив мой. — В. Т.)¹.

Для обозначения юридической конструкции государственного строя английские политические деятели первых десятилетий XVII столетия использовали различные термины и словосочетания. Так, спикер Палаты общин в своей парламентской речи, произнесенной в присутствии короля Якова I 7 июля 1604 года, говорил о «законах, посредством которых Ковчег этого Правительства когда-либо направлялся»². По его словам, существует три вида таких законов: «во-первых, Common Law, основанное или выведенное из Божественного Права, Права Разума и Естественного Права, являющихся неизменными; во-вторых, позитивное право, основанное, изменяемое и переделываемое с помощью и через посредство случаев и течения времен; в-третьих, обычаи и обыкновения, соблюдаемые и признаваемые опытом времени, при отсутствии знания их истоков»³.

Однако в большинстве случаев юридическая конструкция государственного строя Англии обозначалась терминами «constitution» или «fundamental laws (основные законы)». Правовед и парламентарий Дж. Уайтлок (*James Whitelocke*, 1570–1632), выступая 2 июля 1610 года в Палате общин при обсуждении вопроса о праве короля устанавливать таможенные пошлины (*impositions*) без согласия парламента, заявлял, что подобные действия его величества «противоречат естественному порядку и конституции политики этого

¹ «King James the Second, having endeavoured to subvert the Constitution of this Kingdom, by breaking the Original Contract between King and People; and, by the Advice of Jesuits, and other wicked Persons, having violated the fundamental Laws...» (The Journal of the House of Commons. Vol. 10. London, 1802. P. 14).

² «The Laws, whereby the Ark of this Government hath been ever steered» (Journal of House of Commons. Vol. 1. London, 1802. P. 254).

³ «The first, the Common Law, grounded or drawn from the Law of God, the Law of Reason, and the Law of Nature, not mutable; the second, the positive Law, founded, changed and altered by and through the Occasions and Policies of Times; the third, Customs and Usages, practiced and allowed with Time's Approbation, without known Beginnings» (ibid).

королевства, которая представляет собой *Jus publicum regni* (публичное право королевства); и тем самым ниспровергают *фундаментальный закон* королевства и ведут к созданию новой формы государства и правления» (курсив мой. — В. Т.)¹.

О «фундаментальном законе Англии», по которому «парламент является общим советом короля и королевства»², говорил в 1638 году в одной из своих судебных речей судья Королевской Скамьи сэръ Роберт Беркли. Этому закону должна была, по его мнению, подчиняться и королевская власть. «Хотя король Англии обладает монархической властью и имеет привилегию высшего достоинства и облечен абсолютным доверием к своей короне и персоне для управления своими подданными, однако его правление должно осуществляться сообразно законам королевства»³, — утверждал он.

Понятия конституции и фундаментальных законов часто использовались в парламентских речах, в политических и правовых документах периода революции 1640–1660 годов. Так, лорд Фольклэнд говорил в своем выступлении на заседании Палаты общин 7 декабря 1640 года о том, что «конституция этого государства установила, или скорее пыталась установить для нас, гарантии сохранности нашего имущества и сохранности тех законов, которые должны охранять нас и наше имущество, посредством назначения для нас судей, постоянных и верных присяге в такой степени, что не может быть никакого гнета»⁴.

¹ «...Is against the natural frame and constitution of the policy of this Kingdom, which is *Jus publicum regni*, and so subverteth the fundamental law of the realm, and induceth a new form of state and government» (Parliamentary debates in 1610 / Edited from the notes of a member of the House of Commons by Samuel Rawson Gardiner. London: Camden Society, 1862. P. 103. См. также: Complete collection of state trials and proceedings for high treason and the other crimes misdemeanors from the earliest period to the year 1783 / Ed. T. B. Howell. London, 1816. Vol. 2. P. 481).

² «I confess, that by the fundamental law of England, the Parliament is *commune concilium Regis et regni*» (Extracts from the argument of Sir Robert Berkeley, Justice of the King's Bench // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. Third edition, revised / Selected and edited by S. R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 123).

³ «Though the King of England hath a monarchical power, and hath *jura summae majestatis*, and hath an absolute trust settled in his crown and person, for government of his subjects; yet his government is to be *secundum leges regni*» (ibid. P. 116).

⁴ «The constitution of this Common-wealth, hath stablisht, or rather endeavoured to establish to us, the security of our goods, and the security of those Lawes, which should secure us, and our goods, by appointing for us judges, so settled, so sworne, that

В представленных 25 ноября 1640 года в Палату лордов «Статьях Общин...», в которых формулировалось обвинение графа Страффорда в государственной измене, отмечалось, что он «предательски предпринял попытку ниспровергнуть *Фундаментальные Законы* и Правление Королевств Англии и Ирландии и ввести вместо него произвольное, тираническое и противозаконное Правление» (курсив мой. — В. Т.)¹.

О попытке «ниспровергнуть фундаментальные Законы и Правительство Королевства Англии» шла речь и в статьях по обвинению в государственной измене, выдвинутому королем Карлом I против вождей парламентской оппозиции 3/10 января 1641/1642 года².

В декларации «долгого парламента», принятой 27 мая 1642 года, подчеркивалось, что «согласно Конституции и политике этого королевства, король не может посредством своей прокламации объявлять закон, противоречащий решению и резолюции какого-либо из нижестоящих судов правосудия, еще менее — закон, направленный против Высокого Суда Парламента»³.

Употребляя понятия «конституция» или «основной закон королевства», английские правоведы и парламентарии первых десятилетий XVII века, как правило, не давали им определения. При этом смысловое значение этих понятий не вызывало среди них каких-либо споров.

Иначе и не могло быть — под терминами «constitution» и «fundamental law» английские политические деятели подразумевали не какую-либо конкретную совокупность правовых норм, но common law («общее право»)⁴ Англии.

there can be no oppression» (*The Lord Falkland. His Learned Speech in Parliament, in House of Commons, Touching the Judges and the late Lord Keeper. London, 1640. P. 3*).

¹ «Hath traitorously endeavoured to subvert the Fundamental Lawes and government of the Realmes of England and Ireland and instead thereof to introduce an arbitrary and tyrannicall Government against Law» (Depositions and articles against Thomas, Earle of Strafford. Febr. 16. 1640. London, 1640. P. 1. См. также: *Journal of the House of Lords. London, 1802. Vol. 4. P. 97*).

² *The Journal of the House of Lords. Vol. 4. P. 501*.

³ «By the Constitution and Policy of this Kingdom, the King by His Proclamation cannot declare the Law contrary to the Judgment and Resolution of any of the Inferior Courts of Justice, much less against the High Court of Parliament» (*Journal of House of Commons. Vol. 5. London, 1802. P. 113*).

⁴ Словосочетание «common law» в нашей юридической литературе переводится как «общее право». При этом не учитывается, что в Англии помимо этого

2. Common Law как основа английской конституции

Именно common law считал главным юридическим фундаментом своей власти король Яков I. Выступая 21 марта 1610 года на заседании обеих палат английского парламента, его величество говорил о том, что хотя «своим Королевством он не обязан ни какой избранной власти и не зависит от одобрения народа», тем не менее «закон возложил корону на его голову, и он является королем на основании common law страны»¹.

Принципы common law составляли юридическую основу властных полномочий и английского парламента. Об этом говорил, например, в своей парламентской речи 28 июня 1610 года Томас Хедлей (*Thomas Hedley*). По его словам, «власть и полномочия парламента проистекают из common law, а не common law — от парламента. И поэтому common law обладает большим влиянием и силой, чем парламента»².

Идея о common law как фундаменте, на котором строилась организация и деятельность английского парламента, проводилась также авторитетным правоведом Эдуардом Куком³ (*Edward Coke*,

«общего права» (common law) действовало еще одно «общее право» — *ius commune*, представлявшее собой амальгаму средневекового римского и канонического права. Оно применялось в практике церковных судов и судов справедливости (courts of equity). До второй половины XVIII в. именно его преподавали в английских университетах. По словам Р. Х. Гельмхольца, «влияние общего права (*ius commune*) в Англии не ограничивалось университетскими факультетами или трибуналами специальной юрисдикции. Оно было известно и применялось в разнообразии способов и ситуаций юристами common law и правительственными чиновниками» (*Helmholz R. H. The ius commune in England: four studies. Oxford: University press, 2001. P. 4*).

¹ «The lawe did set the Crowne upon his head, and he is a King by the common lawe of the land» (Parliamentary Debates in 1610 / Edited by S. R. Gardiner. London, 1862. P. 24).

² «The parliament hath his power and authority from the common law, and not the common law from the parliament. And therefore the common law is of more force and strength than the parliament» (Proceedings in Parliament, 1610. 2 Vols / Edited by Elizabeth Read Foster. New Haven: Yale University Press, 1966. Vol. 2. P. 174).

³ Имя Э. Кука впервые встречается в документах английского парламента за 1592 год. На заседании Палаты лордов 22 февраля указанного года он был утвержден королевой Елизаветой в должности спикера Палаты общин. Речь Э. Кука на данном заседании так понравилась Ее Величеству, что, сообщая ей через посредство лорда-хранителя Большой печати о своем согласии на занятие

1552–1634). В предисловии («To the Reader») к девятой части своих «Reports», напечатанных в 1613 году, он — в то время Главный судья Суда общих тяжб — отмечал, что парламент, выступающий в качестве высшего суда Английского королевства, «является частью структуры, установленной нормами common law, и в некоторых случаях действует законным образом согласно обыкновенному порядку common law, как это показывает статут, принятый в 39 год правления Эдуарда III»².

Повышению значения common law в качестве регулятора политических отношений в английском обществе весьма способствовала доминировавшая в среде английских правоведов и политических деятелей доктрина, согласно которой его принципы, определявшие статус и прерогативы королевской власти, полномочия и привилегии парламента, а также нормы, закреплявшие права и свободы подданных Английского королевства, возникли, развивались и изменялись независимо от какой-либо государственной власти.

Подобная оценка принципов и норм common law проистекала из понимания его как обычая, зародившегося в незапамятной древности и основанного на разуме. Именно такое понимание общего права выражал в 1610 году в своей парламентской речи Томас

им этой должности, она одновременно выразила благодарность Палате общин «за сделанный удачный выбор — избрание на должность спикера подходящего человека» (A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and Hoyses of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 459). С тех пор во всех журналах Палаты лордов и Палаты общин английского парламента этот правовед выступает под именем Edward Cooke. Очевидно, что на русском языке это имя должно произноситься как Эдуард **Кук**. В современной английской историко-правовой литературе оно пишется как E. Coke. Соответственно его надлежало бы произносить по-русски как **Коук**. Однако в русской литературе этот правовед почему-то называется Коком. Я решил возвратиться к тому произношению его имени, которое было принято при его жизни.

¹ То есть в 1365 г.

² «This Court, being the most supreme Court of this Realm, is a part of the Frame of the Common Laws, and in some Cases doth proceed legally according to the ordinary Course of the Common Law, as it appeareth in 39 Ed. 3, fol.» (The Ninth Part of the Reports of sir Edward Coke Kt. Chief Justice of the Common Pleas. London, MDCCXXVII (1727). To the Reader). В предисловии «К читателю», предваряющем основной текст названного произведения Э. Кука, отсутствует нумерация страниц.

Хедлей. «Common law — это разумный обычай, действующий во всем королевстве, испытанный временем, запечатленный в записи королевского суда, обладающего юрисдикцией по всему королевству, призванный нести добро и выгоду для государства»¹, — говорил он. «Common law Англии, — писал в 1615 году правовед Джон Дэвис (*John Davies*, 1569–1626)², — есть не что иное, как общий обычай королевства... И это обычное право является наиболее совершенным и самым превосходным и, без сравнения, лучшим для того, чтобы создавать и сохранять государство. Ибо писанные законы, созданные эдиктами монархов, или государственными советами, налагаются на подданного до того, как осуществлены какая-либо судебная процедура или испытание, и до того, как эти законы покажут себя подходящими и соответствующими природе и характеру народа, или будут вызывать неудобства. Однако обычай никогда не становится законом, обязывающим народ, до тех пор, пока он не будет испытан и проверен мудростью времени, и поэтому в течение всего этого времени он не порождает никакого неудобства: так как если в какое-либо время оно обнаружится, он не будет более применяться, но его действие прервется, и он соответственно утратит достоинство и силу закона»³.

¹ «The common law is a reasonable usage, throughout the whole realm, approved time out of mind in the king's court of record which have jurisdiction over the whole kingdom, to be good and profitable for the commonwealth» (Proceedings in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 175).

² В 1603–1606 гг. Дж. Дэвис занимал должность генерального солиситора (solicitor-general), в 1606–1619 гг. он был генеральным атторнеем (attorney-general) по Ирландии.

³ «The common law of England is nothing else but the common custom of the realm... And this customary law is the most perfect and most excellent, and without comparison the best to make and preserve a commonwealth. For the written laws which are made either by the edicts of princes, or by councils of state, are imposed upon the subject before any trial or probation [is] made, whether the same be fit and agreeable to the nature and disposition of the people, or whether they will breed any inconvenience or not. But a custom does never become a law to bind the people until it has been tried and approved time out of mind, during all which time there did thereby arise no inconvenience: for if it had been found inconvenient at any time, it had been used no longer, but had been interrupted, and consequently it had lost the virtue and force of a law» (*Davies J. Le Primer Report des Cases et Matters en Ley Resolues et Adjudges en les Courts del Roy en Ireland // Divine right and democracy. An Anthology of political Writing in Stuart England / Edited by D. Wootton. London, 1986. P. 131*).

Содержание журналов Палаты лордов и Палаты общин английского парламента показывает, что характеристика *common law* как права обычного считалась само собой разумеющейся. Томас Уэнтворс¹ (*Thomas Wentworth*, 1593–1641) в своем выступлении на заседании Палаты общин 15 декабря 1621 года высказывал как истину, не требующую доказательств: «*Common law* является обычаем в самом себе»².

Как право обычное и вместе с тем древнее представлял английский *common law* в своих трудах и правовед Эдуард Кук. В обращении к «ученому читателю», предваряющем вторую часть его «*Reports*», он писал: «Есть (говорит Еврипид) три добродетели, заслуживающие, чтобы мы думали о них: чтить Бога, наших родителей, давших нам жизнь... и общие законы Греции; подобное я говорю и тебе (добрый читатель): следующим после обязанности и почтения к Богу и его помазаннику, милостивому суверену, и уважения к родителям стоит должное почтение и повиновение к общим законам Англии: так как из всех законов (я говорю о человеческих) эти являются наиболее пригодными и наиболее определенными, величайшей древности»³. Взгляд на *common law* как на *право обычное* предполагал и понимание его как древнего, в то же время представление о нем как о *праве древнем* было связано с его трактовкой как обычного права. Эти две характеристики *common law* позволяли, в свою очередь, назвать его основанием *разум*.

Такое понимание *common law* выражал еще английский барристер конца XV – начала XVI века Кристофер Сэнт-Герман (*Christopher Saint-German*, около 1460–1540). В написанном в 1518 году произведении «Доктор и студент, или Диалоги между доктором теоло-

¹ Граф Страффорд с января 1640 г.

² «The Common Law a Custom in itself» (*The Journals of the House of Commons*. London, 1802. Vol. 1. P. 665).

³ «There are (saith Euripides) three virtues worthy our meditation: to honour God, our parents who begat us... and the common laws of Greece; the like do I say to thee (gentle reader) next to thy duty and piety to God, and his anointed, thy gracious sovereign, and thy honour to thy parents yield due reverence and obedience to the common laws of England: for of all laws (I speak of human) these are most equal and most certain, of greatest antiquity» (*Coke E. The Second Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt., His Majesty's Attorney-General // The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In thirteen parts. In six volumes. Vol. 1: Parts I–II. London, 1826. P. V*).

гии и студентом, изучающим право Англии» он отмечал, в частности, что «первое основание права Англии составляет право разума»¹, которое существует как «в этом королевстве, так и во всех других королевствах». Под разумом Кристофер Сент-Герман мыслил в данном случае *естественный* разум, неизменный и связанный с законами природы. При этом он выделял в праве разума две степени: «право разума первичного (the law of reason primary)», устанавливавшее основополагающие нормы человеческого общества (запреты на убийство, лжесвидетельство, обман, нарушение мира и т. п.), и «право разума вторичного (the law of reason secondary)», которое, в свою очередь, делил на «право вторичного разума общее» и «партикулярное»². По словам К. Сэнт-Германа, «право разума вторичного общее основывается и происходит из общего права, или общего обычая собственности»³, поскольку «право собственности обыкновенно охраняется во всех странах», «право вторичного разума партикулярное составляет право, которое происходит от различных общих и партикулярных обычаев и от различных правил поведения и статутов, предписанных в этом королевстве»⁴.

Английские правоведы начала XVII века представляли common law в качестве воплощения *искусственного* разума. «Эффективным основанием норм, мотивов и аксиом, — писал правовед Джон Доддеридж (*John Dodderidge*, 1555–1628), — является свет естественного разума, испытанного и просеянного дискуссией и аргументацией. И отсюда оказывается, что право (как это было объявлено прежде) называется разумом; не тем разумом, который каждый человек носит в себе, но искусственным разумом; таким разумом, который посредством ума, обучения и долговре-

¹ «The first ground of the law of England is the law of reason» (*Saint-German Ch. The Doctor and Student, or Dialogues between a doctor of divinity and a student in the laws of England, containing the grounds of those laws, together with questions and cases concerning the equity thereof / Revised and corrected by William Muchall. Cincinnati, 1874. P. 12*).

² Ibid. P. 12–13.

³ «The law of a secondary reason general is grounded and derived of the general law, or general custom of property» (ibid. P. 13).

⁴ «The law of reason secondary particular is the law that is derived of divers customs general and particular, and of divers maxims and statutes ordained in this realm» (ibid).

менной практики становится искусным в делах людей...»¹. Из приведенного высказывания явствует, что Джон Доддеридж смотрел на естественный разум как на сырьевой материал, из которого профессиональные юристы получают с помощью специальных приемов разум искусственный, составляющий, по его мнению, настоящее основание *common law*.

В свою очередь, истоки естественного разума Джон Доддеридж усматривал в законах природы и в общих обычаях Английского королевства².

С искусственным разумом связывал *common law* Англии и правовед Эдуард Кук. В первой части своих «Институтов», опубликованной впервые в 1608 году, он писал о том, что «разум есть жизнь права, более того, *common law* само по себе есть не что иное, как разум, добытый долгим изучением, наблюдением и опытом, а не естественным разумом каждого человека, так как *nemo nascitur artifex* (никто не рождается ремесленником). Этот правовой разум *est summa ratio* (является высшим разумом). И поэтому, если весь разум, рассеянный по многим различным головам, соединить воедино, разве не может он создать такое право, как право Англии, так как посредством длинной череды столетий он был улучшен и усовершенствован множеством авторитетных и ученых людей, и через долговременный опыт достиг такого совершенства для управления этим королевством, что этим можно справедливо подтвердить старинное правило “*Neminem oportet esse sapientiolem legibus*”: “Ни один человек не способен (своим собственным частным разумом) быть умнее, чем право, которое есть совершенство разума”»³.

¹ «The efficient cause of Rules, Grounds, and Axiomes is the light of naturall reason tried and sifted upon disputation and argument. And hence is it, that the Law (as hath bin before declared) is called reason; not for that every man can comprehend the same; but it is artificiall reason; the reason of such, as by their wisdom, learning, and long experiences are skilfull in the affaires of men...» (*Dodderidge J. The English Lawyer. Describing a method for the managing of the Lawes of this Land. And expressing the best qualities requisite in the Student Practizer Judges and Fathers of the same. London, 1631. P. 242*).

² «A Rule or Principle of the Law of England, is a Conclusion either of the Law of Nature, or derived from some generall custome used within the Realme, containing in a short summe the reason and direction of many particular and speciall occurrences» (*ibid. P. 153–154*).

³ «Reason is the life of the Law, nay the common Law it selfe is nothing else but reason, which is to be understood of an artificiall perfection of reason, gotten by long

Трактовка common law как права, базирующегося на искусственном, а не на естественном разуме, давала Эдуарду Куку возможность обоснованно возражать против присвоения королем судебных полномочий. В 1607 году на конференции королевских судей и членов Тайного совета между королем Яковом I и Э. Куком возник спор по вопросу о том, имеет ли король правомочие самолично решать дела на основании common law. Яков I говорил, что он обладает таким правомочием, поскольку право, как ему думается, «основано на разуме, а он и другие люди обладает разумом в такой же мере, как и судьи»¹. Эдуард Кук отвечал на это, что Бог действительно одарил его величество блестящими знаниями и великими природными талантами, «однако его величество не учен в законах своего Английского королевства и в делах, которые касаются жизни, или наследования, или вещей, или благосостояния своих подданных; они не должны решаться с помощью естественного разума, но лишь посредством искусственного разума и судебного решения по закону, который представляет собой акт, требующий долговременного изучения и опыта прежде, чем человек сможет достичь его знания»².

Сходный с воззрениями Эдуарда Кука взгляд на common law имел Томас Хедлей. В парламентской речи, произнесенной 28 июня

study, observation, and experience, and not of every man's naturall reason, for, Nemo nascitur artifex. This legall reason, est summa ratio. And therefore if all the reason that is dispersed into so many severall heads were united into one, yet could he not make such a Law as the Law of England is, because by many successions of ages it hath been fined and refined by an infinite number of grave and learned men, and by long experience growne to such a perfection, for the government of this Realme, as the old rule may be justly verified of it, Neminem oportet esse sapientiozem legibus: No man (out of his owne private reason) ought to be wiser than the Law, which is the perfection of reason» (*Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England. Or A Commentary upon Littleton, not the name of the Author only, but of the Law it selfe. The Fifth Edition, corrected. London. Anno 1656. P. 97b*).

¹ The Twelfth Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt. Of divers resolutions and Judgements, given upon solemn Arguments, and with great Deliberation and Conference with the Learned Judges in Cases of Law, The most of them very Famous, beeng of the King especial Reference from the Council Table, Concerning the Prerogative. The second edition. London, 1677. P. 64.

² «But his Majesty was not learned in the Laws of his Realm of England, and causes which concern the life, or inheritance, or goods, or fortunes of his Subjects; they are not to be decided by naturall reason but by the artificial reason and judgment of Law, which Law is an act which requires long study and experience, before that a man can attain to the cognizance of it» (*ibid*).

1610 года, он определил это право как «разумный обычай, действующий во всем королевстве, испытанный временем, запечатленный в записи королевского суда, обладающего юрисдикцией по всему королевству, призванный нести добро и выгоду для государства»¹. После этих слов Хедлей заметил: поскольку обычай есть часть его определения *common law*, он не ошибется, если смешает это право с обычаями, «которые различаются так же, как искусственный разум и голые прецеденты»². При этом он выразил мнение о том, что «недостаточно сказать о [*common law*] как о голом разуме, но оно должно пройти проверку разумом, то есть лучшим разумом или квинтэссенцией разума — разумом, испытанным и признанным мудростью времени, непрерывными в течение многих веков благом и выгодой для государства»³.

Томас Хедлей, так же как и Эдуард Кук, мыслил *common law* в качестве феномена, соединяющего в себе искусственный разум и обычай. Однако если Э. Кук представлял обычай, составлявший ядро *common law*, неизменным, то, по мнению Т. Хедлея, данный обычай должен был меняться с течением времени.

Близкой к воззрению Томаса Хедлея на *common law* была точка зрения правоведа Джона Дэвиса.

Понимание *common law* как права обычного давало основание для придания ему высшей юридической силы по отношению к актам английского парламента. «Когда наши парламента, — отмечал Джон Дэвис, — исправляли или изменяли какие-либо фундаментальные особенности *common law*, эти исправления оказывались на практике столь неудобными для государства, что *common law* на деле опять восстанавливалось в тех же самых особенностях в последующие века посредством других парламентских актов»⁴.

¹ «I will now define it thus: the common law is a reasonable usage, throughout the whole realm, approved time out of mind in the king's court of record which have jurisdiction over the whole kingdom, to be good and profitable for the commonwealth» (Proceedings in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 175).

² «But here because I must make custom a part in my definition of the common law, I would not be mistaken, as though I meant to confound the common law with custom, which differ as much as artificial reason and bare precedents» (ibid).

³ «it is not enough to say [*common law*] to be barely reason, but it must be tried reason, that is, the best reason or the quintessence of reason, reason tried and allowed by the wisdom of time for many ages together to be good and profitable for the commonwealth» (ibid).

⁴ «When our parliaments have altered or changed any fundamental points of the common law, those alterations have been found by experience to be inconvenient for

Подобно Т. Хедлею, Дж. Дэвис считал обычай, составлявший содержание common law, воплощением искусственного разума, и признавал необходимость его изменения с течением времени.

Современный английский историк Гленн Бёргесс, проанализировав взгляды Эдуарда Кука, Томаса Хедлея и Джона Дэвиса на common law, пришел к выводу о том, что последним словом в своей концепции этого права они считали не обычай, а разум, поскольку были убеждены, что «никакой обычай не мог сделать закон действительным, если он находился в конфликте с разумом; обычай был средством открытия рациональных принципов, или аксиом, а не альтернативы им»¹. На самом деле, определить, какому из двух элементов common law — разуму или обычаю — названные правоведы придавали большее значение, совершенно невозможно. Основой английского common law они считали, с одной стороны, лишь тот разум, который воплощался в обычае, а с другой стороны, только такой обычай, который нес в себе разумные правила поведения. Не случайно Томас Хедлей называл это право «разумным обычаем (reasonable custom)».

Привязывая разум, рассматривавшийся в качестве основополагающего элемента common law, к обычаю, который всегда является в силу самой своей природы творением не одного какого-либо человека, но многих людских поколений, английские правоведы создавали тем самым доктринальные предпосылки для трактовки английского common law как совокупности принципов и норм, возникшей и развивающейся независимо от верховной государственной власти. В свою очередь, именно стремление представить common law в качестве самодовлеющей правовой системы — явления, над которым нет суверена — побуждало английских правоведов первых десятилетий XVII века описывать его в понятиях искусственного разума и обычая. Очевидно, что такое описание было слишком умозрительным, оно не отражало подлинной истории возникновения и развития common law и не раскрывало истинной

the commonwealth, as that the common law has in effect been restored again, in the same points, by other acts of parliament in succeeding ages» (*Davies J. Le Primer Report des Cases et Matters en Ley Resolues et Adiudges en les Courts del Roy en Ireland // Divine right and democracy. An Anthology of political Writing in Stuart England. P. 132*).

¹ *Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. London, 1992. P. 53.*

его сущности. С этой точки зрения английские правоведы выступали в своих высказываниях, посвященных common law, в большей степени как **идеологи**, нежели **ученые**.

Эта оценка особенно справедлива, на мой взгляд, по отношению к Эдуарду Куку, который старался провести в своих произведениях идею о том, что разумные обычаи, составившие основу common law, установились в незапамятные времена и с тех пор на всем протяжении истории Англии оставались неизменными. Для подтверждения приведенной мысли Э. Кук ссылался на замечание Джона Фортеस्कью (*John Fortescue*, ок.1390–1400 — после 1476), сделанное им в семнадцатой главе книги «*De Laudibus Legum Angliæ* (Похвала законам Англии)». Отметив, что Английское королевство было в первый раз заселено бриттами (Britons), впоследствии же управлялось римлянами, потом опять бриттами, за ними королевством владели саксонцы, после саксонцев — датчане и, наконец, пришли нормандцы, чьи потомки управляют Англией и по настоящее время, Фортеस्कью заявлял далее: «В течение всего этого времени, в которое доминировали несколько народов и их короли, *Англия* управлялась тем не менее такими же обычаями, какие действуют в настоящем»¹. Однако, мысль о неизменности обычаев, составлявших содержание common law, совсем не выражала истинного убеждения Э. Кука. Он неоднократно писал в своих произведениях об английском common law как о результате деятельности множества «авторитетных и ученых людей», которые на протяжении «длинной череды столетий» улучшали и совершенствовали его². А такая характеристика common law явно подразумевала понимание его в качестве права, которому присуща изменчивость.

О том, что английское common law на протяжении столетий постоянно менялось, писали во времена Эдуарда Кука многие правоведы. Так, в 1616 году Джон Селден (*John Selden*, 1584–1654)

¹ *Fortescue J.* Commendation of the Laws of England / Translation into English of “*De Laudibus Legum Angliæ*” by Francis Grigor. London, 1917. P. 27. Эдуард Кук цитирует приведенное высказывание Джона Фортеस्कью в предисловии к шестой части своих «*Reports*». См.: *The Six Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt.* // *The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In thirteen parts. In six volumes. Vol. 3. Parts V–VI.* London, 1826. P. IV–V.

² См.: *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England. Or A Commentary upon *Littleton*, not the name of the Author only, but of the Law it selfe. The Fifth Edition, corrected. London. Anno 1656. P. 97b.

обращал внимание на этот непреложный исторический факт в своих «Заметках на “Похвалу законам Англии” сэра Джона Фортескью (Notes on Sir John Fortescue De Laudibus Legum Angliae)». Как постоянно развивавшееся явление Селден представлял английское common law и в других своих работах¹. Подобный взгляд на это право проводили в своих трудах многие английские правоведы XVII века. Однако Эдуард Кук продолжал проповедовать идею его неизменности. Очевидно, что он сознательно искажал истинную сущность common law.

Подобным же образом искажалась и сама история common law. В предисловии к третьей части «Reports» Эдуард Кук утверждал, что, по его мнению, «достаточно доказано, что законы Англии обладают намного большей древностью, чем та, о которой сообщается, и которой обладают конституции или имперские законы римских императоров»². Английский правовед не мог не понимать, что допускает в данном случае слишком большое преувеличение.

Искажением истинной сущности common law было и понимание его в качестве права, проистекающего из божественных и природных законов. Спикер Палаты общин Ричард Онслоу (*Richard Onslow*) говорил в 1566 году в своем выступлении в парламенте о том, что common law Английского королевства «основано на законах Божьих и Природных», и «является не низшим, а скорее высшим, и более беспристрастным, чем какое-либо другое право». «Потому что, — пояснял он, — наше common law, хотя и предусматривает для монарха много монарших прерогатив и привилегий, не является таким, что монарх может брать деньги или другие вещи, или делать, что хочет по своей воле без соблюдения порядка»³.

¹ См. об этом: *Burgess G.* The Politics of the Ancient Constitution. P. 63–67.

² «I think it is sufficiently proved that the laws of England are of much greater antiquity than they are reported to be, and than any the constitutions or laws imperial of Roman Emperors» (The Third Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt., Her Majesty's Attorney-General // The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In English, in thirteen parts comlete; with references to all the ancient and modern books of the law. Vol. 2. London, 1777. P. Xb).

³ A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 115.

Сэр Эдуард Фелипс, занимавший в 1603–1611 годах должность спикера Палаты общин, называл в своей парламентской речи 7 июля 1604 года три вида права, посредством которого «управляется корабль этого государства (commonwealth)». На первое место он ставил «common law, основанное или проистекающее из Божественного Права, Права Разума и Права Природы, не подверженных изменениям»¹.

Сознательно распространяя искаженные представления об истории и сущности common law — своего рода миф этого права — английские правоведы первых десятилетий XVII века утверждали тем самым неизбежность и верховенство его принципов в юридической конструкции государственного строя Англии. Common law объявлялось на основании этих представлений лучшим по своим качествам, более пригодным для регулирования взаимоотношений подданных с государственной властью и различных государственных органов между собой, чем какое-либо другое право. Джон Дэвис писал в 1615 году в своей книге «Первый отчет о юридических случаях и делах, по которым вынесены решения и приговоры в Королевских судах в Ирландии»: «Когда наши парламенты исправляли или изменяли какие-либо фундаментальные особенности common law, эти исправления оказывались на практике столь неудобными для государства, что common law на деле опять восстанавливалось в тех же самых особенностях в последующие века посредством других парламентских актов»².

Помимо норм common law в качестве регулятора политических отношений в Англии применялись в отдельных случаях принципы ius commune³ и правила, установленные статутами. Однако именно common law придавало юридической конструкции государ-

¹ «The Common Law, grounded or drawn from the Law of God, the Law of Reason, and the Law of Nature, not mutable» (The Journals of the House of Commons. Vol. 1. P. 254).

² «When our parliaments have altered or changed any fundamental points of the common law, those alterations have been found by experience to be inconvenient for the commonwealth, as that the common law has in effect been restored again, in the same points, by other acts of parliament in succeeding ages» (Davies J. Le Primer Report des Cases et Matters en Ley Resolues et Adiudges en les Courts del Roy en Ireland. P. 132).

³ По словам Р. Х. Гельмхольца, «ius commune в течение длительного времени использовался в случаях, когда возникала нужда разрешить вопросы конституционного значения и дипломатической важности. Например, коронационная присяга, принимавшаяся английскими монархами, формировалась частью тем,

ственного строя Англии устойчивый характер. Его нормы составляли в данной конструкции правовые ценности, которые признавались всеми политическими группировками английского общества. Речи, произносившиеся на заседаниях английского парламента, а также принимавшиеся его депутатами документы показывают, что и король, и стоявшие в оппозиции к нему парламентарии были едины в стремлении сохранять традиционные, сложившиеся в эпоху Средневековья и закрепленные в *common law* начала государственного строя Англии.

В условиях, когда в английском обществе отсутствовало то, что в настоящее время называется публичным правом, то есть система правовых норм, в которых четко определяются prerogatives королевской власти, полномочия парламента и других государственных органов, *common law* становилось главным инструментом защиты индивидов от произвола государственной власти. Оно содержало нормы, закреплявшие гарантии личной и имущественной неприкосновенности английских подданных. Наиболее известные и авторитетные среди таких норм были провозглашены в «Великой Хартии Вольностей» — в статуте, который считался неотъемлемой частью *common law*. Э. Кук писал в своем комментарии к этому документу, что «он был в большей своей части декларацией главных оснований фундаментальных законов Англии»¹.

Для того чтобы *common law* могло эффективно выполнять функцию защиты английских подданных от произвола государственной власти, необходимо было предотвратить такое вмешательство короля и парламента в сферу этого права, которое приводило бы к разрушению его основополагающих принципов и норм. Этой задаче и призван был служить созданный английскими правоведами миф о том, что *common law* является по своей сущности

что находилось в *ius commune*, и к тому же самому источнику права обращались, в конечном счете, для решения задачи оправдания свержения английского монарха с престола. Политическая мысль испытывала, таким образом, влияние того, что могло быть извлечено из него. *Ius commune* имело также значение в ведении иностранных дел» (*Helmholz R. H. The ius commune in England: four studies. P. 4.*

¹ «It was for the most part declaratory of the principall grounds of the fundamentall Laws of England» (*The Second part of the Institutes of the Laws of England: containing the Exposition of many ancient, and other statutes. The sixth edition. London, MDCLXXXI (1681). A Proeme to the Second Part of the Institutes.*). В данном издании отсутствует нумерация страниц в предисловии (проеме) к основному тексту.

обычным правом, что оно возникло до нормандского завоевания, а развивалось и функционировало исключительно благодаря усилиям профессиональных юристов, а не королей.

Конституционное значение *common law* выражалось, таким образом, преимущественно в том, что его принципами и нормами очерчивалась сфера общественной жизни, в которую королевская власть вмешиваться не могла.

Любопытно, что границы такой сферы являлись в значительной степени неопределенными. Но эта их неопределенность имела свой смысл. Если бы все права и свободы английских подданных были четко определены, то королевская власть имела бы больше легальных возможностей для произвольных действий. Крепость, построенная на границе какого-либо государства, может быть в высшей степени неприступной, но это совсем не означает, что она надежно охраняет территорию этого государства. Для вторжения в его пределы совсем необязательно брать крепость штурмом, вполне возможно просто обойти ее стороной.

3. Институт королевской власти: king-in-parliament и rex solus (king out of parliament).

Парламент как институт политической власти

Государственный строй, существовавший в Англии в первые десятилетия XVII века, имел организацию, которая вполне могла обеспечивать соблюдение интересов всех основных социальных групп. Она предполагала компромисс, с одной стороны, между различными политическими группировками в системе центральной власти, с другой стороны, между ними и теми группировками, которые держали власть на местах — в графствах. Необходимость поддерживать такой компромисс была заложена в самой конструкции верховной государственной власти, сложившейся в Англии к началу XVII века. Данная власть, хотя и обозначалась древнегреческим по своему происхождению термином «monarchy (монархия)», подразумевавшим единоличный, единодержавный характер правления, имела в качестве своего носителя не одно лицо — персону монарха, но систему политических институтов. Король, являвшийся главным элементом этой системы, выступал в ее рамках, с одной стороны, как самостоятельный властный орган — king

solus, с другой стороны, в соединении с парламентом — как король-в-парламенте (king-in-parliament). При этом подразумевалось, что именно в слиянии с полномочиями парламента королевская власть является высшей. Генрих VIII говорил на 34-м году своего правления парламентариям: «Мы информированы нашими судьями о том, что ни в какое время мы не стоим столь высоко в своем Королевском Статусе, как во время [сессии] Парламента, где мы, как Глава, и вы, как Члены, соединяемся и сливаемся в одно Политическое Тело»¹. Эти слова английского короля приводил в 1637 году в своей защитительной речи перед судьями Палаты казначейства (the Exchequer-Chamber) по делу Джона Хэмпдена (ship-money case) правовед Оливер Сэнт Джон (*Oliver St. John*, 1598–1673). «Декларация их, — пояснял он при этом, — показывала таким образом, что это было собственное мнение короля, согласно которому он ни в какое время не стоял столь высоко в своем статусе, как во время парламента»².

Мысль о том, что высшая власть воплощалась в Англии не в институте единоличной королевской власти, но в короле, действующем в соединении с парламентом, высказывал в 1610 году в своем выступлении в парламентских дебатах по проблеме налогов правовед Джеймс Уайтлок (*James Whitelocke*, 1570–1632). Он подчеркивал, в частности, что в Англии «суверенная власть пребывает, по общему согласию, в короле: но в короле есть двойная власть; одна — в парламенте, когда ему содействует согласие всего государства; другая — вне парламента, когда он один и единственный, руководствующийся только собственной волей. И если из этих двух властей в короле одна более великая, чем другая, и

¹ «We being informed by our judges, that We at no time stand so highly in our Estate Royal, as in the time of Parliament, wherein we as Head, and you as members, are conjoined and knit together into one body politick» (Proceedings in the Case of Ship-Money, between the King and John Hampden Esq., in the Exchequer, 1637. 13. Car. I // A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours; from the Reign of King Richard II to the Reign of King George II. In six volumes. The third edition, with additions. London, M. DCC. XLII (1742). Vol. 1. P. 518). См. об этом также: *Bibliotheca Politica: or a Discourse by way of Dialogue, whether the King be the Sole Supream Legislative Power of the Kingdom; and whether our Great Councils, or Parliaments, be a Fundamental Part of the Government, or else proceeded from the Favour and Concessions of former Kings*. London, 1692. P. 345.

² A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours. Vol. 1. P. 518.

может направлять и контролировать другую, то есть является *suprema potestas*, верховной властью, а другая — *subordinate*, тогда будет легко доказать, что власть короля в парламенте более великая, чем его власть вне парламента, она и направляет и контролирует последнюю»¹.

Как истинно высшую власть представлял власть короля-в-парламенте депутат Палаты общин Джордж Дигби (*George Digby*, 1612–1677). «Истина, сэръ, — говорил он в своей парламентской речи 19/29 января 1640/1641 года², — заключается в том, что Король *Англии* никогда не стоит в своей славе, в своем величии, в своем Величественном Суверенитете так, как в *парламентах*. Где полномочие назначать налоги? Где полномочие восстанавливать в правоспособности? Где законодательная власть? Соединены в короле, мистер *спикер*. Но как? В короле, окруженном, укрепленном и усиленном его *Парламентом*. Король вне *парламента* имеет ограниченную, очерченную юрисдикцию. Но сопровождаемый своим *парламентом* — ни один монарх Востока не является столь абсолютным в рассеивании недовольства»³.

Английский парламент в соответствии с таким пониманием верховной государственной власти считался политическим органом, включавшим в себя не только лордов духовных и светских с представителями графств (общин), но и короля. Данное воззрение проводилось, в частности, в трактате английского теолога Ричарда Хукера (*Richard Hooker*, 1553–1600) «О законах церковной политики». В восьмой книге этого произведения, опубликованной уже после смерти автора, говорилось, что парламент Англии «состоит из короля и всех тех, кто ему подчинен: так как все они представ-

¹ Цит. по: *Holdsworth W. A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 85.*

² В Англии действовал в то время Юлианский календарь, согласно которому новый год начинался 25 марта. В XVII веке расхождение между Юлианским и Григорианским календарями составляло десять дней.

³ «The truth is Sir, the Kings of *England* are never in their glory, in their splendor, in their Majestique Sovereignty, but in *Parliaments*. Where is the power of imposing Taxes? Where is the power of restoring from incapacities? Where is the legislative Authority? Marry in the King, Mr. *Speaker*. But how? In the King circled in, fortified and evirtuated by his *Parliament*. The King out of *Parliament* hath a limited, a circumscribed Jurisdiction. But wayted on by his *Parliament*, no Monarch of the East is so absolute in dispelling Grievances» (The Lord Digbyes speech in the House of Commons to the Bill for trienniall Parliaments. Jan. 19. 1640 // The Speeches of the Lord Digby in the High Court of *Parliament*, concerning grievances and the Trienniall Parliament. London, 1641. P. 24).

лены там, или собственной персоной, или посредством того, что добровольно передали туда свои личные права»¹.

Описывая в своих трактатах организацию верховной власти в Англии первых десятилетий XVII века, английский теолог Чарльз Хёрл (*Charles Herle*, 1598–1659) называл ее смешанной монархией. «Англия — не просто *субординационная* или *абсолютная*, но *координационная* и *смешанная Монархия*, — отмечал он. — Это *смещение* или *координация* существует в *верховенстве* самой власти, иначе *Монархия* не была бы *смешанной*: Все *Монархии* имеют в себе *смещение* или структуру *подчиненных* и нижестоящих должностных лиц, но здесь *Монархия* или *высшая* власть сама *составлена* из 3 *равных друг другу* Корпораций (*Estates*), *Короля* и двух *Палат Парламента*; этой *смешанной* власти никакая *подчиненная* власть ни в каком случае не будет способна оказать *сопротивление*»².

В современной исторической литературе «смешанная монархия», существовавшая в Англии накануне революции 1640–1660 годов, понимается, как правило, в качестве государственного строя, при котором имело место смешение законодательной и исполнительной властей. В Англии же указанного времени под «смешанной монархией» понимался государственный строй, предполагавший слияние в единое политическое тело короля, Палаты лордов и Палаты общин. Именно такое понимание английской «смешанной монархии» показывали в своих работах английские правоведы и теологи конца XVI – начала XVII века при описании государственного строя современной им Англии. Следовал этому воззрению и сам английский король.

В 1642 году Карл I заявлял парламентариям: «Мы очень хорошо знаем великую и неограниченную Власть Парламента, но мы

¹ *Hooker R.* Of the Laws of Ecclesiastical Polity // The works of that learned and judicious divine Mr. Richard Hooker with an account of his life and death by Isaac Walton. Seventh edition. Vol. 3. Oxford, 1888. P. 408–409.

² «*England* is not a simply *subordinative*, and *absolute*, but a *Coordinative*, and *mixt Monarchy*; This *mixture*, or *Coordination* is in the very *Supremacy* of power it selfe, otherwise the *Monarchy* were not *mixt*: all *Monarchies* have a *mixture*, or composition of *subordinate*, and under-officers in them; but hereth *Monarchy*, or *highest* power is itself *compounded* of 3 *Coordinate Estates*, a *King*, and two *Houses* of Parliament; unto this *mixt* power no *subordinate* authority may in any case make *resistance*» (*Herle Ch.* A Full Answer to a Treatise written by doctor Ferne, entitled The resolving of Conscience upon this Question, Whether upon this Supposition, or Case (the King will not defend, but is bent to subvert *Religion, Lawes* and *Liberties*) Subjects may with good Conscience make resistance. London, 1642. P. 2).

знаем так же, что она такая только в том смысле, что Мы являемся Частью Парламента. Без Нас и вопреки Нашему Согласию, голоса какой-либо или обеих Палат вместе не должны, не могут, не будут (если Мы можем избежать этого ради блага наших Подданных, так же как и Нашего собственного) запрещать что-либо, что является используемым по закону, или использовать что-либо, запрещенное законом»¹.

Существование в политической системе Англии наряду с единоличной — монархической в собственном смысле этого слова — власти института короля-в-парламенте, то есть королевской власти, соединенной с полномочиями парламента, неизбежно породило проблему разграничения этих двух властей. Уильям Блэкстон (*William Blackstone, 1723–1780*) в первой книге своих «Комментариев к законам Англии», напечатанной первым изданием в 1765 году, различал их как власть законодательную и исполнительную. Верховная власть в Англии, писал он, «разделена на две ветви, одна — законодательная, а именно: парламент, состоящий из короля, лордов и общин; другая — исполнительная, состоящая из одного короля»². Подобная характеристика верховной государственной власти является слишком упрощенной для Англии середины XVIII века. К английской же верховной власти первых десятилетий XVII столетия она совсем неприменима. Различие между властью парламента или, точнее: короля-в-парламенте, с одной стороны, и единоличной королевской властью, с другой стороны, не было по своей юридической и политической природе различием между властью законодательной и исполнительной.

Английский парламент, состоявший из короля, лордов и общин, являлся не только законодательным органом. И не только представительным собранием, дающим своим решением юридическое основание для сбора налогов. Не был он и судебным орга-

¹ «We very well know the great and unlimited Power of a Parliament, but We know, as well, that it is only in that sense, as We are a Part of that Parliament. Without us, and against Our Consent, the votes of either, or both Houses together, must not, cannot, shall not (if We can help it for Our Subject's sake, as well for Our own) forbid any thing that is enjoyned by the Law, or enjoyn any thing that is forbidden by the Law» (His Majesties Answer to the Declaration of both Hovses concerning Hull. Sent 4. May 1642. London, 1642. P. 1–2).

² «With us therefore in England this supreme power is divided into two branches; the one legislative, to wit, the parliament, consisting of the king, lords, and commons; the other executive, consisting of the king alones» (*Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book the first. Oxford, M. DCC. LXV (1765). P. 142–143*).

ном в обычном понимании такового. Его деятельность не сводилась к исполнению каких-либо отдельных функций, будь то: законодательная, судебная или финансовая. Английский парламент был органом не какой-то отдельной разновидности власти — законодательной или судебной: он был по своей природе институтом *власти вообще*, то есть политической власти как таковой. Этот характер английского парламента вполне отражается в тех названиях, которые он имел с первых лет своего существования. Самое распространенное среди них — «High Court of Parliament (Высокий Суд Парламента)» или просто «High Court». Скорее всего, под этим названием подразумевался в данном случае не судебный орган в обыкновенном значении этого слова, но способ принятия того или иного решения в рамках парламента, который был очень похож на судебную процедуру, предполагавшую состязание сторон, столкновение противоположных мнений и т. д. На эту мысль наводит, в частности, отсутствие определения к термину «High Court», которое указывало бы на характер дел, рассматриваемых в нем. Кроме того, следует иметь в виду, что судебные органы в Средние века выступали в значительной мере и как административные органы: вершить суд означало одновременно «управлять». И соответственно термин «court» употреблялся для обозначения административного органа с широким кругом самых разнообразных властных полномочий.

Отсюда не следует, что английский парламента вообще не выполнял никаких судебных функций. В ряде случаев он действовал именно как высшая судебная инстанция. Такая практика появилась во второй половине XIV века, после того как парламентариями было решено рассматривать дела о государственной измене высших должностных лиц не в каком-либо королевском суде, а именно в парламенте. Тогда же и стало употребляться название английского парламента «Высоким Судом (High Court)». Но распространенным оно сделалось, начиная с XV века¹.

Одной из функций английского парламента было рассмотрение выраженных в петициях жалоб частных лиц на те или иные нарушения их прав. Такая деятельность оказывалась по своему характеру близкой к судебной. Именно это имел в виду король Яков I, когда говорил в 1609 году: «Парламент является высочай-

¹ См.: Myers A. R. Parliament, 1422–1509 // The English Parliament in the Middle Ages / Ed. By Davies R. G. and Denton J. H. Manchester, 1981. P. 141–184.

шим судом правосудия, и поэтому наиболее подходящим местом для того, чтобы различные виды жалоб могли найти свое соответствующее разрешение»¹. Однако в 1605 году Яков I заявлял в своем выступлении перед парламентариями: «Этот Высокий Суд Парламента (High Court of Parliament)... есть не что иное, как Королевский великий Совет (King's great Council), который Король собирает или по случаю толкования, или отмены старых законов, или создания новых»².

О том, что парламент Англии был по своей природе институтом *власти вообще*, свидетельствует и его наименование «представительным органом всего королевства (the Body Representative of all the Realm)», а также «Великим Советом Королевства (Great Council of the Kingdom)». Оба эти наименования стали применяться к английскому парламенту с самого его возникновения.

В документах, отражающих деятельность парламента Англии в первые десятилетия XVII века, он часто обозначался одновременно всеми тремя своими названиями. Так, запись в «Журнале Палаты общин» от 19 марта 1603 года³, зафиксировавшая начало работы первого парламента короля Якова I, отмечала, что первоначальной заботой его величества было «воссоздать и обновить законы, жизнь правительства, с помощью величайшего Совета Королевства — Высокого суда парламента, который, будучи составленным из трех корпораций (представительного органа этого государства), был, по обычаю, и необходимым способом собран в городе Уэстминстере, примыкающем к городу Лондону, метрополии, или материнскому городу королевства»⁴.

Действуя как представительный орган и совет всего королевства, парламент Англии выполнял роль арены, на которой происходило согласование противоречивых интересов различных политических группировок английского общества. Вместе с тем развитие в первые десятилетия XVII века внутренней организации

¹ The Political Works of James I. London, 1616. P. 314.

² Ibid. P. 287.

³ По Юлианскому летоисчислению.

⁴ «His first care was to re-create and renew his Laws, the Life of Government, by the greatest Council of the Kingdom, the High Court of Parliament; which, being compounded of the Three Estates (the Body Representative of this Commonwealth) was, of Custom and in a Manner, of Necessity, to be assembled at the City of Westminster, adjoining to the City of London, the Metropolis, or Mother City, of the Kingdom» (The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 1. P. 139).

парламента вело к тому, что он брал на себя, пусть пока и в мало-заметной манере, некоторые функции исполнительной власти. Во второй половине XVI века в рамках обеих палат парламента начали создаваться специальные или «избранные» комитеты, предназначенные для обсуждения тех или иных конкретных вопросов. Правда, в то время они не усиливали роль парламента в механизме государственной власти, а скорее ослабляли ее. Через посредство этих комитетов королева Елизавета и ее советники могли с большей эффективностью влиять на ход рассмотрения различных государственных дел в парламенте. Отдельной группе парламентариев было легче навязать свою волю, чем всему их собранию. Решение же, принятое в специальном парламентском комитете, чаще всего определяло собой решение всей палаты парламента.

Однако происходившее в первые десятилетия XVII века совершенствование института специальных комитетов превратило их в фактор, способствовавший усилению власти парламента. Наряду с комитетами, создававшимися для выработки предварительного решения по какому-либо конкретному вопросу и состоявшими из небольшой группы парламентариев, — так называемыми «избранными комитетами (select committee)», в английском парламенте стали формироваться постоянные комитеты, предполагавшие участие в рассмотрении дел с правом голоса при принятии решения всех членов палаты. Они получили наименование «комитетов всей палаты (committees of the whole House)»¹. Обсуждение

¹ В журнале заседания Палаты общин, состоявшегося 3 ноября 1640 г., зафиксировано, что в этот день были созданы: Комитет всей Палаты по вопросам религии (A Committee of the whole House for Religion), Комитет всей Палаты по жалобам (A Committee of the whole House for Grievances), Комитет всей Палаты по Судам правосудия (A Committee of the whole House for Courts of Justice), Комитет всей Палаты по привилегиям (A Committee of the whole House for Privileges), Комитет всей Палаты по торговле (A Committee of the whole House for Trade) и др. «Эти Комитеты, — говорится в указанном журнале, — имеют полномочие запрашивать документы, книги, протоколы, бумаги, вызывать должностных лиц, участников и свидетелей; а также вызывать и заслушивать Советников; и должны сообщать Палате свои мнения и отчитываться перед ней о своей работе» (The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 2. P. 21). Они именуются в журнале «главными комитетами (Grand Committees)». Им предоставляется полномочие создавать в своих рамках субкомитеты. Так, например, в журнале заседания Палаты общин, состоявшегося 22 декабря 1640 г., упоминается «субкомитет, созданный ранее для рассмотрения обвинений университетов по предмету религии» (ibid. P. 55).

государственных дел в таких комитетах не подчинялось строгим правилам парламентской процедуры, поэтому в их рамках парламентарии имели возможность более глубоко вникнуть в сущность той или иной проблемы. Влияние короля и Тайного совета на решения этих комитетов сводилось к минимуму. Таким образом, к началу революции 1640–1660 годов функции английского парламента далеко выходили за пределы полномочий чисто законодательной власти.

Столь же сложным по своей юридической и политической природе являлся институт единоличной королевской власти — *rex solus* или *king out of parliament*. Данный институт и в настоящее время нельзя отнести к категории только исполнительной власти. Не был он исключительно исполнительной властью и во времена Уильяма Блэкстоуна. Но еще более очевидным является это применительно к первым десятилетиям XVII века. Несмотря на то, что власть короля-в-парламенте считалась правоведами того времени «более великой», чем его власть вне парламента — как единоличного властителя, первая не могла ограничить вторую, не нарушив фундаментальных английских правовых принципов. Джон Финч (*John Finch*, 1584–1660) — Лорд-Главный судья Суда общих тяжб в 1634–1640 годах — говорил в 1637 году в своей речи на процессе по делу Джона Хэмпдена: «Акты Парламента могут убрать цветы и украшения Короны, но не саму Корону... Никакой акт Парламента не может лишить Короля его королевской власти, так чтобы никакие земли не держались бы от него, или же лишить его присяги на верность от своих подданных»¹.

Парламент Англии обладал огромной властью, однако созывался и распускался он по усмотрению короля, который действовал в этих случаях как единоличный властитель. Участник процесса 1637 года по делу Хэмпдена Роберт Беркли, занимавший в то время пост судьи Суда Королевской Скамьи, говорил в своей речи: «Я верю, что по фундаментальному закону *Англии* Парламент является *Общим Советом Короля и Королевства*, что он есть величайший, наиболее почетный и верховный Суд в Королевстве;

¹ «Acts of Parliament may take away Flowers and Ornament of the Crown, but not the Crown itself... No Act of Parliament can bar a King of his Regality, as that no Lands should hold of him; or bar him of the Allegiance of his Subjects» (A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours. Vol. 1. P. 687).

что ни один человек не должен мыслить чего-либо позорного о нем: однако позвольте мне сказать, это не более, чем *Совет*; сказать так — не значит опозорить его; Король может созывать его, приостанавливать его деятельность, распускать его по своему желанию; и что бы Король ни сделал в данном отношении, это всегда будет приниматься как справедливое и необходимое»¹. Очевидно, что в указанном случае король действовал не в качестве неотъемлемой части парламента, но как единоличный властитель — *rex solus*.

Таким образом, носителями верховной власти в Англии были накануне революции 1640–1660 годов политические институты, выступавшие одновременно в нескольких качествах, исполнявшие множество функций и опиравшиеся в своей деятельности на разные правовые системы. Очевидно, что подобная конструкция верховной власти уже сама по себе создавала предпосылки для острейшего политического конфликта между различными группировками правящего слоя. Столкновение между королем и парламентариями было при таких условиях неизбежным. Но при любом течении конфликта лучшим выходом из него оказывался компромисс. Взаимосвязь различных институтов в системе верховной государственной власти Англии имела такой характер, что разрушение одного из них неминуемо влекло за собой разрушение другого. Парламент не мог функционировать без королевской власти, но и король без парламента не мог действовать в достаточной мере эффективно. Подобная роковая взаимосвязь политических институтов пронизывала весь государственный строй Англии — с вершины и до самых оснований.

¹ «I confess, that by the fundamental Law of *England*, the Parliament is *Commune Concilium Regis & Regni*, that it is the greatest, the most honourable and supreme Court in the Kingdom; that no Man ought to think any dishonourable thing of it: yet give me leave to say so is no Dishonour to it: The King may call it, prorogue it, dissolve it, at his Pleasure; and whatsoever the King doth therein, is always to be taken for just and necessary» (A Complete Collection of State-Trials. P. 626).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕРОГАТИВЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА И ПЕТИЦИЯ О ПРАВЕ 1628 ГОДА

1. Понятие королевской прерогативы и ее виды

В «Комментариях на Литлтона» правовед Эдуард Кук давал следующее определение термину «прерогатива»: «*Prærogativa* происходит от слов *præ*, т.е. до-, и *rogare*, то есть спрашивать или требовать заблаговременно, из которых получается *prærogativa*, обозначающая наивысший орган, потому что хотя акт прошел обе палаты, лордов и общин, в парламенте, однако до того, как он станет законом, на него должно быть испрошено, или истребовано, или достигнуто королевское согласие, и в этом заключается собственный смысл данного термина. Но юридически он распространяется на все правомочия, преимущества и привилегии, которые закон дает короне... Брэктон (кн. I) в одном месте называет это вольностями (*libertatem*), в другом — королевскими привилегиями (*privilegium regis*); Бриттон (следуя W. I (Первому Вестминстерскому статуту. — *B.T.*) — правом короля (*droit le roy, jus*

regium)¹ и правом королевской короны (*jus regium coronæ*) и т. д.»².

Подобным же образом определял прерогативу и Уильям Блэкстоун. «Под словом прерогатива, — писал он в своих «Комментариях к законам Англии», — мы обыкновенно понимаем то особое преимущество, которое король имеет относительно и сверх всех других лиц и которое вытекает из обычного порядка *common law* в соответствии с правом королевского достоинства. Оно обозначает в своей этимологии (от *prae* и *rogo*) нечто истребуемое или испрашиваемое до, или в предпочтение ко всем другим. И отсюда следует, что она должна быть по своей природе исключительной и эксцентричной; и может применяться только к тем правам и способностям, которыми король пользуется один в противоположность к другим, но не к тем, которыми он пользуется совместно с какими-либо своими подданными: так как если бы какая-нибудь прерогатива короны могла однажды быть осуществляема совместно с подданным, она не являлась бы более прерогативой»³.

Уильям Стаббс отмечал в «Конституционной истории Англии», что «королевская прерогатива не была в своем происхождении вымыслом теоретиков. Она выросла из определенных условий национальной жизни, из которых какие-то существовали до нормандского завоевания, другие были результатом этой великой перемены, третьи явились следствием особенного хода правлений Генриха II и его наследников»⁴.

Из приведенных определений королевской прерогативы видно, что английские правоведы называли этим термином не любые преимущества или привилегии королевской власти, но лишь та-

¹ Праву короля специально посвящена глава XIX книги I трактата «Бриттон», которая соответственно называется «О праве короля» («*De Dreit le Roi*» — в оригинальном тексте, написанном на старофранцузском языке, и «*Of the king's rights*» — в переводе на английский язык). См.: Britton. The French text carefully revised, with an English translation, introduction and notes, by Francis Morgan Nichols. Oxford, 1865. Vol. 1. P. 69–74.

² *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. The thirteenth edition. London, M. DCC. LXXV (1775). P. 90b.

³ *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Book the first. Oxford, M. DCC. LXV (1765). P. 232.

⁴ *Stubbs W.* The Constitutional History of England in its origin and development. Oxford, M DCCC XCVI (1896). Vol. 2. P. 542.

кие, которые имели правовое основание. Характер этого основания во многом определял вид прерогативы. Многие полномочия короля базировались на римском праве, которое именовалось правом цивильным (*civil law*) или правом народов (*law of nations*). Совокупность таких полномочий именовалась **абсолютной** или **экстраординарной прерогативой**. Целый ряд королевских полномочий имел своим основанием английское *common law* или статуты Английского королевства. Эти полномочия представляли собой **ординарную прерогативу**. Некоторые полномочия королевской власти проистекали из Священного писания и составляли **прерогативу по Божественному праву** (*jus divinum*). Четвертая группа привилегий английского короля основывалась на феодальном праве в узком смысле — *jus feodale*. Ее можно назвать **феодальной прерогативой**.

Указанные прерогативы определяли четыре различных грани английской монархии. При осуществлении *абсолютной прерогативы* король действовал как **суверенный государь (Sovereign Lord)** или **император (Emperor)** — то есть как глава государства, независимый от каких-либо иностранных государей и от власти римского папы. Осуществляя *ординарную прерогативу*, король выступал в качестве **верховного правителя (Supreme Governor)**, то есть самого высокого должностного лица в системе управления Англией. В отличие от абсолютной прерогативы, наделявшей монарха правом действовать исключительно по своему усмотрению, ординарная прерогатива предполагала обязанность короля согласовывать свои действия с парламентом. В юридическом смысле король и парламент выступали в этом случае как единый орган государственной власти — король-в-парламенте (*king-in-parliament*). Это соединение королевской власти с парламентской было не просто теоретической концепцией. Без такого соединения невозможно было обойтись в конкретных условиях английского общества. Существование сильного, самостоятельного местного самоуправления, с одной стороны, и отсутствие в распоряжении королевской власти разветвленного аппарата государственного управления и постоянной армии, с другой стороны, делало сотрудничество короля и парламента при принятии законов необходимостью. Раздробленное на уровне местного самоуправления, английское общество объединялось на вершине государственной власти — в союзе короля и парламента.

Прерогатива по божественному праву принадлежала королю как **наместнику Бога** на земле (**God's Lieutenants upon earth**). В отличие от абсолютной (экстраординарной) и ординарной прерогатив, состоявших из конкретных полномочий короля и соответственно определявших конкретные сферы практического применения королевской власти, данная прерогатива имела весьма абстрактное содержание. Она выражалась в совокупности различных идеологических концепций, закреплявших высокий статус короля в обществе. Яков I в своей речи, произнесенной в парламенте 21/31 марта 1609/1610 года, особо выделил среди этих концепций: 1) концепцию божественной власти (divine power), связывающую королевскую власть с властью Бога¹; 2) патриархальную концепцию, уподобляющую власть короля власти патриарха — главы семьи²; 3) концепцию, сопоставляющую короля с головой в человеческом теле³.

Прерогатива, основанная на божественном праве, не давала королю возможности действовать произвольно. Напротив, в самом существе Божественной прерогативы были заложены ограни-

¹ По словам Якова I, «короли справедливо называются Богами, так как они осуществляют образ или подобие Божественной власти на земле: потому что если рассмотреть характерные признаки Бога, то будет видно, как они сходятся в личности короля. Бог имеет власть создавать или разрушать, совершать или не совершать по своей воле, даровать жизнь или насыпать смерть, судить всех и никому не быть ни подотчетным, ни подсудным: возвышать низкое и делать высокое низким по своей воле, и Богу обязаны как души, так и тела. И подобной властью обладают короли: они создают и уничтожают своих подданных (they make and unmake their subjects): они имеют власть возвышать и свергать; над жизнью и смертью: судить всех своих подданных и во всех случаях, и при этом не подотчетны никому, разве только Богу. Они обладают властью возвышать низкое и низводить высокое, и могут делать со своими подданными то, что делают люди с пешками и фигурами при игре в шахматы» (*James I. A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-hall, on Wednesday the XXI. Of March. Anno 1609 [1610] // The Political Works of James I. P. 307*).

² Яков I говорил об этом буквально следующее: «A King is truly *Parens patriae*, the political father of his people (Король есть подлинный Отец отечества, политический отец своего народа)» (ibidem). Почти то же самое утверждал в рассматриваемое время в своей книге «В защиту Права Королей» английский правовед Э. Форсетт: «The Prince is *Pater Patria*, the Father of the Countrey (Монарх есть Отец Отечества, отец Страны)» (*Forsett E. A Defence of the Right of Kings. London, 1624. P. 23*).

³ «Kings are compared to the head of this microcosm of the body of man (Короли сравнимы с главой микрокосма человеческого тела)», — заявлял Яков I (ibidem).

чения произвола королевской власти. 30 ноября 1601 года королева Елизавета говорила парламентариям: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому, заявляю вам торжественно, мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия... Я знаю, Титул Короля — Славный Титул; но уверяю вас, что сияющая слава Королевской Власти не слишком ослепила глаза нашего разума; мы тем не менее знаем и помним, что мы также подвержены Отчету за наши Действия перед великим Судией»¹. Преемник Елизаветы на королевском престоле Яков I тоже вполне сознавал, что божественный характер королевской власти означает ограничение действий короля определенными рамками. Раскрывая парламентариям свое понимание королевской власти, он подчеркивал, что «вся эта власть предписана Богом *ad aedificationem, non ad destructionem* (для созидания, не для разрушения). Потому что, хотя Бог имеет как власть разрушения, так и созидания или защиты, не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушении природы»². Из этого Яков I делал вывод о том, что сумасшедшим является король, который истребляет своих подданных или причиняет им какое-либо другое зло.

О божественном происхождении королевской власти, о божественной монархии, о короле как наместнике Бога на земле часто говорилось на заседаниях английского парламента на протяжении XVI и первой половины XVII века. Но за этими понятиями скрывалась не мысль о том, что король может управлять произвольно, никакими рамками себя не ограничивая, а скорее напоминание ему о его королевских обязанностях. Бог представлялся при этом не в виде некоего высшего авторитета, разрешающего королю творить все, что угодно его величеству и соответственно оправдывающего любые его действия, но в качестве всемогущего создателя и

¹ A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 659–660.

² *James I.* A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-hall, on Wednesday the XXI. Of March. Anno 1609 [1610] // The Political Works of James I. P. 308.

господина вселенной, в которого королю следует верить и которому он должен служить¹.

Прерогатива по jus feodale закрепляла за королем Англии статус **сюзерена** и давала ему власть феодального сеньора над теми английскими подданными, которые могли считаться его вассалами. Содержание данной прерогативы состояло, в частности, из правомочий короля требовать несения военной службы, а также из различного рода денежных выплат от тех, кто считался имеющим земельное держание непосредственно от Его Величества (*the tenures of capite*) или держание на правах рыцарской службы.

Значительная часть преимуществ и привилегий, составлявших феодальную королевскую прерогативу, существовала в форме обычая, но важнейшие из них оформлялись законодательными актами и судебными решениями. Так, характер обычая имело признававшееся английским обществом вплоть до революции 1640–1660 годов право короля принуждать лиц, достигших совершеннолетия и владевших земельным участком, который приносил доход в размере не менее 40 фунтов стерлингов в год, принять рыцарское звание или платить штраф за отказ от него². Обычаем закреплялась и такая привилегия короля, как «прерогативная опека (*prerogative wardship*)» над землями, которые держались от него на условии рыцарской службы. Если этот держатель умирал, то король мог взять под свою опеку все земли, державшиеся им на указанном условии, в том числе и те, которые он держал не от короля, а от обыкновенных сеньоров³. Великая Хартия Вольностей 1215 года

¹ Спикер Палаты лордов Р. Онслоу (*R. Onslow*) говорил в своей парламентской речи 2 января 1566 г.: «Бог назначил для нас здесь не язычника, не безверующего Монарха, каким он мог бы быть, но верующего и одного из своих детей, чтобы управлять нами, его детьми: в этом управлении Монарх служит Богу двумя способами — как Человек и как Король. В качестве Человека он должен жить и служить Богу как одно из добрых его Творений; а в качестве Короля, и таким образом особого Творения Бога, он должен создавать Законы, посредством которых можно верно служить Богу» (*A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth...* P. 114).

² *Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton.* P. 69b.

³ Э. Кук писал о прерогативной опеке в «Комментариях на Литлтона»: «Если человек держал землю от короля посредством рыцарской службы *in capite*, и другие земли от других сеньоров, и умер, оставив несовершеннолетнего наследника, король будет иметь опеку над всеми землями на основании своей прерогативы:

провозглашала (ст. 37) обязательство короля не распространять «прерогативной опеки» на земли, которые держались от него на условии выплаты ежегодной ренты (*per feodirfirmam*), или отработки (*per sokagium*), или по обычаям держания в городе-бурге (*per burgagium*), но при этом никоим образом не ограничивала такого рода опеки в отношении земель, державшихся на условии рыцарской (военной) службы¹.

Среди королевских привилегий, оформлявшихся законодательными актами, можно выделить, например, право короля на *prima seisin*, которое возникало в случае смерти держателя какого-либо участка земли непосредственно от короля. Король в этой ситуации через посредство своего должностного лица вступал во владение *всеми* земельными угодьями умершего держателя, обеспечивая себе тем самым контроль за наследованием землевладений². Королевское владение землей на праве *prima seisin* продолжалось до тех пор, пока наследник умершего держателя не признавал посредством специального обряда (*homage*) своей вассальной зависимости от короля и не уплачивал в его пользу специальной пошлины, называвшейся термином «*relief*» (*relevium*, *relevatio*, *relevamen*). Если наследник был совершеннолетним, он мог совершить омаж немедленно после смерти прежнего держателя. Однако в ситуации, когда наследник оказывался малолетним, король сохранял наследуемую землю в своих руках до момента

и это предоставлено королю общим правом (*common law*)» (*Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. P. 77a*).

¹ Великая Хартия Вольностей 1215 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 335.

² «Это была исключительная прерогатива Короны (*exclusive prerogative of the Crown*), в которой отказывалось обыкновенным сеньорам, владевшим землей, — отмечается в комментарии к *Magna Carta*, составленном У. Ш. МакКечни. — Когда держатель от короля умирал, королевское должностное лицо имело правомочие вступить в непосредственное владение и отстранить от него наследника, который не мог прикоснуться к отцовским землям без разрешения от Короны, он вынужден был сначала доказать свой титул посредством специального расследования (*by inquest*), дать гарантию выплаты любой суммы рельефа или других долгов, совершить омаж. Нетрудно увидеть, какую сильную стратегическую позицию все это обеспечивало королю в любых спорах с наследником умершего вассала» (*Magna Carta. A Commentary on the Great Charter of King John. With an historical introduction by William Sharp McKechnie. Glasgow, 1914. P. 64*).

достижения им совершеннолетия¹. В обоих случаях при вступлении в наследство королю уплачивалась, помимо рельефа (*relief*), определенная денежная сумма. Английский правовед Генри Спелман (*Henry Spelman*, 1564–1641) писал об этой королевской привилегии: «Если держатель непосредственно от короля (*king's tenant in capite*) или держатель на условии рыцарской службы (*by knight-service*) умрет, то король будет владеть его землей до того, как наследник совершит омаж. Если последний является совершеннолетним, то он может сделать это в текущее время, но если он не достиг совершеннолетия, земля должна будет до этого момента оставаться в королевских руках. И когда один или другой обращается с просьбой о том, чтобы получить ее из рук короля, достижение им этой цели именуется вводом во владение (*livery*), а доход, полученный тем временем королем, называется его *primer seisin*»².

Эдуард Кук отмечал в «Комментариях на Литлтона», что плата королю за *primer seisin* со стороны наследника земли, достигшего в момент смерти прежнего ее держателя совершеннолетия, была равна годовому доходу с нее, а несовершеннолетнего — полугодовому доходу³. Отсюда очевидно, что право на *prima seisin* было в средневековой Англии весьма значимым элементом королевской прерогативы. Однако утвердилось оно в английском праве не ранее второй половины 60-х годов XIII века. Из содержания Великой Хартии Вольностей 1215 года можно сделать вывод, что

¹ У наследника держания на условиях рыцарской службы совершеннолетие наступало по исполнению ему 21 года, при держании на сокаже — 15 лет, у наследницы — опека могла закончиться по достижении ею 14 лет, поскольку в этом возрасте она могла иметь мужа, способного нести рыцарскую службу. Но если наследница не выходила замуж, то королевская опека над переходящими к ней землями продолжалась до того, как ей исполнялось 16 лет. См.: *Magna Carta. A Commentary on the Great Charter of King John*. P. 61–62.

² *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures by Knight-Servec in England*. London, 1641. P. 30. Правоведы Г. Спелман и Э. Кук называли термином «*primer seisin (prima seisin)*» денежную сумму, уплачиваемую наследником умершего держателя от короля при вступлении во владение землей. В действительности же *prima seisin* — это в первую очередь специальная процедура, посредством которой король обеспечивал свои права при наследовании земли в случае смерти лица, державшего от него землю.

³ *Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton*. P. 77a.

в начале указанного столетия английское общество не признавало за королем права на *prima seisin*. По всей видимости, и позднее попытки осуществления его королем вызывали отрицательное отношение со стороны держателей земельных участков. Именно поэтому данная королевская привилегия смогла утвердиться в Англии только посредством закрепления ее в законодательстве. Она была предусмотрена Мальбриджским Статутом (*Statutum de Marlebridge*), принятым на 52-м году правления Генриха III (1267 г.)¹. В статье 16 этого законодательного акта говорилось: «Что же касается наследников, которые держат землю непосредственно от господина короля, то должно быть соблюдаемо, чтобы господин

¹ Мальбридж (*Marlebrigijs, Marlebridge*) — селение, располагавшееся в северной части Англии. Итальянский историк Полидор Вергилий (*Polydorus Vergilius*, 1470—1555) упоминал о нем в своей хронике «*Anglicae historiae*» (liber XII. 11) как о месте, где располагался замок Мальбридж. При этом он отмечал, что «Мальбридж — это селение в графстве Вильсерия (на англ.: Wiltshire. — В. Т.), которое сегодня называется Мальмсбери (*est enim Marlebrigijs pagus in Wilceria comitatu, quam hodie vocant Malmisburiam*). В 1189 г. король Иоанн I совершал в этом месте церемонию вступления в брак с графиней Изабеллой, а в 1199 г. короновался на английский престол. Брачная церемония Генриха III также проходила в этом месте. В 1267 г. он собрал здесь вместе со своим сыном Эдуардом представителей различных сословий английского общества, как высших, так и низших, и издал с их согласия целую серию постановлений (*provisiones*), ординансов (*ordinationes*) и статутов (*statuta*) с целью, как об этом было заявлено в преамбуле к ним, «улучшения управления Англией» и «совершенствования процесса отправления королевского правосудия». Основу принятых законов составили Уэстминстерские провизии 1259 г. с теми изменениями и дополнениями, которые были сделаны в них в 1263 и 1264 гг. Созданный в результате этого обширный (из 30 глав) законодательный свод получил название *Statutum de Marlebridge*. Английские правоведы начала XVII в. ставили его в ряд самых авторитетных законодательных актов Англии. Правда, в связи с тем, что городок, в котором он был принят, сменил к тому времени свое название на Мальбара (*Marleborough*), данный статут чаще стали именовать Мальбараским статутом (*Statute of Marlborough*). Именно под этим наименованием он будет включаться во все последующие сборники статутов Английского королевства. См. его текст в издании: *The Statutes of the Realm. Printed by Command of His Majesty King George the Third... From Original Records and Authentic Manuscripts*. London, 1810. Vol. 1. P. 20—25. А также в издании: *The Statutes: Revised edition*. Vol. 1. London, 1870. P. 6—15 (здесь он напечатан на двух языках — латинском и английском — и под названием: «*Statutum de Marleberge (The Statute of Marlborough)*». Комментарий Э. Кука к Мальбриджскому (Мальбараскому) статуту был опубликован во второй части его «Институций»: *Coke E. The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes*. London, M. DCC. XCVII (1797). P. 101—154.

король первым имел на нее сезину, как это было по обыкновению прежде»¹.

Позднее право английского короля на *prima seisin* было записано в документе под названием «О королевской прерогативе (*De Prerogativa Regis*)», специально посвященном изложению королевских правомочий, привилегий и преимуществ. Он был создан предположительно в первое десятилетие правления Эдуарда I (1272–1307) и представлял собой либо инструкцию, в которой король сообщал своим вассалам или судьям о правах, вытекавших из его статуса верховного сеньора и монарха, либо трактат какого-либо частного лица². В период правления Эдуарда III (1327–1377) этот документ стал называться статутом³, но такой взгляд на него не сделался преобладающим среди английских юристов ни в XIV, ни в XV веке⁴. Тем не менее, когда в Англии начали издавать печатные сборники старинных статутов⁵, среди них, как правило, помещали в качестве такого рода юридических актов и «*De Prerogativa Regis*». А поскольку для статутов обязательным признаком являлось наличие даты принятия, то и указанный документ, ранее обозначавшийся как не имеющий какой-либо даты, сочли необходимым приписать к определенному времени. Таким был назначен 17-й год правления Эдуарда II или 1324 год⁶.

¹ «*De hæredibus autem, qui de domino rege tenent in capite, si observandum est, ut dominus rex primam inde habeat seisinam, sicut prius inde habere consuevit*» (*Statutum de Marlebridge* // Coke E. *The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes*. P. 134).

² *Maitland F. M. The «Prerogativa Regis»* // *English Historical Review*. 1891. Vol. 6. № 22. P. 372.

³ В частности, документ «*De Prerogativa Regis*» назван статутом в записи судебных дел (*Year book*) за 43 год правления короля Эдуарда III (1370 г.). См.: *McGlynn M. The Royal Prerogative and the Learning of the Inns of Court*. Cambridge, 2003. P. 7.

⁴ «О нем нельзя говорить как о статуте», — писал об этом документе, например, правовед Томас Литлтон.

⁵ Первый печатный сборник статутов Английского королевства был изготвлен в 1481 г. Джоном Леттау (*John Lettau*) и Уильямом де Маклиния (*William Machlinia*). Он вышел в свет в сокращенном виде, что отражалось и в его названии «*Vieux Abridgement des Statutes*». Более полные сборники английских актов стали печататься в Англии с 1534 г.

⁶ Впервые эта дата была приписана представленному в качестве статута документу «*De Prerogativa Regis*» в сборнике английских статутов, изданном в 1529 г. (*Magna Carta in F[rench] wherunto is added more statut[es] than euer was imprinted in any one boke before this tyme : with an alminacke & a calender to know*

Права и привилегии короля, изложенные в так называемом «Статуте о королевской прерогативе», сохраняли юридическую силу вплоть до революции 1640–1660 годов. В 1548 году английский юрист Уильям Стонфорд (*William Staunford* или *Stamford*, 1509–1558)¹ создал на основе этого документа, а также на материале книги судьи Энтонии Фитцгерберта (*Antony Fitzherbert*, 1470–1538)² «Великий абриджмент (*La Graunde Abridgement*)»³ трактат «Описание королевской прерогативы (*An exposition of the kinges prerogatiue*)». Данный трактат вышел в свет первым изданием в 1567 году⁴ и в последующем многократно переиздавался (в 1568, 1573, 1577, 1590, 1607 гг. и т.д.). В нем описывались не все элемен-

the mootes: necessarye for all yong studiers of the lawe. Imprynted at Lond[on] in Fletestrete by me Robert Redman dwellynge at the sygne of the George, nexte t[o] Saynt Dunstones churchе, M.CCCC.XXIX (1529). Folio 98).

¹ С 1554 г. Уильям Стонфорд являлся судьей Суда общих тяжб (*Common Pleas*) и Королевской Скамьи (*King's Bench*). В дневнике его современника Генри Мачина содержится следующая запись о его смерти: «Sir William Staunford knight, one of the kinges and the quenes maties justyces of the common banke, dysseased the xxvijth. August An° D'ni 1558» (*The Diary of Henry Machyn: Citizen and Merchant-Taylor of London (1550–1563)*. L., 1848. P. 172).

² С 1510 г. Энтони Фитцгерберт занимал должность служащего в королевском суде, обозначавшуюся термином «*serjeant-at-law*», с 1521 г. он являлся судьей Суда общих тяжб (*Common Pleas*).

³ Термином «*abridgment*», который переводится на русский язык словом «сокращение», английские правоведы обозначали юридические произведения, содержавшие краткое изложение судебных дел. «Великий абриджмент» Энтони Фитцгерберта занимает особое место в истории английской юриспруденции: это произведение было первой попыткой систематического изложения «общего права (*common law*)» Англии. Первое его издание было напечатано в трех частях в 1514–1516 гг. *Fitzherbert A. La Graunde Abridgment. Premier part* / Ed. by John Rastell. Westminster, 1514; *Fitzherbert A. La secounde part[ie] du Graund abridgement* / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516; *Fitzherbert A. La Graunde Abridgment. Troisième partie* / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516. На титульном листе третьей части отсутствует название, вместо него внизу листа написано, что данная книга содержит собрание всех судебных дел, записанных в годовых книгах (*years books*) до 21-го года правления Генриха VII и во времена правлений Ричарда II, Эдуарда I и II и Генриха III, а также большое количество толкований и оригинальных документов, нигде до сих не обнаруживавшихся.

⁴ *An exposition of the kinges prerogatiue collected out of the great Abridgement of Iustice Fitzherbert, and other olde writers of the lawes of Englande by the right woorshipful sir William Staunford Knight, lately one of the iustices of the Queenes Maiesties court of comon pleas: whereunto is annexed the proces to the same prerogatiue appertaining.* L., 1567. Право короля на *prima seisina* описывается на с. 11b названного трактата.

ты королевской прерогативы, сформировавшиеся в предыдущие столетия, но лишь главнейшие из них — как правило, те исключительные правомочия, которые король как верховный сеньор имел относительно своих держателей (прерогативная опека, право на *prima seisin*, выдача разрешения на отчуждение земельных участков, опека над землями умалишенных и др.). Все подобные правомочия составляли королевскую прерогативу по феодальному праву (*jus feodale*). К началу XVII века она полностью изжила себя. Английское общество перестало быть феодальным. Этот переворот в социальных отношениях, произошедший постепенно, без революции, лишил королевскую прерогативу по *jus feodale* реальной основы. Земельное держание, вокруг которого данная прерогатива вращалась, потеряло свое прежнее значение. Распродажи королевских земельных угодий, широко проводившиеся в течение XVI века, создали огромный слой землевладельцев, которые фактически не являлись держателями от короля, поскольку приобрели свои земельные угодья за деньги. В дебатах, состоявшихся в Палате общин 8/18 марта 1609/1610 года, по вопросу о прерогативной опеке прямо констатировалось, что такие должностные лица, как наместники и их заместители, мировые судьи в графствах, военачальники и т. д., служат своему монарху независимо от своих держаний, и «когда необходимо поднять какие-либо войска для службы монарху, все считают себя обязанными служить в качестве подданных, и ни один человек не задает вопроса ни о том, чьим держателем он является, ни о том, как он держит свою землю. Поэтому очевидно, что этот вопрос держаний не связан с правительством, он не является ни шпорой чести, ни уздой повиновения»¹. Между тем и Яков I, и Карл I продолжали относиться к землевладельцам как к своим вассалам и навязывать им соответствующие повинности.

20 июня 1604 года группа депутатов нижней палаты английского парламента представила на рассмотрение парламентариев со-

¹ «Marshals and those that have served their Prince without respect of their tenures, and the Deputies, Lieutenants and justices of peace of every shire, they can assure us that upon occasion of musters, or when any forces have bene raised for the service of the Prince, all held themselves bound to serve as subjects, and noe man ever made question whose tennant he was, nor howe he held his land. Soe that yt is apparante that this matter of tenures is noe ligament of government, it is neither spur of honor nor bridle of obedience» (Parliamentary Debates in 1610. P. 26).

ставленную для подачи королю апологию Палаты общин, касающуюся их привилегий¹. Данный документ не получил одобрения парламента и поэтому не был подан Якову I². Но текст его интересен как выражение политических взглядов наиболее активных членов Палаты общин. В нем говорилось, помимо прочего, о том, что в парламенте подготовлена петиция к королю с предложением отменить феодальную прерогативу и ввести вместо нее ежегодную выплату с земельных держаний английских подданных в пользу его величества. «Эта прерогатива короны, которую мы желаем заменить, стала предметом лишь дохода и вовсе не какой-либо почести или королевского достоинства»³, — заявляли при этом парламентарии.

Вторично попытка ликвидации феодальной прерогативы королевской власти была предпринята в 1610 году. 26 марта указанного года на рассмотрение Палаты лордов был внесен из Палаты общин «Мемориал о большом договоре с королем относительно земельных держаний»⁴, в котором выражалось желание «превратить всю рыцарскую службу в свободный и общий сокаж», отменить опеку земельных угодий и *primer seisin*⁵. Взамен общины предлагали королю 180 000 фунтов стерлингов ежегодного налога. Лорды обсудили и одобрили инициативу Палаты общин и составили собственный «Мемориал о Большом договоре с величеством относительно земельных держаний»⁶, предложив увеличить заменяющий феодальную прерогативу налог в пользу короля до

¹ См.: Apology of the House Commons, made to the King, touching their Privileges // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1030–1042.

² Вероятно, именно по этой причине текст указанной апологии не попал в «Журнал Палаты общин».

³ Apology of the House Commons, made to the King, touching their Privileges. Col. 1041.

⁴ Memorial, concerning the Great Contract with His Majesty, touching Tenures with the Dependants, Purveyance & c. delivered by the Committees of the Commons House unto the Lords // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1140–1141.

⁵ Ibid. Col. 1140.

⁶ См.: Memorial, concerning the Great Contract with His Majesty, touching Tenures with the Dependants, Conveyance & c. conceived by the direction of the Lords of the Higher House of Parliaments // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1145–1146.

200 000 фунтов стерлингов. Однако согласия короля на замену феодальных повинностей держателей на такой налог добиться парламентариям не удалось. Обсуждение вопроса о замене королевской прерогативы по феодальному праву постоянным налогом продолжалось в парламенте с перерывами до конца ноября 1610 года. После этого его деятельность была приостановлена до 9/19 февраля 1610/1611 года, а с наступлением этой даты король распустил парламент.

Абсолютная, ординарная, божественная и феодальная прерогативы королевской власти являлись важнейшими элементами юридической конструкции государственного строя Англии. Необходимость и правовую обоснованность всех этих прерогатив признавали в равной мере и сторонники короля, и парламентарии.

Естественно, что интересы английского парламента в наибольшей степени выражала ординарная прерогатива королевской власти, предполагавшая активное участие парламента в законодательном процессе и его согласие на назначение налоговых сборов.

Однако и применение королем абсолютной прерогативы само по себе вполне отвечало интересам тех общественных слоев, которые были представлены в парламенте. Многие из них были втянуты во внешнюю торговлю, от которой имели солидные доходы. Посредством своей абсолютной прерогативы, предоставлявшей Его Величеству полную свободу действий во внешней политике, а также во время войны Англии с иностранными державами, король мог более эффективно и энергично защищать позиции английских предпринимателей на внешних рынках, осваивать новые земли за пределами Европы, организовывать переселенческие колонии и т. д.

По этой причине абсолютная (экстраординарная) прерогатива, так же как и прерогатива ординарная, находила своих защитников во всех политических группировках английского общества, в том числе и среди депутатов Палаты общин. Во время сессии 1610 года парламентарии, выражавшие интересы английских торговцев, подчеркивали в своих выступлениях, что в международной торговле они пребывают «там, где common law не может судить. Торговец не имеет средств против того, кто грабит на море. Он не находится под защитой закона, но только под защитой Короля. Объявление вне закона не имеет поэтому силы для того, кто

за морями. Он находится под юрисдикцией Короля по праву наций»¹.

Именно в регулировании внешней торговли Англии видел основное назначение абсолютной прерогативы короля Джон Дэвис. «Король Англии пользуется только своей Прерогативой в обложении пошлинами торговцев, пересекающих моря»², — писал он. По словам английского правоведа, «в случаях, где сам Король или его подданные имеют отношения или торговлю с другими Народами, которые при этом не связаны Общим правом Англии (Municipal Laws of England)», должно действовать право народов³.

Абсолютная прерогатива, основанная на гражданском праве, мыслилась парламентариями Англии также в качестве эффективно-го инструмента борьбы с католиками, не являвшимися английскими подданными и не подпадавшими соответственно под действие common law и статутов Английского королевства. В 1572 году члены Палаты общин смиренно просили королеву Елизавету применить полномочия этой прерогативы против бывшей королевы Шотландии Марии Стюарт⁴.

В первые десятилетия XVII века все политические группировки английского общества вполне признавали и королевскую прерогативу, основанную на божественном праве, — так называемое божественное право (jus divinum) короля. Ни сам король, ни парламентарии не усматривали в этой прерогативе какого-либо основания для произвольных действий, не подчиненных каким-либо нормам права и морали. Для короля концепция божественной природы его власти была выгодна прежде всего тем, что вызы-

¹ «Wee are where the common lawe cannot judge. The merchant hathe no remedy against hym that spoyles at sea. He is not under the protection of the lawe, thoe under the protection of the King. An outlawry therefore voyd of one beyond sea. He is under the jurisdiction of the King by the lawe of nations» (Parliamentary Debates in 1610. Edited, from the notes of a member of the House of Commons / By Samuel Rawson Gardiner. London, 1862. P. 87).

² *Davies J.* The Question concerning Impositions, Tonnage, Poundage, Prizage, Customs, &. London, 1656. P. 148.

³ *Ibid.* P. 4–5.

⁴ См.: An humble Petition to her Majesty and the Reasons gathered out of the Civil Law by Certain appointed by Authority in Parliament, to prove that it standeth not only with Justice but also with the Queens Majesties Honour and Safety to proceed criminally against the pretended Scottish Queen // A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyse of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth... P. 215–219.

вала к безусловному повиновению ему всех его подданных. С другой стороны, данная концепция идеологически обосновывала независимость короля от власти римского папы¹. В этом последнем своем значении божественная прерогатива королевской власти являлась полезной и с точки зрения английского парламента.

Вместе с тем, божественное право короля признавалось парламентариями еще и потому, что из него вытекали не только права, но и обязанности королевской власти по отношению к подданным. Согласно божественному праву, король не являлся верховным правителем — выше него стоял Бог, предписаниям которого, содержащимся в Священном Писании, король должен был подчиняться. Подданные короля выступали одновременно и в качестве подданных Бога. И если их король начинал править вопреки божественным предписаниям, они получали право не повиноваться ему. Член Палаты общин П. Вентворт (*P. Wentworth*) говорил в 1575 году в своей парламентской речи, что король должен находиться под властью закона, «так как он является Наместником Бога на земле, то есть Его Наместником для того, чтобы исполнять и проводить Его Волю, которая есть Закон или Правосудие»².

Уже отсюда видно, что парламентарии были вполне в состоянии приспособить доктрину божественного права (*jure divinum*) к своим интересам. О том, что и королевская прерогатива, основанная на *jus feudale*, также признавалась парламентариями, свидетельствует само предложение королю с их стороны заменить ее правом короля на постоянный ежегодный сбор определенной денежной суммы с землевладельцев. Парламентарии желали купить эту прерогативу, причем за весьма высокую цену.

Противоборствующие группировки английского общества сходились между собой не только в признании за королем всех его

¹ К этой независимости стремились и Генрих VIII, и королева Елизавета, и Яков I, и Карл I. В 1610 г. Яков I утвердил новый текст присяги на верность королю, которую должны были давать все его подданные, достигшие восемнадцатилетнего возраста. В соответствии с ним подданные должны были присягать на верность своему королю даже в том случае, если глава римско-католической церкви отлучил его от престола. См. прокламацию короля Якова I от 2 июня 1610 г. в издании: *Stuart Royal Proclamations. Vol. 1: Royal Proclamations of King James I, 1603–1625. P. 245–250.*

² *A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth...* P. 238.

прерогатив, но и в трактовке характера этих прерогатив. Политическая борьба, происходившая в Англии в первые десятилетия XVII века, не была борьбой противников абсолютизма с его сторонниками. **На самом деле абсолютистами в английском обществе того времени являлись все те, кто был привержен правопорядку и соответственно признавал исторически сложившуюся здесь юридическую конструкцию государственного строя,** поскольку все они были вполне согласны между собой в том, что король Англии должен иметь помимо ординарной прерогативы прерогативу экстраординарную, выражающую его абсолютную власть.

Содержание документов, отразивших парламентские дебаты, показывает, что главным предметом споров между королевской и парламентской группировками был не сам факт наличия у короля абсолютной прерогативы, и даже не рамки ее действия. Спор шел, например, о характере того или финансового сбора, а именно: входит ли он в сферу абсолютной власти короля или находится в компетенции парламента. Король отстаивал свое правомочие назначать таможенные пошлины без согласия парламента, руководствуясь тем, что они относятся к сфере внешней торговли, а значит, к его исключительному ведению. Парламентарии доказывали, что эти пошлины затрагивают имущественное положение английских подданных и, следовательно, должны назначаться королем на основании не абсолютной, а ординарной прерогативы, то есть по common law, а значит — с согласия парламента¹. Очевидно, что почва для спора создавала в данном случае сложная, двойственная природа такого явления, как таможенная пошлина.

¹ Член Палаты общин У. Хейквилл, стремясь доказать, что таможенные пошлины должны устанавливаться королем на основании common law, приводил весьма любопытную аргументацию. Он говорил, что правомочие короля облагать товары таможенными пошлинами относится к сфере действия common law и в доказательство приводил само их название (на латыни таможенные пошлины обозначаются термином «consuetude», а на английском — «customs», то есть в обоих случаях как «обычай»). «Обычай по самой своей сущности, — заявлял этот парламентарий, — должен устанавливаться только с разрешения common law. Таким образом, вы видите, что само наименование consuetude (custom) доказывает, что таможенные пошлины (customs) должны подлежать регулированию посредством common law» (Parliamentary Debates in 1610. P. 79–80).

2. Петиция о праве 1628 года

Анализ наиболее острых конфликтов между королем и парламентариями, происходивших в Англии на протяжении первых десятилетий XVII века, обнаруживает странную на первый взгляд закономерность — данные конфликты возникали, как правило, по поводу не абсолютной, а ординарной прерогативы королевской власти.

В этом смысле особо показателен конфликт между королем и Палатой общин, разгоревшийся весной 1628 года. Результатом его стало принятие парламентом Петиции о праве, вошедшей впоследствии в число основополагающих конституционных документов Англии.

Поводом для возникновения данного конфликта стал случай с пятью рыцарями¹, которые отказались от уплаты в государственную казну денежных сумм по принудительному займу², объявленному Тайным советом осенью 1626 года. Свой отказ они мотивировали тем, что сбор был назначен без согласия парламента. 27 октября 1627 года рыцари-отказники были заключены в тюрьму.

Подобные меры принимались ранее королевской властью и к другим лицам, отказывавшимся давать заем, но они, как правило, с покорностью принимали свое тюремное заключение или же подавали королю смиренную просьбу об освобождении с признанием своей вины. И король освобождал их. Однако вышеназванные рыцари решили добиться освобождения из-под ареста не по королевской милости, а на основании действующего права Англии.

¹ Их имена: Т. Дорнел, Дж. Корбет, В. Эрл, Дж. Хевенингхем и Э. Хампдем.

² Давид Юм пишет в своей книге по истории Англии о том, что деньги стали необходимы Карлу I для поддержки короля Дании, терпевшему поражения в войне с Габсбургами, в которую он вступил под воздействием интриг и обещаний английского монарха. Нуждаясь в деньгах, Карл обратился за помощью к Тайному совету. «После некоторых размышлений Тайный совет постановил, что поскольку крайняя срочность дела не позволяет обратиться к парламенту, то самым быстрым, удобным и разумным способом удовлетворить нужды короля будет всеобщий заем у подданных, в размерах, соответствующих обложению их по последней субсидии. Каждый должен был внести в точности ту сумму, которую он заплатил бы, если бы парламентское постановление о четырех субсидиях стало законом, при этом, однако, народу потрудились объяснить, что взыскиваемые суммы следует называть не субсидиями, но именно займами» (*Юм Д.* Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. СПб., 2001. С. 148).

Каждый из них немедленно подал прошение о выдаче приказа *habeas corpus*. Такие приказы были выданы 3 ноября. Начальник тюрьмы, в которой содержались рыцари, должен был, в соответствии с данными приказами, доставить арестованных в Суд Королевской Скамьи и объяснить там причины их ареста. Будучи не в состоянии указать суду эти причины, он обратился за разъяснением в Тайный совет. Оттуда пришел ответ, что рыцари арестованы «по специальному распоряжению Его Величества (*per speciale mandatum domini regis*)». На основании этого ответа Суд Королевской Скамьи вынес 27 ноября решение об отказе рыцарям в их освобождении из тюрьмы.

В конце декабря 1627 года Карл I распорядился освободить рыцарей из тюремного заключения. Казалось бы, проблема исчерпана. Но 17/27 марта 1627/1628 года приступил к работе новый парламент. Спустя десять дней на заседании Палаты общин был поднят вопрос о законности ареста вышеупомянутых пяти рыцарей. Один из парламентариев высказал мнение о том, что этот арест является прямым нарушением Великой Хартии Вольностей. Последовала дискуссия, которая фактически превратилась в обсуждение вопроса о королевской прерогативе по *common law* и статутам Англии¹.

Случай с арестом пяти рыцарей обнажал одновременно несколько важнейших сторон указанной прерогативы, затрагивавших как имущественные, так и личные права английских подданных. Но самые острые споры вызвал вопрос о праве королевской власти арестовывать подданных без указания причин ареста, по специальному распоряжению Его Величества.

В нижней палате английского парламента возобладало мнение о том, что такого правомочия у королевской власти нет ни по *common law*, ни на основании статутов. В специальных резолюциях, принятых по этому поводу Палатой общин и представленных для подтверждения в Палату лордов, постановлялось:

«1. Что ни один свободный человек не должен быть заключен в тюрьму или иным образом ограничен в свободе по распоряжению Короля или Тайного Совета или каким-нибудь другим госу-

¹ Commons Debates 1628. Vol. 2 // Edited R.C. Johnson, M.F. Keeler, M.J. Cole and W.B. Bidwell. New Haven, 1977. P. 146–152. В этом издании опубликованы журналы Палаты общин, содержащие протоколы заседаний нижней палаты английского парламента в течение 1628 г.

дарственным органом до тех пор, пока не будет выражено определенное основание ареста, заключения в тюрьму или ограничения в свободе, по которому он должен быть, согласно закону, арестован, заключен в тюрьму или ограничен в свободе.

2. Что, если какой-либо свободный человек будет арестован или заключен в тюрьму, или иным образом ограничен в свободе по распоряжению Короля, Тайного Совета или какого-либо другого государственного органа, и не будет выражено никакого основания такого ареста, заключения в тюрьму или ограничения в свободе, по которому он должен быть, согласно закону, арестован, заключен в тюрьму или ограничен в свободе, и он обратится к *Habeas Corpus*, предоставляемому арестованному, то в таком случае он должен быть освобожден или отпущен под залог»¹.

На конференции обеих палат парламента, состоявшейся 7 апреля 1628 года, представители Палаты общин предприняли попытку обосновать указанные резолюции, отрицающие право королевской власти арестовывать подданных без указания причин ареста, по специальному распоряжению Его Величества.

Первым выступил Дадлей Диггес (*Dudley Digges*). Главным предметом его речи были вопросы юрисдикции. Он выразил, в частности, мысль о том, что нарушения прав и свобод английских подданных, имевшие место в последнее время, являются особенно тяжкими от того, что они совершены посредством применения юридических процедур².

Вторым говорил правовед Литтлтон (*Littleton*). Представив вышеприведенные резолюции Палаты общин, он попытался доказать, что провозглашенный ими запрет на арест свободного человека или какое-либо иное ограничение его свободы, совершаемые по распоряжению короля или Тайного совета без указания причин такого ареста или ограничения, основывается на нескольких актах английского парламента. «Первым из них, — сказал Литтлтон, — является Великая Хартия Вольностей, впервые принятая в седьмой год правления короля Джона и обновленная в девятый год правления Короля Генриха Третьего и с тех пор подтверждавшаяся в Парламенте более тридцати раз»³. Литтлтон отметил в своей

¹ The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Decimo Octavo Jacobi Regis. (1620–1628). Vol. III. P. 753–754.

² Ibid. P. 718.

³ Ibidem.

речи, что слова «Law of the Land (Право Страны)», употребляемые в статье 29 Хартии¹, «должны по необходимости пониматься в значении обязательного процесса по праву (а не вообще Права Страны)»². По его мнению, «слова этой Великой Хартии, говорящие в третьем лице, должны, тем не менее, пониматься не в смысле тяжб между стороной и стороной, по крайней мере, не только между ними одними, но именно в смысле тяжб королей с их подданными»³.

После Литтлтона держал речь правовед Джон Селден⁴. В его задачу входило представить парламентариям юридические прецеденты, касающиеся обсуждаемого вопроса. Селден исследовал документы, отражающие судебную практику Англии со времен правления короля Эдуарда III до вступления на престол Карла I, и установил, что не менее двенадцати прецедентов показывают, что лица, арестованные по распоряжению короля или его Тайного совета, освобождались судами под залог в случаях, когда не указывались причины ареста⁵. Однако вместе с тем правовед признал в своей речи, что им выявлено довольно большое количество прецедентов, свидетельствующих, что судьи нередко принимали в таких случаях прямо противоположные решения, то есть вообще не освобождали лиц, арестованных по распоряжению короля или Тайного совета без указания причин ареста. Джон Селден, правда, постарался убедить парламентариев в том, что среди прецедентов последнего рода не более, чем один, может считаться доказывающим правомерность последних решений⁶.

Четвертым выступал Эдуард Кук. Он подтвердил обоснованность аргументов, приведенных предыдущими ораторами в дока-

¹ Здесь имеется в виду тот вариант Великой Хартии Вольностей, который был утвержден в 1225 году. В первоначальном варианте этого документа, принятом в 1215 г., данная статья была 39-й.

² The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 718.

³ Ibid. P. 719.

⁴ В журнале заседания Палаты лордов за 9 апреля 1628 г. Дж. Селден характеризуется как «a great Antiquary and a pregnant Man (великий знаток древностей и человек богатого воображения)» (ibid. P. 717).

⁵ Дж. Селден рассмотрел в своей речи десять прецедентов: один из судебной практики периода правления Эдуарда III, два — времени правления Генриха VII, два — королевы Марии, три — королевы Елизаветы и два — Якова I (ibid. P. 723–728).

⁶ Ibid. P. 728.

зательство неправомерности содержания под стражей лиц, которые арестовываются по распоряжению короля или Тайного совета без указания причин ареста. В заключение своей речи Э. Кук, отметив, что Палата общин единодушно приняла Манифест, касающийся гарантий личной свободы подданного, призвал Палату лордов принять подобную же декларацию, которая гарантирует в последующем лордам и всем подданным пользование их «несомненными и фундаментальными Свободами»¹.

15 апреля 1628 года члены Суда Королевской Скамьи, вынесшие 27 ноября предшествовавшего года решение об отказе в освобождении пяти рыцарей из тюремного заключения, выступили с заявлением о том, что «все они согласны, что Великая Хартия Англии и шесть последующих статутов, упомянутых Общинами, до сих пор остаются в силе»² и что своим решением по делу пяти рыцарей они не нарушили этих законов, поскольку это решение является простым решением, а не решением, порождающим прецедент³. Этим своим заявлением судьи фактически признавались в том, что они не нашли в праве Англии достаточно определенных оснований для освобождения лиц, арестованных по распоряжению короля или Тайного совета и без указания причин ареста.

На конференции обеих палат парламента, состоявшейся 17 апреля, выступил генеральный атторней Р. Хит (*R. Heath*, 1575–1649), весьма авторитетный в Англии того времени правовед. Признав, что Великая Хартия Вольностей остается до сих пор в силе и распространяется скорее на короля, чем на подданных, и что шесть последующих статутов, подтвердивших ее положения, также со-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 731.

² Ibid. P. 739–740.

³ Дословно: «for it was but a Rule or Award of the Court, and no Judgement». Термины «rule», «award» и «judgement» переводятся на русский язык одинаково — как судебное решение. Между тем с точки зрения английского общего права их значение различно. Настоящим судебным решением, то есть актом суда, порождающим юридические последствия (перемену в правовом положении подсудимого и т.п.) и соответственно содержащим юридический прецедент, является только «judgement». Что же касается «rule» и «award», то это судебные решения, означающие на самом деле отказ от действительного решения спора. Они ничего не меняют в правовом положении обвиняемого и выносятся в тех случаях, когда судьи не находят прочного правового основания для принятия настоящего судебного решения. Если же в дальнейшем такое основание появится, суд будет вправе вновь рассмотреть дело, по которому он ранее вынес простое судебное решение (то есть «rule» или «award»).

храняют свою силу, он сказал далее, что слова Великой Хартии носят общий характер, «они в целом не удерживают Короля от ареста подданного», если он осуществлен *nisi per legale Judicium Parium Suorum, vel per Legem Terrae* (не иначе, как по законному приговору его пэров или по законам страны)¹. Что же касается последующих статутов, то они, как заявил он, лишь подтвердили положения Великой Хартии, но не дали правового основания для решения рассматриваемого вопроса². В доказательство того, что король Англии обладает правомочием арестовывать подданного без указания причины ареста, генеральный атторней Хит привел восемь прецедентов.

Прошедшая во время конференции дискуссия по прецедентам, касающимся данного случая, не привела Палату общин, с одной стороны, и Палату лордов, с другой, к единой точке зрения³. Декларация нижней палаты парламента о незаконности ареста английских подданных по распоряжению короля или Тайного совета и без указания его причин не получила поддержки в верхней палате.

Палата лордов противопоставила декларации Палаты общин свою декларацию. В первых трех пунктах этого документа лорды призывали Его Величество Карла I подтвердить юридическую силу Великой Хартии Вольностей и последующих шести статутов, создающих основу «должного процесса» в Англии и объявить, что «каждый свободный подданный этого Королевства обладает фундаментальным правом собственности на свое имущество и фундаментальной свободой своей личности»⁴. Четвертый пункт говорил о незаконности принудительных займов. В пятом пункте содержалось особо примечательное заявление: «А что касается Королевской Прерогативы Его Величества, присущей Его Суверенности и вверенной Ему Богом *ad communem totius Populi Salutem et non ad Destructionem* (для общего блага всего Народа и не для разрушения), Его Величеству следовало бы принять решение не использовать эту Прерогативу или освободить себя от использования ее во вред верных Ему людей, их права собственности на имущества и свободы их личностей; а в случае, если для защиты Королевской

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 746.

² Ibidem.

³ Содержание этой дискуссии см: Ibid. P. 747–752.

⁴ Ibid. P. 769.

персоны Его Величества, общей безопасности Его Народа или мирного управления Его Королевством Его Величеству надобно будет, найдя справедливую причину в государственных интересах, подвергнуть тюремному заключению или задержать какую-либо человеческую персону, то Его Величеству следовало бы милостиво объявить, что Он в удобное время выразит или выразил бы причину заключения его в тюрьму или задержания, или общую, или специальную; и по выраженной таким образом причине дозволит ему немедленно предстать перед судом в соответствии с общим правосудием Королевства»¹. Палата общин отвергла эту декларацию лордов.

Все участники рассматриваемого спора по поводу королевской прерогативы — то есть сам король, члены Суда Королевской Скамьи, Палата лордов и Палата общин — сходились в признании того, что Великая Хартия Вольностей и другие статуты, подтверждающие ее положения, сохраняют свою юридическую силу. Но в чем же тогда заключались разногласия между ними? Как показывают факты, король, его судьи и лорды, с одной стороны, и члены Палаты общин, с другой, расходились в понимании юридических терминов, и прежде всего таких глобальных категорий, как «общее право (common law)» и «право страны (lex terrae)». «Вопрос состоит не в том, должны законы быть в силе или нет, но в значении их, — говорил в своем выступлении в парламентских дебатах член Палаты общин П. Болл (*P. Ball*). — Что такое *lex terrae*? Мы все согласны в том, что это, но согласны ли таким же образом лорды и судьи?»²

Все участники рассматриваемого спора были согласны в том, что королевская власть должна обладать правомочием подвергать аресту лиц, совершающих такие деяния, которые представляют угрозу государственным интересам, что у короля должны быть правомочия, вытекающие из так называемого «права государства». Однако они расходились между собой в понимании критериев, позволяющих назвать то или иное деяние угрожающим государственным интересам.

Факты свидетельствуют, что и сам король не знал этих критериев и поэтому не имел четкого представления о том, в каких

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 769.

² Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 270–271.

случаях он мог действовать, основываясь на «праве государства». Осенью 1627 года Карл I обратился за консультацией по данному вопросу к Джеймсу Уайтлоку, занимавшему в то время должность члена Суда Королевской Скамьи. Уайтлок ответил королю следующее: «Слова *per legem*, обнаруживающиеся в Magna Carta, должны пониматься не только в значении *common law*, применяемого в Вестминстерском холле, но и в значении всех других законов, которыми мы пользуемся под защитой права Его Величества и которые законно применяются судами в пределах этого Королевства. И именно этими законами охватывается *Consuetudines Regni Angliæ* и особенно выдающаяся и справедливая прерогатива² Его Величества. Однако, что касается права государства (*Law of State*), мы не знаем ни того, что под ним подразумевается, ни границ его действия; оно составляет предмет, находящийся за пределами нашего знания»¹.

Таким образом, спор в английском парламенте, возникший в начале 1628 года по поводу ареста по специальному королевскому распоряжению и без указания причин пяти рыцарей, отказавшихся платить деньги в королевскую казну по принудительному займу, выявил неопределенность норм *common law* и статутів Англии, касающихся личных и имущественных прав английских подданных.

Осознав данный факт, члены обеих палат английского парламента предприняли попытки устранить указанную неопределенность. Но пошли при этом прямо противоположными путями.

Палата лордов решила подвести под королевскую прерогативу, базирующуюся на *common law* и статутах Англии, дополнительное основание в виде божественного права. Ординарная прерогатива Его Величества была объявлена в декларации лордов «вверенной ему Богом», то есть божественной прерогативой. Одновременно эта прерогатива короля называлась здесь «присущей Его Суверенности» — иначе говоря, она объявлялась вытекающей из того же источника, из которого проистекала абсолютная прерогатива.

¹ Дж. Уайтлок подразумевает под этой характеристикой ординарную прерогативу короля, поскольку именно она основана на *common law* и статутах Англии.

² Цит. по: *Powell D.X.* Sir James Whitelock's extra-judicial advice to the Crown in 1627 // *The Historical Journal*. 1996. Vol. 39. P. 737–741.

Члены Палаты общин отвергли предложения лордов. Они увидели в них опасную тенденцию к смешению ординарной прерогативы короля с его абсолютной и божественной прерогативами. По их мнению, если ординарная королевская прерогатива будет поставлена на фундамент божественного права (*jure divino*), она не будет связана позитивными законами, никакой человеческий закон не сможет ее отнять у короля¹. Введение же в сферу *common law* и статутного права Англии таких юридически не определенных понятий, как «суверенность» или «суверенная власть», ослабит его фундамент и разрушит все здание права².

Более приемлемым для Палаты общин оказался другой путь устранения обнаружившейся неопределенности норм общего права и статутов — принятие специального закона, в котором бы подтверждались и разъяснялись статьи Великой Хартии Вольностей и шести статутов, принятых во времена правлений Эдуарда I и Эдуарда III. Карл I обещал в начале апреля не препятствовать парламентариям на этом пути³. Он подтвердил это свое обещание и после того, как Палата общин отвергла декларацию Палаты лордов. В своем послании, направленном в нижнюю палату парламента по окончании там дебатов по этой декларации, Его Величество заявил, что он намеревается поддерживать личные свободы и имущественные права своих подданных, что он будет управлять «в соответствии с Законами и Статутами этого Королевства», что парламентариям «следует считать слова Его Величества такой же большой гарантией, какой является любой Закон и какой бы то ни было Статут», что парламентарии будут пользоваться всеми свои-

¹ Об этом говорил, например, правовед Э. Кук на одном из заседаний Палаты общин. См.: *Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 94–96.*

² «Я знаю, — говорил Э. Кук, — что прерогатива есть часть права, но “Суверенная Власть” не является парламентским словом. По моему мнению, оно ослабляет Великую Хартию и все статуты; так как они абсолютны, без какой-либо статьи о “Суверенной Власти”; и следует нам добавить его, как мы ослабим фундамент права, и тогда здание должно будет по необходимости упасть» (*ibid.* P. 495).

³ Сообщая об этом Палате общин, государственный секретарь Джон Коук (*John Coke*) говорил: «Мы будем пользоваться нашими правами и вольностями с такими большими свободой и гарантиями... как в любой год до этого в правление лучшего из наших королей. И если вам придет мысль надлежащим образом обеспечить в этом себя посредством билля или иначе... Он (имеется в виду король. — *В.Т.*) обещает вам и уверяет вас, что предоставит вам путь для этого» (*Commons Debates 1628. Vol. 2. P. 297.*)

ми свободами в такой же точно мере, в какой пользовались их предки во времена любых самых лучших его предшественников. В заключение же своего послания король сообщил, что «для обеспечения этого Палата Общин могла бы (если она об этом думает) провести Билль или предпринять что-либо иное»¹.

В ответ на это послание Палата общин приняла 3 мая специальное обращение к королю, которое двумя днями позднее было зачитано Его Величеству спикером Дж. Финчем (*J. Finch*). В этом обращении говорилось о том, что нижняя палата парламента полностью доверяет словам и обещанию Его Величества. Однако, заявляли парламентарии королю, поскольку министрами часто совершаются незаконные действия, то нет лучшего средства «вдохновить угнетенные души ваших преданных субъектов на бодрую поддержку² Вашего Величества», чем принять закон об их правах и свободах. Палата общин напоминала королю о его обещаниях насчет этого закона и заверяла его в том, что парламентарии не имеют намерения вторгнуться в сферу его суверенитета и прерогативы и не желают исказить или реинтерпретировать действующее английское право. Все то, чего они добиваются, сводится лишь к объяснению значения *lex terrae* (права страны) в сочетании с «некоторыми умеренными положениями для приведения в действие и исполнения» правовых норм³.

В своем ответе на это обращение Палаты общин Карл I дал понять парламентариям, что он не видит необходимости в принятии закона, поясняющего действующее законодательство, но готов подтвердить Великую Хартию Вольностей и шесть статутів Эдуарда I и Эдуарда III в законодательной форме, но без каких-либо пересказов, дополнений или объяснений.

Палата общин оказалась в трудном положении. Соглашаясь на принятие закона о личных и имущественных правах и свободах английских подданных, король имел в виду, что этот закон будет лишь подтверждать статьи Великой Хартии Вольностей и других статутів. Но вместе с тем он призывал парламентариев рассматри-

¹ The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Decimo Octavo Jacobi Regis. (1620–1628). Vol. III. P. 787.

² В оригинале — «raise the dejected hearts of your loving subjects to a cheerful supply of you Majesty». Термин «supply» означает здесь поддержку в смысле платы налогов.

³ Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 254.

вать его устное обещание соблюдать их в качестве столь же надежной гарантии, какой является любой писанный закон. По словам английского исследователя Дж. Гая, «настаивание короля на том, что его устного обещания достаточно, поставило общины в опасное неудобство. Подтекст здесь заключался в том, что каждый добивавшийся реформы законодательства, не доверял ему», его королевскому величеству¹.

Добавим к этому, что Палата лордов, если и была согласна на какие-либо дополнения к закону, то исключительно на такие, которые усиливали бы королевскую власть.

В этих условиях члены нижней палаты парламента вынуждены были отказаться от плана принятия закона, закрепляющего права и свободы английских подданных, и стали искать иной способ выражения своих устремлений. В результате 6 мая 1628 года Палата общин приняла решение воплотить свои требования в форму петиции о праве².

Порядок принятия статутов посредством подачи королю парламентариями петиции о праве и последующего ответа на нее Его Величества действовал в Англии до середины XV века³. Во второй половине указанного столетия утвердилась процедура принятия статутов путем разработки парламентом их проектов — так называемых биллей, получавших после их одобрения королем силу закона. Принимая решение о составлении петиции, парламентарии хорошо сознавали, что таким способом они не смогут создать закона, закрепляющего права и свободы английских подданных.

В связи с этим весьма примечательным является тот факт, что всего за десять дней до принятия данного решения, а именно:

¹ *Guy J. A. The Origins of the Petition of Right Reconsidered // The Historical Journal. 1982. Vol. 25. № 2. P. 309.*

² Идею прибегнуть для выражения своих требований к форме петиции о праве подал членам Палаты общин правовед Э. Кук. Парламентарий Томас Уэнтворт говорил позднее о метаморфозе, произошедшей с нижней палатой парламента: «Мы в настоящее время опустили от нового статута и нового закона к Петиции о праве, и до тех пор, пока лорды не присоединятся к нам, никакого значения наше действие иметь не будет» (цит. по: *Tanner J.R. English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. Cambridge, 1957. P. 64.*)

³ На это обстоятельство обратил внимание парламентариев правовед Э. Кук, заявивший 8 мая 1628 г. на парламентской конференции, что законодательная процедура «через посредство Петиции была старинным средством до несчастного раздора между двумя Домами — Йорков и Ланкастеров» (*The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 787.*)

во время обсуждения предложений Палаты лордов, облеченных в форму петиции о праве, Палата общин выразила отрицательное отношение к использованию такого рода документов для обеспечения прав и свобод подданных. Среди ее членов возобладало мнение о том, что форма петиции о праве не гарантирует юридической силы выраженным в ней нормам. На парламентской конференции 8 мая 1628 года ситуация была уже другой. Теперь Палата общин призывала лордов поддержать составленный ею проект петиции о праве¹.

Между тем в исторической литературе все представляется, как правило, таким образом, что Палата общин с самого начала решила выразить свои требования в форме петиции о праве. Об этом пишет, в частности, Давид Юм. По его словам, общины «не претендовали на какие-либо новые права или привилегии; они лишь стремились защитить те, которые были унаследованы ими от предков, и закон свой решили назвать ПЕТИЦИЕЙ О ПРАВЕ»².

Палата лордов уже 8 мая и без особых уговоров согласилась поддержать предложенную Палатой общин Петицию о праве. Для выработки проекта петиции, устраивающего обе палаты парламента, был образован специальный комитет из членов Палаты общин и Палаты лордов в количестве 10 человек. 10 мая этот комитет завершил свою работу и представил проект петиции парламентариям для обсуждения.

Процесс обсуждения Петиции о праве в английском парламенте длился около трех недель. Временами он принимал весьма бурные формы. Лорды предприняли попытку добавить в текст Петиции статью, подтверждающую абсолютную прерогативу королевской власти — «суверенную власть» короля. Члены Палаты общин дружно и решительно выступили против включения этой статьи в содержание Петиции.

Эта новая дискуссия между парламентскими группировками по вопросу соотношения абсолютной и ординарной прерогатив

¹ Выступавший от имени членов Палаты общин правовед Э. Кук говорил о том, что «они начертали Петицию о Праве в соответствии со старинными Прецедентами и оставили пространство Лордам для присоединения к ним» (The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Decimo Octavo Jacobi Regis. (1620–1628). Vol. III. P. 787).

² Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 161.

королевской власти обнажила чрезвычайную хрупкость традиционной юридической конструкции государственного строя Англии. Оказалось, что вся эта конструкция покоится на очень тонком балансе различных элементов, равновесии разных сил.

Выступая против включения статьи о суверенной власти короля в Петицию о праве, правоведы и члены Палаты общин совсем не отрицали необходимости для короля иметь, помимо ординарной, также абсолютную прерогативу. Джон Селден говорил в своем выступлении в нижней палате 22 мая 1628 года: «Что касается того, что мы объявили устами нашего спикера в этом Парламенте, то мы далеки от намерения посягать на королевскую прерогативу; мы только говорим о королевской прерогативе в своем лице и мы обязаны сказать так»¹.

В самой по себе абсолютной прерогативе королевской власти члены Палаты общин не усматривали какой-либо опасности для традиционной юридической конструкции государственного строя Англии. Опасным они сочли совмещение этой прерогативы с ординарной королевской прерогативой. Р. Мэйсон (*R. Mason*) следующим образом объяснил, почему такое совмещение недопустимо. По его словам, «король обладает ординарной прерогативой, и посредством ее он не может назначать налоги или заключать в тюрьму; то есть он не может назначать налоги по своей воле или использовать их так, как он желает; однако он имеет экстраординарную и трансцендентную “суверенную власть” для защиты и счастья своего народа, а для такой цели он может назначать налоги или размещать солдат, как он желает»². Иначе говоря, совмещение абсолютной прерогативы королевской власти с ее ординарной прерогативой разрушало всю юридическую конструкцию английского государственного строя. Данная конструкция могла сохраняться только при наличии достаточно определенных границ между сферами действия различных прерогатив.

Р. Мэйсон говорил также: «Посредством нашей Петиции мы желаем только того, чтобы наши особые права и свободы были подтверждены для нас; и поэтому нам не приличествует вообще упоминать в ней о суверенной власти, совсем не касающейся предмета Петиции»³. Подобные аргументы приводили и другие парла-

¹ Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 534.

² Ibid. P. 529.

³ Ibid. P. 530.

ментарии. Именно эти аргументы убедили лордов в нежелательности включения в Петицию статьи о «суверенной власти» короля. 26 мая Палата лордов согласилась принять Петицию без этой статьи.

2 июня 1628 года Петиция о праве, одобренная обеими палатами английского парламента, была зачитана Карлу I. Его Величество ответил следующей резолюцией: «Король желает, чтобы Право осуществлялось в соответствии с Законами и Обычаями Королевства. И чтобы Статуты исполнялись должным образом, дабы Его Подданные не имели причины жаловаться на какие-либо обиды или притеснения, противоречащие их справедливым Правам и Вольностям, сохранять которые он считает себя по совести так же обязанным, как сохранять свою Прерогативу»¹.

Эта резолюция ни формой своей, ни содержанием не соответствовала исторически сложившимся правилам утверждения королевской властью актов парламента². Король избрал ее потому, что сама Петиция о праве не подходила ни под одну из разновидностей актов, характерных для практики английского парламента того времени. Содержание журналов Палаты лордов и Палаты общин показывает, что различные петиции рассматривались почти на каждом из заседаний этих палат, но это были петиции частного характера — прошения, исходившие от какого-либо частного лица. Палаты высказывались в их поддержку и представляли королю или в Тайный совет. Но Петиция о праве, представленная его величеству 2 июня 1628 года, была произведением самого парламента, то есть имела публичный характер.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 835. В «Сборнике документов по истории английской буржуазной революции XVII века» В. М. Лавровского (М., 1973) приведен не совсем точный перевод этой резолюции Карла I. Особенно сильно искажен смысл последней ее фразы. Она переведена здесь так: «К соблюдению сказанного он считает себя обязанным в той же мере, как к сохранению своей программы» (стр. 109). В связи с этим я привожу оригинальный текст резолюции: «The King willeth, That Right be done, according to the Laws and Customs of the Realm. And that the Statutes be put in due Execution, that His Subjects may have no Cause to complain of any Wrongs or Oppressions contrary to their just Rights and Liberties; to the Preservation whereof he holds Himself in Conscience as well obliged as of His Prerogative».

² Исторически сложившиеся в Англии варианты королевских резолюций на парламентских актах различного рода см. в издании: A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth... P. 328.

Парламентарии не удовлетворились ответом короля на их Петицию и попросили Его Величество поставить другую резолюцию, выражаемую формулой «soit Droit fait come est desire»¹. 7 июня 1628 года Карл I прибыл на конференцию обеих палат парламента и отдал приказ парламентскому клерку заменить прежнюю резолюцию новой, после чего заявил парламентариям: «Это, я уверен, является достаточным, однако не более того, что Я гарантировал вам в Моем Первом Ответе; так как его значение заключалось в том, чтобы подтвердить все ваши Вольности; зная из ваших собственных торжественных заявлений, что вы не подразумеваете и не затрагиваете Моей Прерогативы, Я заверяю вас, что Мой Принцип состоит в том, что Народные Свободы усиливают Королевскую Прерогативу, и что Королевская Прерогатива должна защищать Народные Свободы»².

Утверждение королем Петиции о праве посредством резолюции «soit droit fait comme est desire» означало, что этот документ получил статус **частного парламентского акта**³ (публичные парламентские акты утверждались резолюцией «Le Roi le veult»⁴). Иначе и не могло быть — Петиция не содержала новых правовых норм, а лишь подтверждала старые, уже действующие⁵. Отсюда следует, что указанная Петиция не стала в 1628 году законом. В пользу этого свидетельствует и само время утверждения этого документа королем — середина парламентской сессии. Законодатель-

¹ Старофранцузское выражение, означающее буквально: «Пусть будет так, как желаемо». См.: The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 844.

² Ibidem.

³ Королевская резолюция, утверждавшая частные билли, могла иметь формулу, немногим отличающуюся от приведенной. Так, королева Елизавета утверждала подобные билли следующими словами — «soit fait come il est desire». См.: A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth... P. 328.

⁴ В переводе со старофранцузского языка это словосочетание означает буквально: «Король соизволил это».

⁵ Это признавали сами парламентарии, на это обстоятельство специально обращал внимание парламента король Карл I при закрытии его сессии: «Обе палаты во время выработки этой петиции заявляли, что они никоим образом не хотят вторгаться в область моей прерогативы, говоря, что у них нет ни намерения, ни власти наносить ей ущерб. Поэтому должно быть признано, что я не давал согласия на что-либо новое, но лишь подтвердил старые вольности моих подданных» (*Лавровский В. М.* Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII века. С. 112).

ные акты, по правилу, которому неукоснительно следовали тогда в Англии, утверждались Его Величеством в конце сессии парламента¹.

Статус закона Петиция о праве 1628 года получила лишь тринадцать лет спустя — 7 августа 1641 года. В принятом в этот день «Акте, объявляющем незаконными и недействительными недавние судебные постановления относительно корабельных денег и бесполезными все записи и протоколы, относящиеся к ним» говорилось: «...Далее объявляется и устанавливается на основании указанной ранее власти, что все и каждая частности, которых просят и желают в указанной Петиции о праве, должны *с настоящего времени* соответственно выполняться и твердо и строго поддерживаться и соблюдаться»² (курсив мой. — В. Т.).

В исторической литературе существуют различные оценки Петиции о праве 1628 года. Ряд исследователей придает ей такое значение, которое имеет Великая Хартия Вольностей³. Так, Давид Юм писал в свое время: «Можно без преувеличения утверждать, что согласие короля на петицию о праве произвело в системе правления перемены, почти равносильные революции, и что ограничение в столь многих пунктах монаршей прерогативы создавало дополнительные гарантии для прав и свобод подданных»⁴.

По мнению других историков, Петиция о праве 1628 года сыграла весьма скромную роль в политическом развитии Англии XVII века⁵. Последняя точка зрения является в настоящее время

¹ Именно такой порядок утверждения законодательных актов королевской властью зафиксирован в журналах Палаты лордов эпохи правления королевы Елизаветы, времени правления короля Якова I и первых лет правления Карла I.

² The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. Oxford, 1927. P. 191.

³ См. об этом: *Gardiner S.R.* History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642. Vol. 6. London, 1886. P. 310.

⁴ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 167.

⁵ Такую оценку Петиции о праве давал в своем труде «Конституционная история Англии» английский историк Г. Галлам (1777–1859). Его точку зрения разделял русский историк А. Н. Савин (1873–1923), отмечавший в своих лекциях по истории английской революции, что «Петиция стояла на зыбкой исторической почве», что она «далеко не покрывала всей области, которая была предметом политического спора между правительством и парламентом» (см.: *Савин А. Н.* Лекции по истории английской революции. М., 2000. С. 190). Русский историк, правда, допускал ошибку, когда утверждал, что после одобрения королем Петиция о праве «стала статутом» (там же. С. 189).

господствующей в трудах по истории Англии первых десятилетий XVII века. «Петиция о Праве составляет одну из вех в конституционном развитии Англии. Однако непосредственно она имела малое значение»¹, — отмечает Б. Ковард.

На мой взгляд, оценка принятия Петиции о праве 1628 года как события, имевшего революционное значение, весьма сомнительна — она не соответствует реальному положению дел. Однако вряд ли правильным будет и слишком преуменьшать политическую и правовую роль данного документа в английской истории XVII века. Не получив в 1628 году статуса закона, Петиция о праве тем не менее сыграла определенную роль в правовом развитии Англии. Она стала знаменем борьбы против произвола государственной власти — фактором, формирующим правосознание английского общества.

Но в условиях 1628 года значительно большее значение для политической эволюции английского общества имела не сама по себе Петиция о праве, а те дискуссии в парламенте Англии, которые предшествовали ей принятию. В ходе этих дискуссий отчетливо обнаружились такие слабости юридической конструкции английского государственного строя, которые могли в дальнейшем вести лишь к обострению политических конфликтов между королевской властью и парламентариями. Стало очевидным, что важнейший из несущих элементов указанной конструкции — ординарная прерогатива королевской власти, основанная на common law и статутах Английского королевства, стала превращаться из средства поддержания равновесия между королем и парламентом, сохранения компромисса между общественными группировками, стоявшими за этими государственными институтами, в инструмент усиления королевской власти за счет полномочий парламента.

¹ *Coward B.* The Stuart Age. A History of England, 1603–1714. London and New York, 1980. P. 140.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО «ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА» 1641 ГОДА: ОГРАНИЧЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВОЕВЛАСТИЯ

В жизни человечества было много политических революций, но по-настоящему великими по своему воздействию на общества, в которых они происходили, и по влиянию на мировую историю можно назвать лишь три из них: английскую 1640–1660 гг., французскую 1789–1794 гг. и русскую 1917–1922 гг. Каждая из этих революций имела только ей присущие особенности, протекала своим специфическим путем и завершалась совсем не так, как другие. Но начало у всех великих революций проходило по одному и тому же сценарию: первым их актом было **саморазрушение исторически сложившейся конструкции верховной государственной власти**. В Англии и Франции непосредственной причиной революционной катастрофы стал конфликт между королем и парламентариями: ее процесс был запущен созывом парламента. В России саморазрушение традиционной верховной государственной власти началось с государственного переворота, организованного масонствовавшими генералами и государственными деятелями с целью отстранения царя Николая II от власти.

Восстания народных масс, стихийные народные движения играли огромную роль в развитии каждой из великих революций, но разворачивались они лишь после краха верховной государственной власти: их нельзя поэтому считать причиной этих революций.

Главная тайна всех великих революций сокрыта в тех процессах, которые совершались накануне их в сфере верховной государственной власти, в политической элите общества.

1. Созыв парламента 3 ноября 1640 года. Начало революции

Начало английской буржуазной революции обыкновенно датируется 3 ноября 1640 года. В действительности же ничего революционного в Англии в тот день не произошло. Единственным значимым событием, случившимся тогда в политической жизни английского общества, было открытие сессии нового парламента. Но подобное событие происходило уже в пятый раз за все время правления Карла I и во второй раз в течение последнего года.

Факты свидетельствуют, что парламента, созванный 3 ноября 1640 года, отличался от всех предыдущих парламентав большей враждебностью по отношению к королевскому правительству¹. В рассматриваемое время заметно усилилось недовольство политической королевской власти и среди населения страны². Однако эти настроения в парламенте и в обществе в целом не сопровождались намерениями произвести радикальные, революционные перемены в общественном и государственном строе Англии.

«Оппозиционные парламентские лидеры первых лет были проникнуты консервативным настроением, — отмечал историк А. Н. Савин. — Они исходили из убеждения, что провидение с незапамятных времен благословило Англию конституцией исключительных достоинств, которую надо только очистить от искаживших ее наростов тудоровского и стюартовского абсолютизма, чтобы вернуть отечественный быт к благим порядкам Плантагенетов или даже англосаксонских королей»³. Подобную оценку устремлениям парламентских лидеров дают и многие современные английские историки. «Хотя эти люди разделяли волнения и ожидания своего времени, охотно использовали давление народных масс для своей непосредственной политической выгоды, их цели были в сущнос-

¹ *Tanner J. R.* English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. Cambridge, 1957. P. 91.

² См. об этом: *Юм Д.* Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 237–239.

³ *Савин А. Н.* Лекции по истории английской революции. М., 2000. С. 269.

ти умеренными и прагматическими»¹, — пишет Б. Ковард. По словам историка Дж. Моррилла, «значительно более 90 процентов от всех членов парламента, выступавших против Короля, были привержены доктрине смешанной или ограниченной монархии (с верховной властью, возложенной на Короля-в-Парламенте: Король, Лорды и Общины); перестроенной национальной Церкви; и существующему социальному и экономическому порядку. В 1642 году парламентские лидеры преимущественно видели себя в качестве людей консервативных, охраняющих основы конституции от посягательств папизма и деспотического правительства»².

Консервативные настроения всецело преобладали и в английском обществе рассматриваемого времени. Население Англии, хотя и проявляло в ряде случаев недовольство действиями королевской власти, было в целом привержено монархии. Лучшее всего об этом свидетельствует тот факт, что и при отсутствии согласия парламента, в условиях беспарламентского правления, которое продолжалось одиннадцать лет (с 10/20 марта 1628/1629 г. до 13 апреля 1640 г.), королевскому правительству удавалось собирать достаточно большие суммы налогов. При этом король сталкивался лишь с отдельными случаями неповиновения своим распоряжениям о сборе тех или иных налогов. Если бы это неповиновение оказалось сколько-нибудь массовым, король столкнулся бы с неразрешимыми проблемами, поскольку в его распоряжении не было разветвленного чиновничьего аппарата для принудительного взывания налогов с населения страны. Однако англичане повиновались своему монарху. В результате в 1635 году, в первый раз за время правления Карла I собранные в королевскую казну налоги почти сравнялись с расходами королевской власти, а к 1638 году «финансы находились в более цветущем состоянии, чем в каком-либо другое время с тех пор, как Стюарты унаследовали трон»³.

Карл I вполне мог править, не созывая парламента, и в 1640 году, и в дальнейшем — по меньшей мере, еще несколько лет, если бы не вступил в конфликт с шотландцами.

¹ *Coward B.* The Stuart Age. A history of England. 1603–1714. L., 1980. P. 163. Английский историк имеет в виду в данном случае таких парламентских лидеров, как Бедфорд, Варвик, Сэй, Сель, Брук, Дж. Пим, О. Сэнт-Джон, Дж. Гемпдем.

² *Morrill J.* Introduction // *Reactions to the English Civil War. 1642–1649* / Ed. J. Morrill. L., 1982. P. 5.

³ *Tanner J. R.* English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. P. 77.

Этот конфликт разразился летом 1637 года после попыток королевской власти ввести в действие на территории Шотландии англиканские церковные каноны и литургию. В шотландском обществе к этому времени прочно утвердился протестантизм в форме кальвинизма, и церковь соответственно имела пресвитерианскую организацию. Ее фундамент составляли общины верующих. Эти общины избирали на своих церковных сессиях (kirk sessions) коллегии священников (presbyteries), которые в свою очередь формировали посредством выборов Общую Ассамблею (General Assembly) – верховный орган управления шотландской церковью. Введение в действие англиканских канонов разрушало эту демократическую церковную организацию. Согласно им, священники должны были назначаться епископом, который в свою очередь назначался королем. Миряне, таким образом, отстранялись от управления церковью. Введение же новой литургии означало навязывание шотландцам чужих молитвенных формул и обрядов вместо прежних, к которым они привыкли и которые считали своими.

Попытка королевской власти навязать шотландцам новую организацию церкви и новую литургию была воспринята ими как посягательство на их свободу и национальное достоинство. Оскорбленное в своих религиозных и национальных чувствах население Шотландии ответило мятежом.

Более двух лет Карл I безуспешно боролся с мятежниками, чередуя применение вооруженной силы с мирными переговорами. В начале 1640 года Его Величество, вознамерившись в очередной раз подавить мятеж посредством вооруженной силы, собрал довольно многочисленную армию для похода в Шотландию. Понимая, что финансовых средств, имевшихся в его распоряжении, будет недостаточно для обеспечения этой армии, а быстро собрать в государственную казну дополнительные денежные суммы возможно лишь при согласии общества, Карл I решил созвать парламент Англии. Он надеялся, что в сложившейся кризисной обстановке парламентарии проголосуют, причем без большого промедления, за предоставление королевскому правительству полномочия собирать с населения дополнительные налоги, необходимые на содержание армии.

Однако парламент, созванный 13 апреля 1640 года, не оправдал надежд королевской власти, и 5 мая указанного года Карл I распустил его. В историю Англии этот парламент вошел под названием «короткого парламента».

Роспуск парламента всего через три недели после его созыва вызвал в английском обществе новую волну критики по отношению к королевской власти. В этой обстановке король не мог воспользоваться теми методами сбора денежных средств в государственную казну, к которым он прибегал в предыдущие периоды беспарламентского правления. Его Величеству пришлось обратиться за поддержкой к духовенству, а также к своим министрам и придворным. Кроме того, им были сделаны займы денежных средств у английских и испанских торговых компаний. В результате Карлу I удалось за короткое время собрать сумму, необходимую на содержание армии.

Но эта армия не смогла справиться с мятежными шотландцами. 20 августа 1640 года шотландское войско вступило в пределы Англии. При первом же вооруженном столкновении с ним английские солдаты бежали. Карл I вынужден был вступить в переговоры с мятежниками. Потребность короля в денежных средствах в этих условиях резко возросла, поскольку теперь необходимо было оплачивать из государственной казны содержание не только английской, но и находившейся на территории Англии шотландской армии. Денежные суммы, достаточные для этого, можно было получить лишь посредством сбора налогов со всего населения Английского королевства.

В связи с этим Карл I вновь оказался перед необходимостью созвать парламент. К этому шагу короля подталкивали и пэры. 28 августа 1640 года двенадцать пэров Английского королевства¹ обратились к королю Карлу I со следующей петицией:

«Милостивейший суверен!

Чувство долга и службы, которыми мы обязаны вашему Священному Величеству, и наше ревностное стремление к благу и

¹ Rutland, F. Bedford, W. Hertford, R. Essex, Exeter, Warwick, Bolingbroke, Mulgrave, W. Say and Sele, R. Brooke, E. Mandeville, E. Howard (of Escrick) — эти имена стоят в конце текста петиции, опубликованного в собрании документов, составленном английским историком Р. С. Гардинером (*The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. 3d ed., rev. / Sel. and ed. S. R. Gardiner. Oxford, 1927. P. 134–136*). Французский историк Ф. Гизо приводит в своей книге, посвященной английской революции, несколько отличающийся от вышеуказанного список имен лордов, подписавших петицию, ссылаясь при этом на публикацию ее текста в «Исторической коллекции (*The Historical Collections*)» Дж. Рашуорта (*J. Rushworth*). По мнению Гардинера, Рашуорт опубликовал в своей коллекции одну из копий петиции пэров от 28 августа 1640 г., не вполне точно воспроизводящую подлинник.

благоденствию вашего королевства Англии подвигло нас со всем смирением просить ваше Королевское Величество позволить нам предложить вашему монаршему уму то мнение, которое мы и другие ваши верные подданные имеем относительно великих потрясений и опасностей, угрожающих в настоящее время Церкви и Государству и вашей Королевской персоне, и о наиболее подходящих средствах, с помощью которых они могут быть устранены и предотвращены.

Зло и опасности, на которые вашему Величеству было бы угодно обратить внимание, таковы:

Священная персона вашего Величества подвергается риску и опасности в настоящей экспедиции против шотландской армии, и по причине этой войны ваша казна сильно истощилась, ваши подданные обременены денежными расходами на постой солдат и другими военными сборами, а также различными грабежами и беспорядками, совершаемыми в различных частях вашего королевства солдатами, призванными на службу, и все ваше королевство наполняется страхом и недовольством.

Различные нововведения в вопросах религии, клятвы и канонов, навязанные духовенству и другим подданным вашего Величества.

Огромное усиление папства и тех, кто состоит на службе папистов, а также других лиц, неблагоприятно относящихся к религии, установленной законом, на властных и ответственных должностях, особенно в руководстве людьми и оружием, как на полях сражений, так и в различных графствах вашего королевства, в то время как законами им (названным лицам. — *В. Т.*) не позволяется иметь оружие в собственных домах.

Огромные беды, которые могут быть навлечены на это королевство, если осуществляются намерения, о которых сообщается из заслуживающих доверия источников, привести ирландские и иностранные войска.

Принудительный сбор корабельных денег и судебное преследование некоторых шерифов Звездной Палатой за отказ собирать их.

Большие таможенные пошлины на товары, способствующие упадку торговли, множество монополий и других патентов, посредством которых предметы торговли и мануфактурное производство в королевстве слишком обременены к великому и всеобщему недовольствию вашего народа.

Великое огорчение ваших подданных долгим перерывом в созыве Парламентов и недавний роспуск созванного Парламента без ожидавшихся результатов, которые могли быть достигнуты в противном случае.

В качестве средства предотвращения опасностей, которым может подвергнуться ваша королевская персона и государство в целом, они со всей покорностью и верностью просят ваше Наипревосходнейшее Величество, не угодно ли будет вам созвать Парламент в пределах короткого и удобного времени, посредством чего причины этих и других великих тягот, лежащих на вашем народе, могут быть устранены, а создатели их и советники могут быть привлечены к такому законному суду и строгому наказанию, которых будет требовать природа совершенных ими правонарушений, и настоящая война может быть окончена умом вашего Величества без кровопролития в такой манере, которая может обеспечить честь и безопасность персоны вашего Величества, благосостояние вашего народа и объединение обоих ваших королевств против общих врагов реформированной религии»¹.

Приведенная петиция выходила за рамки простого прошения о созыве парламента. Она являлась по своему содержанию документом программного значения. Обращаясь к своему королю с просьбой созвать парламент, английские пэры намечали основные направления деятельности этого представительного учреждения в ближайшем будущем. Это, *во-первых*, прекращение военного конфликта Англии с Шотландией; *во-вторых*, удаление католиков с руководящих должностей в армии и гражданской администрации; *в-третьих*, искоренение практики принудительного сбора корабельных денег без согласия парламента; *в-четвертых*, создание более благоприятных условий для торговли; *в-пятых*, исключение долгих перерывов в созыве парламента; *в-шестых*, предание суду должностных лиц и советников короля, способствовавших своими действиями и советами возникновению опасного для Английского королевства и тяжелого для английских подданных положения.

Можно по-разному оценивать все эти устремления пэров, но очевидно, что ничего революционного в их предложениях Карлу I не содержалось. Вместе с тем текст Петиции от 28 августа 1640 го-

¹ The humble Petition of your Majesty's most loyal and obedient subjects, whose names are here underwritten in behalf of themselves and divers others // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 134–136.

да отражал наличие серьезных разногласий между королем и пэрами. Король смотрел на парламент как на представительный орган, юридически закрепляющий за Его Величеством право взимать с населения налоги в размерах, необходимых для решения стоящих перед королевской властью проблем — в первую очередь тех, которые возникли вследствие военного конфликта Англии с Шотландией. Пэры же видели в парламенте, как свидетельствует их петиция, значительно более широкое по своей политической роли и своим задачам учреждение.

Одновременно с вышеприведенной петицией пэров королю была передана и петиция жителей Лондона. Ее текст выражал жалобы горожан на многочисленные злоупотребления, подрывающие торговлю и мануфактурное производство, протесты против засилья папистов, заключения в тюрьму тех лиц, которые отказываются платить корабельный сбор и налоги. Кроме того, лондонцы высказывали в своей петиции свое недовольство редкими созывами парламентов и внезапными их роспусками без удовлетворения жалоб подданных. В заключение петиции жителей Лондона говорилось: «Ваши покорные петиционеры, сознавая, что указанные злоупотребления противоречат Законам этого королевства, и зная по своему опыту, что они (злоупотребления. — *В. Т.*) не могут быть искоренены посредством обычного течения правосудия, наипокорнейшее просят Ваше Наисвященнейшее Величество поспособствовать как можно более скорому созыву Парламента»¹.

7 сентября 1640 года Карл I издал приказ о созыве Большого совета пэров Английского королевства². Этот Совет, о котором говорилось еще в Великой Хартии Вольностей 1215 года, не собирався королями Англии с тех пор, как стали созываться парламенты. Карл I надеялся с его помощью прекратить войну с шотландцами. Совет пэров поддержал стремление короля к миру и создал специальную комиссию из 16 своих членов для ведения соответствующих переговоров с руководителями шотландской армии.

В первый же день работы Совета пэров король объявил, что накануне принял-таки решение о созыве парламента.

¹ Цит. по: *Cobbett W. The Parliamentary History of England. From the earliest period to the year 1803 (далее — Cobbett's Parliamentary History). Vol. 2. A.D. 1625–1642. London, 1807. Col. 587.*

² *The King's Writ summoning the Great Council // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 136.*

Созванный 3 ноября 1640 года парламент вошел в историю английской революции под названием «долгого парламента», но его вполне можно назвать парламентом революционным. Деятельность этого парламента была с самого начала направлена на разрушение традиционной, исторически сложившейся в Англии юридической конструкции государственного строя. Об этом свидетельствует в первую очередь содержание наиболее значительных законодательных актов, принятых «долгим парламентом» в течение 1641 года.

2. «Трехгодичный акт» от 15/25 февраля 1640/1641 года

Первым из них стал *«Акт для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе парламента»* или в сокращенном названии — «Трехгодичный акт». В журнале заседаний Палаты общин он впервые упоминается в записи, датированной 22 декабря 1640 года, причем под другим названием — «Акт для ежегодных заседаний Парламентов (An Act for Yearly Holding of Parliaments)»¹. Согласно записи от 30 декабря того же года, Палатой общин был создан специальный комитет по разработке данного законодательного акта².

В январе указанный акт начал рассматриваться в Палате общин, причем уже под тем названием, под которым и будет в дальнейшем принят. При обсуждении этого акта на заседании 19/29 января 1640/1641 года с весьма интересной речью выступил лорд Дигби (*Digby*). Я благодарю Бога, сказал он в начале своего выступления, за то, что мы имеем столь доброго короля, в правление которого «можем смело говорить о злоупотреблении его властью злыми министрами», не бросая при этом тени на личность Его Величества. Далее лорд Дигби заговорил о политическом значении билля о трехгодичном парламенте. «Народ Англии не может открыть свои уши, свои сердца, свои уста или свои кошельки Его Величеству нигде, кроме как в Парламенте. Мы не можем ни слышать Его, ни подавать Ему жалобы, ни выражать свою признательность Ему, ни давать Ему свое согласие на что-либо нигде,

¹ См.: The Journals of House of Commons. Vol. 2. P. 58.

² Ibid. P. 60.

кроме как там. Этот билль является единственным ключом, который может открыть путь к частому повторению этих проявлений взаимной привязанности друг к другу, которая должна создать и увековечить счастье короля и королевства. Пусть ни один человек не усмотрит в нем какого-либо умаления королевской прерогативы... Истина состоит в том, что короли Англии нигде не стоят так высоко в своей славе, в своем величии, в своей верховной власти, как в Парламенте. Где находится власть назначать налоги? Где находится власть восстанавливать правоспособность? Где находится законодательная власть? Конечно, у короля. Но у какого? У короля, окруженного, поддерживаемого и усиливаемого Парламентом. Король вне Парламента обладает ограниченной, строго очерченной юрисдикцией: но никакой монарх Востока не является столь всемогущим в борьбе со злом, как король, сопровождаемый Парламентом. Прогоняя злых министров, мы как будто рассеиваем тучи, которые могут собраться вновь; однако, голосуя за этот билль, мы способствуем, насколько это в наших силах, увековечению нашего солнца, нашего суверена в его высоком полуденном сиянии»¹.

На заседании 15/25 февраля 1640/1641 года нижней палатой парламента были утверждены последние поправки в текст рассматриваемого акта, и он был принят². В тот же день его одобрили лорды³ и король Карл I⁴. «Обе палаты торжественно благодарили короля, Лондон и вся нация выражали бурную радость, всюду раздавались громкие речи о взаимном доверии и о готовности к ответным услугам»⁵.

Текст «*Акта для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе парламента*» состоял из одиннадцати статей.

В *первых двух* статьях говорилось: «В то время, как законами и статьями этого Королевства Парламент должен заседать по меньшей мере один раз каждый год для удовлетворения жалоб (for the

¹ Цит. по: Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 706–707.

² The Journals of House of Commons. Vol. 2. P. 85.

³ The Journals of House of Lords. Vol. 4. P. 162.

⁴ Речь Карла I при одобрении «билля о трехгодичном парламенте» приводится в сборнике документов, составленном У. Коббеттом (Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 716).

⁵ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 256.

redress of grievances), назначение времени и места для его заседания всегда принадлежало, как это и должно быть, Его Величеству и Его предшественникам на королевском троне; и поскольку опытом обнаружилось, что отсутствие заседаний Парламентов соответственно причинило различные и огромные беды и неудобства Королевскому Величеству, Церкви и Государству, для предотвращения подобных бед и неудобств в будущем¹. Пусть будет установлено Наипревосходнейшим Королевским Величеством с согласия духовных и светских Лордов и Общин, собравшихся в настоящем Парламенте, что указанные законы и статуты должны с настоящего времени надлежащим образом сохраняться и соблюдаться; и верные и послушные подданные Его Величества, собравшиеся в настоящем Парламенте, покорно просят о том, чтобы было установлено и соответственно пусть будет установлено властью этого настоящего Парламента, что в случае, если Парламент не будет созван по приказу за Большой Печатью Англии, и не соберется и не приступит к работе до 10 дня сентября, который наступит в третьем году, следующем после последнего дня последней сессии и заседания настоящего Парламента, начало первого года будет считаться с этого последнего дня последней сессии и заседания Парламента; и так будет время от времени и во все последующие времена, если Парламент не будет собран и не приступит к работе до 10 дня сентября, который наступит в третьем году, следующем после последнего дня последней сессии и заседания Парламента... И в каждом указанном случае Парламент пусть собирается и заседает в своем обычном месте в Вестминстере только в таком порядке и с помощью таких средств, которые объявлены и установлены ниже в этом настоящем Акте и не иначе, во второй понедельник ближайшего месяца ноября. И что касается этого настоящего Парламента, собравшегося ныне и заседающего, или какого-либо другого Парламента, который в какое-нибудь время после этого соберется и будет заседать на основании приказа за Большой Печатью Англии, или какого-либо Парламента, который соберется и будет заседать в силу этого настоящего Акта; и такие Парламенты или какой-либо из них, если будет приостановлена их деятельность (shall be prorogued), или

¹ Здесь оканчивается первая статья цитируемого акта и начинается статья вторая.

сделан перерыв в работе их сессий (or adjourned)¹ или приостановка их деятельности либо перерыв в работе их сессий будут продлены, до 10 дня сентября, который наступит в третьем году, следующем после последнего дня последней сессии и заседания Парламента, рассчитанного как указано выше, то тогда в каждом таком случае каждый такой Парламент, таким образом приостановленный в своей деятельности или прерванный в работе своей сессии или получивший продление приостановки своей деятельности или перерыва в своей сессии, как выше указано, будет считаться впредь с указанного 10 дня сентября очевидно и полностью распущенным (clearly and absolutely dissolved), и Лорд-Канцлер Англии, Лорд-Хранитель Большой Печати Англии, и каждый специальный уполномоченный хранить до поры до времени Большую Печать Англии пусть в течение шести дней после указанного 10 дня сентября каждого такого третьего года, как выше указано, в надлежащей форме и без каких-либо законных предписаний и инструкций от Его Величества, его наследников или преемников,

¹ В англо-русских словарях глаголы «to prorogue» и «to adjourn» переводятся на русский язык одними и теми же словами «отсрочивать», «назначать перерыв», «делать перерыв». На самом деле эти глаголы обозначают применительно к английскому парламенту два различных действия. «To prorogue» означает отсрочить или, лучше сказать, приостановить деятельность парламента. По окончании срока пророгации или времени, на которое была приостановлена деятельность парламента, начиналась его новая сессия, причем никаких торжественных церемоний, проводившихся обычно при начале работы нового парламента, в данном случае не совершалось. «To adjourn» же означает перерыв именно в парламентской сессии. По окончании этого перерыва собирался прежний парламента, и также безо всяких торжественных церемоний, однако новой сессии, как по окончании срока пророгации, при этом не открывалось — продолжалась та сессия, которая прерывалась, и при этом не рассмотренные до конца вопросы начинали рассматриваться с того их состояния, в каком их рассмотрение было прервано. С бытовой точки зрения, в обоих случаях имеет место отсрочка или приостановка работы парламента и только, но с юридической точки зрения это две различных формы приостановки работы парламента. Во всяком случае, именно такие различия между явлениями, называемыми на английском языке «prorogation» и «adjournment», которые мы очертили выше, проводятся в журнале заседаний Палаты лордов парламента Англии, работавшего с 23 ноября 1584 г. по 14 сентября 1586 г. (A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes. L., 1693. P. 318; далее — A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth).

удостоверит печатью, издаст и пошлет отдельные и соответствующие приказы к отдельным и соответствующим пэрам этого Королевства, предписывающие каждому такому пэру прибыть лично в Парламент, приступающий к работе в Вестминстере во второй понедельник, который наступит в ноябре, следующем после указанного 10 дня сентября, чтобы рассматривать с этого времени и в этом месте важные и неотложные дела, касающиеся Его Величества, состояния и защиты королевства и Церкви Англии; и пусть они также удостоверят печатью и издадут и пошлют отдельные и соответствующие приказы отдельным и соответствующим шерифам отдельных и соответствующих графств, городов и местечек Англии и Уэльса, и Констаблю замка Дувр, Лорду-губернатору пяти портов¹ или его заместителю до поры до времени, и мэру и бэйлифам Бервика-на-Твиде и ко всем и каждым другим должностным лицам и лицам, к которым приказы обыкновенно направляются, чтобы были избраны рыцари, горожане, бароны и жители местечек от и для указанных графств, городов, пяти портов и местечек Англии и Уэльса соответственно, в обыкновенной форме, для того, чтобы они явились и служили в Парламенте, приступающем к своей работе в указанный второй понедельник, который наступит в вышеуказанном ноябре...»²

Далее во *второй* статье цитируемого акта говорилось о том, что лорд-канцлер, лорд-хранитель печати или специально уполномоченные лица, на время их замещающие, должны принести клятву, и приводился текст данной клятвы. После этого устанавливались санкции, которым они подвергались, если не выполняли обязательств, предписанных им рассматриваемым актом и взятых ими на себя указанной клятвой. Перечисленные лица, обязанные созвать парламент, автоматически лишались своих должностей в том случае, если не предпринимали для этого созыва соответствующих мер, и в дальнейшем подлежали ответственности перед парламентским судом.

¹ Под пятью портами имеется в виду группа портовых городов юго-восточного побережья Англии, обладавшая привилегиями. В нее входили портовые города Дувр (Dover), Хастингс (Hastings), Хис (Hyth), Ромней (Romney), Сэндвич (Sandwich).

² An Act for the preventing of inconveniences happening by the long intermission of Parliaments // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 144–146.

В том случае, если лорд-канцлер, лорд-хранитель печати или специально уполномоченные лица, на время их замещающие, не созывали парламент, и парламент не приступал к работе в вышеуказанное время и в вышеуказанном месте, он должен был собраться и приступить к работе в Вестминстере в третий понедельник, который наступит в ближайшем январе месяце. Однако созывать парламент следовало теперь пэрам Английского королевства.

Действуя на основании настоящего акта, пэры обязаны были собраться в Старом дворце Вестминстера в третий понедельник вышеуказанного месяца ноября. И все таким образом собравшиеся пэры, или двенадцать, или более из них, должны были в срок до последнего понедельника указанного месяца, без каких-либо дополнительных предписаний, издать соответствующие приказы от имени короля, его наследников или преемников, удостоверить их своими руками или печатями и послать на места — шерифам графств, городов и местечек Англии и Уэльса, а также другим должностным лицам, в ведении которых находилась организация выборов рыцарей, горожан, баронов и представителей местечек для работы в парламенте. Данные приказы, изданные лордами, имели такую же юридическую силу, как и приказы или вызовы в парламент, заверенные Большой печатью Англии.

В *третьей* статье «Трехгодичного акта» говорилось о том, что если лорды не издадут упомянутых приказов и парламент не соберется и не приступит к работе до 23-го дня указанного месяца января, то он должен будет собраться и приступить к работе во второй вторник марта месяца, следующего за вышеназванным 23-м днем января. В этот парламент обязаны явиться пэры Английского королевства, и каждый из них будет за свою неявку подлежать таким карам и наказаниям, «как если бы он или они созывались посредством приказа за Большой Печатью Англии и не явились и не принимали участия в работе парламента.

В *четвертой* статье устанавливался порядок формирования Палаты общин на тот случай, если парламент не созывался в 23-й день вышеуказанного января месяца. Тогда шерифы графств, городов и местечек Англии и Уэльса, должностные лица университетов, мэры и бэйлиффы местечка Бервик-на-Твиде должны были на следующий день (т. е. 24 января) вызвать в специально назначенные в каждой местности здания и места рыцарей, горожан или

жителей местечек, чтобы они избрали в Парламент таких лиц, каковые обыкновенно избираются после издания приказов о вызове в Парламент, заверенных Большой печатью Англии. Если же шерифы и другие должностные лица, облеченные полномочиями проводить выборы, не сделают этого до 10 часов утра, то фригольдерам каждого графства и другим лицам, имеющим голоса на таких выборах, следует собраться в указанных зданиях и местах «без какого-либо дальнейшего предписания и инструкции и провести выборы такого рыцаря или рыцарей, горожанина или горожан, жителя или жителей местечек и в такой манере, как это обыкновенно бывает в случае издания приказа о вызове в парламент»¹.

В *пятой* статье предусматривалось повторение процедуры выборов в Палату общин, описанной в статье четвертой, в том случае, если эти выборы не проводились 24 января. Новые выборы должны были пройти в срок до последнего дня февраля месяца, следующего за указанным месяцем январем. Кроме того, в данной статье говорилось: «Тем рыцарям, горожанам, баронам и жителям местечек, которые таким образом оказываются избранными, следует появиться и приступить к работе в Парламенте в указанное выше время и в назначенном месте, и пусть каждый из них подвергнется таким карам и наказаниям за свою неявку в Парламент и неучастие в его работе, как если бы он или они избирались и были избраны в силу приказа за Большой печатью Англии, и пусть они подобным же образом подлежат таким дальнейшим карам и наказаниям, к которым будут приговорены остальными рыцарями, горожанами и жителями местечек, собравшимися в Палате общин Парламента»².

Шерифам и другим должностным лицам, ответственным за выборы на местах, предписывалось аннулировать избрание в Палату общин упомянутых депутатов и провести повторные выборы. Если же названные лица не делали этого, то аннулирование избрания депутатов, не приступивших к работе в Парламенте, и все последующее предписывалось осуществить нескольким избранным для этого фригольдерам и другим лицам. При этом выборы таких лиц и аннулирование избрания указанных депутатов должны были производиться в порядке, предусмотренном законом; «любые про-

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 149–150.

² Ibid. P. 150–151.

тиворечащие ему приказы (writs), прокламации, эдикты (edits), акты, ограничения, запрещения, распоряжения (orders), предписания (warrants) во всех отношениях являются недействительными». В соответствии с Актом от 15/25 февраля 1640/1641 года лиц, которые осмелятся советовать, организовывать, замышлять приведение в действие всего выше перечисленного или окажут содействие ему или будут приводить все это в действие, следовало подвергать «карам, наказаниям и ограниченным конфискациям, предписанным и предусмотренным посредством Statute of Provision and Preamble, изданного в 16-й год правления короля Ричарда II, и лишать на всю жизнь права выступать в суде в качестве истца и ответчика в отношении какого-нибудь лица по любым искам, реальным или персональным (to issue and implead any persons in any action real or personal), либо совершать какое-нибудь дарение, пожалование (grant), куплю-продажу имущества или каким-то иным способом распоряжаться какими-либо своими землями, держаниями (tenements), имуществом, полученным по наследству, товарами или движимыми вещами, которые они имеют непосредственно в своем пользовании, как посредством акта, совершаемого при жизни, так и посредством последней их воли...»¹.

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 151. В «Сборнике документов по истории английской буржуазной революции XVII в.» В. М. Лавровского (М., 1973. С. 126–129) выдержки из текста «Трехгодичного акта» от 15/25 февраля 1640/1641 г. даются скорее в вольном пересказе, чем в строгом переводе с английского языка на русский. Приводимая же мной пятая статья указанного акта пересказана Лавровским с огромным искажением подлинного ее смысла. «Избранные таким образом рыцари, горожане и представители местечек, — гласит названная статья в варианте Лавровского, — должны явиться и участвовать в парламенте в назначенное время и назначенном месте, и каждый из них будет обязан за неприбытие и неучастие в парламенте подлежать таким карам и наказаниям, как если бы он был избран в силу приказа за Большой печатью Англии, а также дальнейшим карам и наказаниям, которые определяют им остальные рыцари, горожане и представители местечек, собравшиеся в парламенте... С момента совершения указанных правонарушений они будут на всю жизнь лишены прав выступать истцами в судах по делам имущественным или личным, совершать дары, производить пожертвования и передачу имущества, распоряжаться каким-либо иным образом своими землями, недвижимым имуществом, наследством, товарами и движимостью, которые они имеют в своем пользовании...» (Лавровский В.М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. С. 128). Получается так, что за неявку в парламент и неучастие в его работе избранные в него рыцари, горожане и представители местечек подлежали не только карам и наказаниям, назначенным остальными парламента-

Если же обязанности, предписанные рассматриваемым актом, не исполнял какой-либо шериф, констабль замка Дувр или лорд-губернатор пяти портов, то он подлежал отстранению от должности и штрафу в 1000 ф. ст. Каждое из графств, которое не проводило выборов депутатов в Палату общин из своих рыцарей, горожан, баронов и жителей местечек, подвергалось согласно рассматриваемому акту штрафам в 1000 ф. ст., каждый такой город штрафовался суммой в 200 ф. ст., каждый из портов и городов — в 100 ф. ст. Пятая часть всех этих штрафов обращалась в пользу города Лондона, а остальное использовалось по усмотрению Палаты общин.

Шестая статья «Трехгодичного акта» гласила: «И далее постановляется, что никакой Парламент, который впредь будет собираться, не будет распущен или приостановлен в своей деятельности (dissolved or prorogue) в течение, по меньшей мере, пятидесяти дней после времени, назначенного для открытия его заседаний, если на это не будет согласия Его Величества, его наследников или преемников и обеих Палат собравшегося Парламента (unless it be by assent of His Majesty, his heirs or successors, and of both Houses in Parliament assembled)¹; и что не будет прерываться сессия ни Палаты Пэров, ни Палаты Общин в течение, по меньшей мере, пятидесяти дней после открытия их заседаний, если не будет на это свободного согласия каждой указанной Палаты соответственно»².

В *седьмой* статье устанавливалось, что лорды могут избирать на должность спикера своей Палаты во всякое время работы парламента любое лицо, которое сочтут подходящим для этой долж-

ностями, но и лишались на всю жизнь права выступать в суде с исками и совершать различные сделки, то есть существенно ограничивались в своей дееспособности. На самом деле каре, заключающейся в ограничении дееспособности, подвергались не те, кто, будучи избранным в парламент, не являлся на его заседания и не участвовал в его деятельности, а лица, каким-либо образом способствовавшие приведению в действие приказов, прокламаций, предписаний, инструкций, противоречащих Акту от 15/25 февраля 1640/1641 г.

¹ В. М. Лавровский перевел эту фразу акта следующим образом: «...за исключением того случая, когда это производится по общему согласию его величества, его наследников или преемников и обеих палат парламента на их совместном собрании» (*Лавровский В.М.* Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. С. 128). На самом деле в оригинальном тексте не говорится о необходимости для короля и палат давать согласие на «совместном собрании», а идет речь о палатах собравшегося парламента.

² An Act for the preventing of inconveniences happening by the long intermission of Parliaments // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 153.

ности. А рыцари, горожане и жители местечек, избранные в Палату общин, могут соответственно избирать во всякое время деятельности парламента на должность спикера своей Палаты одного из ее членов, которого сочтут подходящим для этой должности. Далее отмечалось, что указанные спикеры будут являться, в силу настоящего Акта, настоящими и полномочными спикерами и будут обладать такой же полной и широкой властью, юрисдикцией и привилегиями, как любой спикер или спикеры, которых обе палаты Парламента до этих пор имели.

Восьмая статья предусматривала, «что все парламенты, которые будут собраны в последующем на основании Акта от 15 февраля 1640 года, и каждый их член будут обладать всеми правами, привилегиями, юрисдикцией и иммунитетами, каковые имел любой парламент, созывавшийся посредством приказа за Большой Печатью Англии». Далее говорилось, что каждый из членов Парламента, который соберется на основании вышеуказанного Акта, будет заседать в Палате общин и иметь голоса в таком Парламенте до и без принятия различных присяг на верность верховной власти (before and without the taking of the several oaths of supremacy and allegiance) или какой-либо из них¹.

Девятая статья устанавливала, что, если Его Королевское Величество, его наследники или преемники в какое-либо время работы какого-нибудь парламента, собравшегося на основании настоящего Акта, уполномочат какую-либо комиссию принять присягу на верность верховной власти ото всех или от каких-либо членов Палаты общин, и какие-либо члены этой Палаты откажутся принять такую присягу, то те, кто отказался от присяги, не будут с этого времени считаться членами данной Палаты и иметь в ней голоса и подвергнутся таким карам и наказаниям, как если бы они заседали в этой самой Палате без избрания или полномочий.

Десятая статья «Трехгодичного акта» предписывала читать этот статут ежегодно и публично на каждой Генеральной сессии мировых судей, которая будет проходить сразу после дня Крещения (Eiphanu), и на каждой последующей сессии коронных судей секретарями названных сессий. В заключение статьи устанавливалось, что если секретари или кто-нибудь из них не выполнят этого или выполнят не должным образом, то каждый из таких лиц подлежит штрафу в 100 ф. ст.

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 154.

Последняя, *одиннадцатая*, статья рассматриваемого акта гласила: «И, наконец, предусматривается и устанавливается, что королевское согласие Его Величества на этот Билль не завершит собою эту настоящую сессию Парламента, и что все статуты и Акты Парламента, рассмотрение которых будет продолжено до конца этой настоящей сессии, будут иметь полную силу после согласия Его Величества до того, как эта настоящая сессия будет полностью завершена и закрыта¹; и если эта настоящая сессия будет окончена посредством роспуска этого настоящего Парламента, то рассмотрение всех вышеупомянутых Актов и статутов будет продолжено до конца первой сессии следующего Парламента»².

«Акт для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе Парламентов», принятый 15/25 февраля 1640/1641 года, вносил ряд нововведений в юридическую конструкцию государственного строя Англии.

Во-первых, он установил новый порядок созыва парламента, приводимый в действие в том случае, если король не созывал его в течение срока, указанного в акте. Как явствует из содержания ст. 2 акта, этот срок мог быть меньше трех лет; более того, он мог составлять всего два года и два месяца¹, поскольку отсчет времени, через которое должен был созываться парламент, начинался с пос-

¹ В. М. Лавровский данную фразу перевел следующим образом: «все статуты и акты его, рассмотрение которых будет продолжено до конца настоящей сессии, будут иметь полную силу после согласия его величества до тех пор, пока настоящая сессия не будет полностью закончена и закрыта» (*Лавровский В. М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. С. 129*). Получается так, что статуты и акты действуют лишь до окончания и закрытия сессии парламента. Такой перевод представляет собой явную бессмыслицу. Вместо словосочетания «до тех пор» в данной фразе должно стоять «до того, как», а вместо «не будет полностью закончена» — «будет полностью завершена...». И тогда все становится понятным: Акт от 15/25 февраля 1640/1641 г. изменил прежний порядок вступления актов парламента в силу. Если до него согласие короля, придававшее юридическую силу парламентским актам, давалось в конце сессии, завершая ее, и, следовательно, эти акты могли стать действующими лишь в конце сессии английского парламента, то теперь королевское согласие на тот или иной парламентский акт не завершало сессию парламента, и акт соответственно мог вступить в силу задолго до ее окончания.

² An Act for the preventing of inconveniences happening by the long intermission of Parliaments // *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 154–155.*

³ При условии, если последний день последнего заседания последней сессии парламента приходился, к примеру, на 8 или 9 сентября.

ледного дня последнего заседания последней сессии и заканчивался 10 сентября третьего года, следующего после указанного дня. В этом случае парламент созывался на основании приказов, изданных лордом-канцлером или лордом-хранителем Большой печати Англии без какого-либо участия короля.

Если же названные должностные лица не издавали таких приказов, то лорды Английского королевства были обязаны собраться в Вестминстере и издать приказы о созыве парламента от имени короля, его наследников или преемников, удостоверить их своими руками или печатями и послать соответствующим лицам на местах. Если же и лорды этого не делали, то шерифы и другие должностные лица на местах, в полномочия которых входит организация выборов в Палату общин, обязаны были провести выборы в определенный срок без соответствующего приказа за Большой печатью. Лорды в таком случае обязаны были прибыть на заседание парламента в срок, установленный настоящим Актом, без специального вызова. Если же шерифы и должностные лица не организовывали выборов в нижнюю палату парламента, организация таких выборов возлагалась на самих избирателей.

Во-вторых, Актом от 15/25 февраля 1640/1641 года было установлено, что вновь собравшийся парламента не может быть распущен или его деятельность прервана в течение 50 дней с момента начала работы.

В-третьих, данный акт установил, что обе палаты парламента могут отныне избирать своих спикеров в любое время в течение работы парламента, и избранные ими лица получают полномочия настоящих спикеров в силу самого факта избрания парламентариями, то есть без одобрения королем. Ранее же существовал порядок, по которому избранные палатами на должность спикеров лица вступали в свои права лишь после получения одобрения от короля¹.

В-четвертых, было введено правило, по которому члены любого будущего парламента, собранного на основании рассматрива-

¹ См., например, порядок избрания на должность спикера Палаты общин 22 февраля 1592 г. известного английского правоведа Э. Кука в «Журнале Палаты лордов» английского парламента, работавшего в период с 19 февраля 1592 г. по 10 апреля 1593 г. (A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and Hoyses of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 459–460).

емого Акта, получали правомочие на участие в его работе и в том числе право голоса на парламентских заседаниях до принятия какой-либо присяги на верность верховной власти. Это правомочие, включая право голоса в парламенте, должно было отныне сохраняться за парламентариями и тогда, когда принятие такой присяги им по каким-то причинам вообще не будет предложено. Однако если король предложит парламентариям принять данную присягу, создав уполномоченную на это комиссию, а они откажутся присягать, то в соответствии с Актом такие парламентарии будут исключены из состава парламента. Таким образом, сохраняя в силе обязанность парламентариев приносить присягу на верность верховной власти, «Трехгодичный акт» предусмотрел для них возможность обойтись и без подобной присяги. Очевидно, что это правило было установлено для тех случаев, когда из-за отказа короля созвать парламент в течение срока, определенного указанным Актом, парламент вынужден будет собраться без королевских приказов.

В-пятых, рассматриваемый документ установил новый порядок вступления в юридическую силу законодательных актов. Если прежде королевское согласие, венчавшее процесс принятия законов, завершало сессию парламента, то теперь, согласно «Трехгодичному акту», сессия могла продолжаться и после того, как король их одобрил. Вступление законов в юридическую силу перестало теперь увязываться с окончанием сессии парламента.

Принятие «Акта для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе Парламентов» упрочило позиции парламентской оппозиции и создало условия для дальнейшей реформы государственного строя Англии. Парламентарии придавали поэтому особое значение факту одобрения Карлом I данного законодательного акта. Чувство радости по этому поводу испытывали не только члены Палаты общин, но и лорды. На следующий день после принятия «Трехгодичного акта» в Палату общин поступило послание из верхней палаты парламента, в котором сообщалось, что лорды «столь полны радости по поводу благосклонного ответа Его Величества на билль о Трехгодичных Парламентах, что намереваются нанести визит Его Величеству, чтобы узнать, когда ему будет угодно дать свое соизволение на выражение ими своих наипокорнейших благодарений»¹.

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 87.

3. «Акт для продления этого настоящего Парламента» от 10 мая 1641 года

10 мая 1641 года после принятия парламентом и одобрения королем в юридическую силу вступил *«Акт для предотвращения неудобств, которые могут возникнуть вследствие несвоевременного перерыва в сессии, приостановки деятельности или роспуска этого настоящего Парламента»*.

Журнал заседаний Палаты общин содержит запись, из которой видно, что 6 мая 1641 года указанный Акт был принят во втором чтении под названием «Акт для продления этого настоящего Парламента (An Act for the Continuance of this Present Parliament)»¹. 7 мая его проект обсуждался на конференции обеих палат парламента. Ряд парламентариев предлагали ограничить действие обсуждаемого Акта двумя годами. Однако это предложение не было принято большинством.

В окончательном варианте этого документа говорилось: «Пусть будет объявлено и установлено Королем, нашим Суверенным Правителем, с согласия Лордов и Общин этого собравшегося настоящего Парламента, и властью вышеупомянутых, что этот настоящий Парламент, ныне собравшийся, не будет распущен иначе как посредством Акта Парламента, принятого для этой цели; и не будет приостановлена его деятельность или прервана его сессия в какое-либо время или времена его работы иначе как посредством Акта Парламента, также принятого для этой цели; и что не будет прервана сессия Палаты Пэров в какое-либо время работы настоящего Парламента иначе, как самими пэрами или посредством их собственного постановления; и что подобным же образом не будет приостановлена сессия Палаты Общин в любое время или времена работы этого настоящего Парламента иначе как самими общинами или посредством их собственного постановления; и что все и всякая мера или какие-либо меры, которые предприняты или будут предприняты в противоречие этому Акту для того, чтобы прервать сессию этого настоящего Парламента, приостановить его деятельность или распустить его, будут полностью недействительными и не имеющими никакого последствия»².

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 137.

² An Act to prevent inconveniences which may happen by the untimely adjourning, proroguing, or dissolving this present Parliament // The Constitutional Documents of

В преамбуле указанного акта объяснялись мотивы его принятия. Здесь говорилось, в частности, что для выплат королевской армии и населению северных территорий Английского королевства, а также для удовлетворения других настоятельных нужд Его Величества необходимы огромные суммы денег, которые не могут быть получены вовремя без кредита. Кредит же «не может быть предоставлен до тех пор, пока не будут в первую очередь устранены препятствия, вызванные страхами, подозрительностью и опасениями различных верноподданных Его Величества относительно того, что сессия настоящего Парламента может быть прервана, его работа приостановлена или сам он распущен до того, как будет надлежащим образом осуществлено правосудие над преступниками, удовлетворены общественные жалобы, заключен мир между двумя нациями Англии и Шотландии, и до того, как будут созданы достаточные условия для возврата указанных денег, взятых в долг»¹.

Давид Юм писал об истинной подоплеке Акта от 10 мая 1641 года, основываясь на свидетельствах Эдуарда Гайда, графа Кларендона²: «Общины, скорее из хитрости, нежели по необходимости, платили жалованье обеим армиям, занимая деньги в Сити; возвращали же они эти займы через собираемые с народа налоги. Граждане Сити, то ли по собственной инициативе, то ли по чьим-то наущениям, стали вдруг тянуть с очередным займом. “Мы бы доверились парламенту без всяких колебаний, — говорили они, — если бы твердо знали, что он будет заседать до тех пор, пока не

the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 159. В сборнике документов по истории английской революции XVII в., составленном В. М. Лавровским, приводится текст данного Акта в переводе на русский язык (см.: *Лавровский В.М.* Указ. соч. С. 129–130). Однако этот текст не может быть использован при анализе содержания Акта, поскольку в нем пропущен ряд весьма значимых для понимания смысла закона фраз и слов.

¹ Ibid. P. 158–159.

² Эдуард Гайд (Edward Hyde), граф Кларендон (Clarendon), английский государственный деятель (1609–1674), являлся членом «долгого парламента». В исторической науке он известен как автор обширного сочинения, посвященного Английской революции и написанного на основе личных воспоминаний о ее событиях, — «История мятежа и гражданских войн в Англии (The History of the Rebellion and Civil Wars in England)». Первое издание этого сочинения вышло в свет в 1702 г. Именно им пользовался Давид Юм при написании своего труда по истории Англии XVII в.

вернет нам долг. Но какие же гарантии можем мы иметь при нынешнем неопределенном положении вещей?» И вот под предлогом устранения этого препятствия в нижнюю палату был неожиданно внесен и с необыкновенной быстротой единодушно принят билль о том, что настоящий парламент не может быть распущен или отсрочен без собственного его согласия. Столь же спешно его провели через палату лордов и тотчас же представили на утверждение королю. Карл, мучимый скорбью, стыдом и угрызениями совести из-за приговора Страффорду, не понял, что новый билль будет иметь еще более роковые последствия для его власти и увековечит мощь его врагов, уже ставшую неодолимой»¹.

По мнению английского историка Дж. Таннера, «вполне можно поверить, что Пим и его сторонники не имели целью добиться таким образом усиления своего юридического положения в противовес Королю, и существовали другие аргументы в пользу билля, кроме тех, на которые упирали в дискуссии. Однако они не обнаружили, и Гайд² и Фолькленд голосовали за него так же охотно, как Гэмпден и Пим»³.

Содержание Акта от 10 мая 1641 года станет впоследствии предметом дискуссий в среде английских правоведов⁴. Однако для современников революционных событий в Англии смысл главных его положений был очевиден.

Во-первых, следует отметить, что данный законодательный акт касался только парламента, созванного 3 ноября 1640 года. В его названии и тексте речь шла именно о «настоящем Парламенте», а не о парламенте вообще⁵.

¹ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 270.

² Имеется в виду Э. Гайд, будущий граф Кларендон.

³ *Tanner J. R. English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. P. 97.*

⁴ См., например, брошюру, название которой говорит само за себя: *The Long Parliament Revived: or, An Act for Continuation and not Dissolving the Long Parliament, call'd by King Charles the First, in the year 1640. With Undeniable Reasons deduced from the said Act to prove that Parliament is not yet Dissolved. Also Mr. William Pryn his five Arguments fully answered: Whereby he endeavours to prove it to be Dissolved by the King's Death, etc. By Tho. Philips, Gentleman, sincere Lover of his King and Country. London, 1661.*

⁵ На указанное обстоятельство обращалось особое внимание в «Великой Ремонстрации», принятой Палатой общин 1 декабря 1641 г. В ст. 158 этого документа, выражавшего настроения радикальной части нижней палаты английского парламента, говорилось, что Акт от 10 мая 1641 г. содержит «некоторое ограниче-

Во-вторых, установив, что настоящий парламент может быть распущен или его работа приостановлена или сессия его прервана только посредством специального акта самого этого парламента, Акт, принятый 10 мая 1641 года, сделал тем самым незаконными все другие способы прекращения или приостановки его деятельности.

Отсюда вытекали в свою очередь два важнейших для дальнейшей судьбы традиционной английской государственности последствия.

Во-первых, король лишался возможности применить в борьбе с парламентской оппозицией такое эффективное средство, которое неоднократно и успешно применял в прошлом, как роспуск парламента. Отсутствие в распоряжении короля законных инструментов борьбы с мятежными парламентариями неизбежно толкало его на применение методов незаконных, вплоть до попыток подавления оппозиции с помощью армии.

Во-вторых, парламента, созванный 3 ноября 1641 года, получал возможность действовать более решительно, однако при этом он не мог обойтись без короля в своей законодательной деятельности. Акты, принятые парламентом, могли вступить в юридическую силу по-прежнему только после одобрения их королем. Иначе говоря, лишенный правомочия роспуска парламента и даже законных способов простой приостановки его работы король не лишался легального инструмента влияния на его законодательную деятельность. Его Величество был в состоянии полностью парализовать ее — для этого ему достаточно было не давать своего согласия на принимаемые парламентом законы. Таким образом, Акт от 10 мая 1641 года способствовал созданию ситуации, при которой конфликт между королем и парламентской оппозицией мог разрешиться мирным, законным путем только при условии добровольного отказа какой-либо из сторон от борьбы и полной капитуляции. Если же противоборствующие стороны не желали добровольно уступать своих позиций, то в конфликте между собой

ние королевских полномочий в отношении роспуска Парламентов, они не отнимаются у Короны, но использование их приостанавливается только *на данное время и случай* (курсив мой. — В.Т.)» (The Petition of the House of Commons, which accompanied the Remonstrance of the state of the Kingdom, when it was presented to His Majesty at Hampton Court, December 1, 1641 // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 225).

обе они — и королевская, и парламентская политические группировки — не могли, добиваясь своих целей, избежать нарушения действующих правовых норм. В этих обстоятельствах конфликт между королем и парламентской оппозицией легко перерастал в вооруженное столкновение — в гражданскую войну.

Как известно, именно этот последний вариант развития событий и осуществился в Англии летом 1642 года. Законодательный акт, принятый английским парламентом и одобренный королем 10 мая 1641 года, сыграл немаловажную роль в его реализации. Однако парламентарии, голосовавшие за этот поистине роковой закон, вряд ли предчувствовали тогда подобный кровавый результат своих действий. Для них он был всего лишь ступенью на пути дальнейшего преобразования английского государственного строя. Приняв акт, увековечивавший действующий парламент, они продолжали увлеченно работать над другими законами.

4. Акт о потонном и пофунтовом сборе от 22 июня 1641 года

22 июня 1641 года вступил в действие «Акт о субсидии, предоставленной Королю, о потонном и пофунтовом сборах и о других денежных суммах, уплачиваемых при экспорте и импорте товаров», или в сокращенном наименовании «Акт о потонном и пофунтовом сборах». Он состоял из семи статей.

В *первой* статье подтверждалось древнее право подданных Английского королевства, выразившееся в том, что никакая субсидия, подать или какой-либо другой сбор не должны и не могут быть установлены либо наложены на какой-либо товар, экспортируемый или импортируемый подданными, натурализовавшимися иностранцами (*denizens*) или иностранцами (*aliens*), без общего согласия Парламента»¹. При этом говорилось, что общины, принимая во внимание значение денежных сумм, собираемых в качестве указанных налогов, для охраны морей и удовлетворения других государственных нужд предоставляют королю, по совету и с со-

¹ A subsidy granted to the King, of tonnage, poundage, and other sums of money payable upon merchandise exported and imported // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 160.

гласия лордов, субсидии, называемые потонным¹ и пофунтовым² сборами.

Во *второй* статье объявлялось о предоставлении королю субсидии в виде сборов с шерсти, ввозимой и вывозимой иностранцами. Здесь же устанавливался срок, на который королю предоставлялось право собирать все вышеупомянутые налоги, — с 25 мая до 15 июля 1641 года, то есть менее чем на два месяца.

Согласно *третьей* статье, все вышеупомянутые субсидии, предоставляемые королю, должны были расходоваться им исключительно на цели, определенные Актом парламента, принятым в первый год правления короля Якова I и озаглавленным «Акт о предоставлении субсидии Королю из сборов потонного, пофунтового, шерстяного и т.д.».

В *четвертой* статье объявлялось, что размеры денежных сумм, установленные для сборов с товаров, не подразумеваются постоянными, но могут быть изменены в последующем в такой манере, каковая будет считаться подходящей настоящим парламентом.

Пятая статья запрещала применять наказание или конфискацию до того момента, пока какое-либо лицо или лица не откажутся платить сбор с экспортируемых или импортируемых ими товаров.

В *шестой* статье устанавливалась норма, согласно которой любое должностное лицо, продолжающее и после истечения срока, определенного парламентом для получения субсидии королем, собирать с лиц, экспортирующих или импортирующих товары, вышеуказанные денежные суммы, подлежало «карам, наказаниям и конфискациям, предписанным и предусмотренным в Statute of Provision and Preamunire, изданном в шестнадцатый год правления Короля Ричарда II»³, и, кроме того, лишалось с момента совершения данного преступления на всю свою жизнь права выступать в качестве истца или ответчика в отношении какого-либо лица по искам реальным, смешанным или персональным в любом из английских судов.

¹ Потонный сбор был определен рассматриваемым Актом в размере 3 шиллингов с тана (большой бочки) вина.

² Пофунтовый сбор был определен Актом в размере 12 пенсов с каждых 20 шиллингов стоимости ввозимых и вывозимых товаров.

³ A subsidy granted to the King, of tonnage, poundage, and other sums of money payable upon merchandise exported and imported // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 162.

Седьмая и последняя статья объявляла, что данный Акт не будет распространяться на какие-либо сборы с табака любых сортов, выращенного на английских плантациях, но что этот табак будет облагаться лишь платой в 2 пенса с фунта и не более того.

Таким образом, английский парламент окончательно брал под свой контроль важный источник доходов королевской казны, каковым являлись потонный и пофунтовый сборы. Если прежде, по сложившейся практике, субсидия в форме указанных сборов предоставлялась каждому королю в начале его правления и на весь период последнего, то теперь она предоставлялась на определенный срок по усмотрению парламента.

5. Акт об упразднении Звездной Палаты от 5 июля 1641 года

Серьезные изменения в систему государственной власти вносил «Акт об [упорядочении] Тайного Совета и об упразднении Суда, обыкновенно называемого Звездной Палатой»¹. Он был принят Палатой общин в третьем, окончательном чтении еще 8 июня 1641 года². На следующий день Дж. Гемпден передал его в Палату лордов. Лорды одобрили данный акт, но внесли ряд поправок и оговорок в его текст. 3 июля эти поправки и оговорки были рассмотрены и утверждены Палатой общин³. 5 июля король Карл I дал свое согласие на введение указанного акта в действие.

Специальное судебное отделение Тайного совета, получившее название Звездной палаты, было официально учреждено статутом, принятым в третий год правления Генриха VII (в 1488 г.)⁴. Главное назначение данного суда заключалось в восстановлении

¹ An Act for [the Regulating] the Privie Councill and for taking away the Court commonly called the Star Chamber // The Statutes: Revised edition. London, 1870. Vol. 1. P. 716–720.

² В журнале заседания Палаты общин, состоявшегося 8 июня 1641 г., записано, что в этот день обсуждался и был принят в третьем чтении «An Act for the Regulating the Council-table and taking away the Court commonly called the Star Chamber» (The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 171).

³ См.: Ibid. P. 197.

⁴ Об этом говорится в тексте самого рассматриваемого акта. Однако фактически судебное отделение Тайного совета, получившее наименование Звездной палаты, возникло намного раньше. Это констатировал в одном из своих решений Суд королевской скамьи.

на территории Англии, еще не оправившейся от жестокой многолетней междоусобной войны, правового порядка. Английский государственный деятель и политический мыслитель XVI века Томас Смит отмечал в своем трактате «Об английском государстве», что цель Звездной Палаты состоит в том, чтобы «обуздать таких гордых знатных людей или джентльменов, каковые готовы совершать преступления путем насилия над простыми людьми и в отношении которых невозможно добиться удовлетворения иска или защитить от них свое право законным порядком»¹.

Звездная палата являлась жизненно важным органом в механизме государственной власти, сложившемся в Англии во время правления династии Тюдоров. Именно этот государственный орган обеспечивал исполнение прокламаций, издаваемых королем. Ликвидация его, безусловно, создавала определенный вакуум в системе государственной власти Английского королевства. Глава государства должен иметь в своем распоряжении некие запасные органы и процедуры, которые можно использовать в чрезвычайных ситуациях, создающих серьезную угрозу обществу, когда основные государственные органы и процедуры оказываются неэффективными или вообще бездействуют. Однако вместе с тем деятельность Звездной палаты не только способствовала сохранению правопорядка, но и одновременно нарушала его. Граф Кларендон писал в своих мемуарах о непомерно расширившейся юрисдикции Звездной палаты, при которой «ни один человек не мог больше надеяться оставаться свободным от преследования этого суда». «И поэтому, — делал вывод этот государственный деятель-роялист, — существовало единое намерение ограничить и урегулировать процедуры данного суда»².

В Акте от 5 июля 1641 года, упразднявшем Звездную палату, отмечалось, что «основания и мотивы, вызвавшие возникновение и продолжение деятельности этого суда, в настоящее время исчезли, и приговоры и постановления этого суда оказались на практи-

¹ De Republica Anglorum. The manner of Government or policie of the Realme of England, compiled by the Honorable Sir Thomas Smith Knight, Doctor of both the lawes, and one of the principal Secretaries unto the two most worthy Princes, King Edward the six, and Queen Elizabeth. Seen and allowed. At London, printed by Henry Midleton for Gregory Seton, Anno Domini 1583. P. 117–118.

² Clarendon E. The History of the Rebellion and Civil Wars in England. In seven volumes. Oxford, 1849. Vol. 1. P. 399.

ке невыносимым бременем для поданных и средствами для введения произвольной власти и управления», что он «присвоил себе полномочие вмешиваться в гражданские дела и предметы спора между сторонами, затрагивающие исключительно частный интерес, и осмелился ограничивать имущественные права и свободы поданных в противоречии с правом страны и правами и привилегиями поданных, от чего возникли и случились огромные и разнообразные беды и неудобства»¹. В целях предотвращения подобной практики Актом от 5 июля 1641 года устанавливалось, что «указанный суд, обыкновенно называемый Звездной Палатой, и все судебные полномочия и власть, принадлежащие этому суду или осуществляемые в этом же суде или какими-либо официальными судьями или министрами его, будут с первого дня августа одна тысяча шестьсот сорок первого года нашего Господа Бога целиком и полностью аннулированы, упразднены и прекращены»².

Рассматриваемый акт отменял чрезвычайные судебные полномочия, присущие не только Звездной палате, но и другим государственным органам, а именно: Суду президента и совета Уэльса, Суду президента и совета северных районов, «суду, обыкновенно называемому the Court of the Dutchy of Lancaster» и Суду казначейства³.

Актом для упразднения Звездной палаты было объявлено и установлено, что «ни король, ни его Тайный совет не имеют и не должны иметь каких-либо судебных полномочий и власти... рассматривать или брать на себя решение вопросов о распоряжении землями, держаниями, унаследованным имуществом, товарами или движимыми вещами (to examine or drawe into question determine or dispose of the lands tenements hereditaments goods or chattels)⁴ кого-либо из поданных этого королевства, но что эти вопросы должны рассматриваться и решаться в обыкновенных судах правосудия и посредством обыкновенной законной процедуры»⁵.

¹ Statutes: Revised edition. Vol. 1. P. 717.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 718.

⁴ Так в оригинальном тексте, опубликованном в издании: The Statutes: Revised edition. Vol. 1. P. 718.

⁵ Ibidem.

6. Акт о ликвидации Высокой комиссии при Тайном совете от 5 июля 1641 года

В один день с «Актом об [упорядочении] Тайного Совета и об упразднении Суда, обыкновенно называемого Звездной Палатой», то есть также 5 июля 1641 года, был принят *«Акт об отмене части Статута Елизаветы Первой¹, касающейся Комиссий по церковным делам»²*.

Этим Актом упразднялась Высокая комиссия при Тайном совете — судебный орган по церковным делам, созданный Генрихом VIII в 1538 году, затем ликвидированный королевой Марией и восстановленный Елизаветой I в первый же год ее правления, в 1558 году. Палата общин еще в 1610 году в своей петиции, поданной королю Якову I, признавала статут королевы Елизаветы о создании Высокой комиссии утратившим свою целесообразность и подвергающимся опасным расширениям, в связи с чем просила согласия и разрешения Его Величества на исправление этого законодательного акта и «приведение его и прав названной Комиссии к разумным и целесообразным границам». Парламентарии упразднили Высокую комиссию Актом от 5 июля 1641 года на том основании, что в деятельности ее имели место эксцессы произвола, грубого нарушения существующего правопорядка.

7. Акт об отмене корабельных сборов от 7 августа 1641 года

Немаловажное значение в реформе государственного строя Англии имел принятый 7 августа 1641 года *«Акт, объявляющий незаконными и недействительными недавние судебные постановле-*

¹ Имеется в виду принятый в 1558 г. «An Act restoring to the Crown the ancient jurisdiction over the state ecclesiasticall and spirituall and abolishing all foreign power repugnant to the same» («Акт, восстанавливающий за Коронай древнюю юрисдикцию по церковному и духовному званию и отменяющий всю иностранную власть, не совместимую с этим»). В литературе этот акт обычно именуется Актом о верховенстве (Act of Supremacy).

² An Act for repeal of a branch of a Statute primo Elizabethhe concerning Commissioners for causes Ecclesiasticall // The Statutes: Revised edition. Vol. 1. P. 720–721.

ния, касающиеся корабельных денег, и аннулирующий все записи и протоколы, относящиеся к ним».

Он состоял всего из двух статей. В *первой* из них приводились причины, по которым «корабельные деньги» и все судебные решения, касающиеся их, объявлялись незаконными. В заключение данной статьи провозглашалось, что налог, которым были обложены английские подданные с целью получения средств на снаряжение кораблей, «обыкновенно называемый Корабельными деньгами (Ship-money)», и мнения судей, оправдывавших его сбор и осуждавших тех, кто отказывался платить его, и приказы, на основании которых он собирался, «противоречили и противоречат и противостоят законам и статутам этого королевства, праву собственности, свободе подданных, прежним резолюциям Парламента, и Петиции о Праве, изданной в третьем году правления Его Величества, который правит и в настоящее время»¹.

Упоминание Петиции о праве 1628 года в Акте об отмене корабельных сборов было не случайным. Во *второй* статье этого акта объявлялось и устанавливалось, что «все и каждая из подробностей, о которых просят и которых желают в указанной Петиции о Праве, будет с этого времени соответственно введена в действие и твердо и строго поддерживаться и соблюдаться, о чем просилось и что выражалось в указанной Петиции»².

8. Акт о королевских лесах от 7 августа 1641 года

Еще один акт, принятый 7 августа 1641 года, касался территории королевских лесов. Он был назван «*Актом для придания определенности лесам и о границах, размерах, пределах и ограничениях лесов*»³.

За время правления Карла I территория королевских лесов существенно расширилась. 5/15 марта 1640/1641 года король поручил графу Холланду объявить Палате лордов, что «Его Величе-

¹ An Act for the declaring unlawful and void the late proceedings touching Ship-money, and for the vacating of all records and process concerning the same // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 191.

² Ibidem.

³ An Act for the certainty of forests and of the meers, meets, limits and bounds of the forests // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 192–195.

ство, понимая, что лесные законы тягостны для подданных этого королевства, желает из милости и доброты по отношению к своему народу установить повсюду новые границы своих лесов в этом королевстве так, чтобы они были уменьшены до тех последних справедливых размеров, которые были установлены прежде»¹. В шести статьях Акта от 7 августа 1641 года объявлялось и устанавливалось, что эти границы не должны выходить в различных графствах за пределы, которые территория королевских лесов имела в двадцатый год правления короля Якова I².

9. Акт об отмене сборов за рыцарское звание от 10 августа 1641 года

10 августа 1641 года был принят *«Акт для предотвращения обременительных процедур, касающихся Рыцарского Сословия»*³. Он провозгласил, что в дальнейшем никакое лицо не будет принуждаться к вступлению в рыцарское сословие и принятию на себя звания рыцаря, и оно не будет подвергнуто какому-либо штрафу за отказ от этого⁴.

Законодательные акты, принятые 7 и 10 августа 1641 года, были направлены на лишение короля возможностей получать доходы без согласия парламента. Не случайно эти три акта рассматривались в парламентских палатах одновременно⁵.

Подобный смысл таил в себе помимо прочего и Акт об упразднении Звездной палаты от 5 июля 1641 года. Это политическое учреждение использовалось королевской властью для наказания лиц, отказывавшихся платить налоги, которые собирались без согласия парламента.

Опыт беспарламентского правления в период с 1629 по 1640 год показал, что король был в состоянии властвовать без

¹ Цит. по: Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 725.

² Ibid. P. 193.

³ An Act for the prevention of vexatious proceedings touching the Order of Knighthood // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 196–197.

⁴ Ibidem. P. 197.

⁵ Как показывает журнал заседаний Палаты общин, проекты трех названных законов были рассмотрены и приняты этой Палатой в первом и втором чтении в один день — 12 июня 1641 г. См.: The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 173.

парламента не только потому, что имел в своем распоряжении политические институты, подобные Звездной палате, но и вследствие того, что вполне мог опереться на суды общего права. Судьи вынуждены были выполнять указания короля, поскольку их служебная карьера находилась в полной зависимости от воли Его Величества.

Парламентарии учли это обстоятельство и обратились к королю с просьбой жаловать всем судьям патенты не на «срок, удобный королю», но на то время, «пока они будут вести себя хорошо». Карл I согласился с этим. Предоставление судьям права занимать свои должности до тех пор «пока они будут вести себя хорошо (*quam diù se benè gesserint*)» Его Величество ставил в один ряд с такими своими благодеяниями для парламента, как ограничение территории королевских лесов, отмена корабельных сборов, предоставление гарантий в том, что парламент будет собираться не реже одного раза в трехлетие¹.

10. Итоги законодательной деятельности «долгого парламента» в период с февраля по август 1641 года

Законодательные акты, принятые в феврале — августе 1641 года, внесли серьезные изменения в юридическую конструкцию государственного строя Англии. В исторической литературе политическая реформа, осуществленная «долгим парламентом», оценивается, как правило, положительно. Так, по мнению Давида Юма, заслуги «долгого парламента» в начальный период его деятельности «настолько превосходят его ошибки, что дают ему полное право на похвалу со стороны всех друзей свободы. Он не только покончил со старыми злоупотреблениями и удовлетворил прежние жалобы, но и принял законодательные меры для того, чтобы поводы для подобного недовольства не возникали в будущем. Если же средства, благодаря коим эти успехи были достигнуты, часто пахивают хитростью, а иногда — насилем, то сле-

¹ Карл I говорил об этом 5 июля 1641 г. в своей парламентской речи по поводу принятия билля об упразднении Звездной палаты (*Cobbett's Parliamentary History*. Vol. 2. Col. 855–856; *May Th. The History of the Parliament of England, which began November the third, MDCXL (1640)*. London, 1647. Book 1. P. 107).

дует учесть, что революцию в образе правления невозможно произвести одними лишь речами и разумными доводами и что после того как дух раздора уже возник, люди бывают бессильны совладать как с собственными, так и с чужими страстями настолько, чтобы гарантировать себя от любых крайностей и безрассудств»¹.

Безусловно, целый ряд преобразовательных мер, выраженных в законодательных актах «долгого парламента», имел положительное значение для английского общества. Упраздненная в июле 1641 года Звездная палата не будет восстановлена даже в период Реставрации, во времена правления сына Карла I. Укоренятся и многие другие нововведения в юридическую конструкцию английского государственного строя, появившиеся благодаря законодательству февраля — августа 1641 года. Однако в целом это законодательство имело пагубные последствия для Англии: оно способствовало созданию ситуации, при которой конфликт между королем и парламентской оппозицией легко перерастал в гражданскую войну.

Законодательные акты, принятые в Англии в феврале — августе 1641 года, юридически оформили произошедшее на практике усиление парламента в английской политической системе. Парламент, который прежде действовал лишь эпизодически, собирался и распускался исключительно по воле короля и мог, по прихоти Его Величества, не собираться на протяжении многих лет, стал постоянно действующим органом государственной власти. Он получил правомочие собираться и приступать к работе даже вопреки воле короля и без специальных королевских приказов. Королевская власть лишилась имевшихся прежде в ее распоряжении возможностей пополнять государственную казну в обход парламента посредством таких значительных источников дохода, как корабельные деньги, потонный и пофунтовый сборы². В политической обстановке, сложившейся в Англии к осени 1641 года, эти перемены создавали условия для установления в стране режима двоевластия. Уступки, сделанные Карлом I в пользу парламента, хотя и

¹ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 274.

² По словам английского историка К. Расселла, «в течение 1641 г. Палата Общин лишила Карла контроля над 60% его обычных доходов» (*Russell C. The Causes of the English Civil War. Oxford, 1990. P. 17*).

были весьма значительными¹, не привели к умиротворению парламентской оппозиции. Выражая королю благодарность за эти уступки, оппозиция вполне сознавала, что в новых условиях, при другой расстановке сил они легко могли быть отменены Его Величеством под каким-нибудь удобным предлогом (например, на основании того, что были сделаны королем под давлением парламентариев, отказывавшихся предоставить ему необходимые для содержания армии и королевского двора субсидии в случае неодобрения им предложенных парламентом биллей). Поэтому, чтобы упрочить свои завоевания, парламентская оппозиция неизбежно должна была добиваться таких ограничений власти короля, при которых он не смог бы вернуть политическую систему страны к состоянию 1629–1640 годов.

11. Законодательная деятельность «долгого парламента» в осенние месяцы 1641 года

9 сентября 1641 года парламент принял «Ордонанс, касающийся набора и перевозки войск, конных или пеших, из королевских владений Англии и Ирландии»². В нем говорилось, что английские подданные «не должны иметь дело или заключать договор с каким-либо иностранным монархом или государством, так же

¹ Томас Гоббс в произведении «Бегемот, или Долгий Парламент» следующим образом оценивал степень уступок короля парламенту: «Какой великий прогресс сделал Парламент в осуществлении своих целей или, по крайней мере, целей наиболее мятежных членов обеих палат, за такое малое время! Они начали заседать в ноябре, а сейчас был май; за этот промежуток времени, составляющий полгода... они лишили его вернейших слуг; обезглавили графа Страффорда; заточили в тюрьму Архиепископа Кентерберийского; добились того, чтобы трехгодичный Парламент распускался только со своего собственного согласия и продолжал заседать так долго, как сочтет необходимым, что означало полное умаление прав Короля в случае, если бы такой дар имел юридическую силу... Кроме того, они добились от Короля упразднения судов Звездной палаты и Высокой Комиссии... Я не могу вообразить, чего еще они могли желать от Короля помимо того, что он даровал им» (*Hobbes Th. Behemoth, or the Long Parliament* / Ed. for the first time from the original MS by F. Tönnies. London, 1889. P. 74–75).

² An Ordinance, made and agreed upon by the Lords and Commons in Parliament, the 9th of September 1641, concerning the Raising and Transporting of Forces, of Horse or Foot, out of His Majesty's Dominions of England and Ireland // *The Journals of the House of Commons*. Vol. 2. P. 285.

как и с послами, агентами или другими должностными лицами какого-либо такого монарха или государства, относительно набора или перевозки каких-либо войск, будь то конных или пеших, нанятых на службу какому-либо такому монарху или государству»¹. Владельцам кораблей в Англии и Ирландии запрещалось заключать договор на перевозку каких-либо войск, конных или пеших, для службы какому-либо иностранному монарху или государству. «Никакие войска, — предписывал далее рассматриваемый акт, — не должны набираться, перевозиться или наниматься каким бы то ни было лицом, находящимся на службе какому-либо иностранному монарху или государству, без специального патента Его Величества и без согласия и совета Лордов и Общин в Парламенте»². В заключение акта объявлялось, что те, кто «проявит пренебрежение этим Ордонансом или неповиновение ему, будут рассматриваться в качестве лиц в высшей степени пренебрегающих авторитетом парламента (*shall be taken to be a high Contemner of the Authority of both Houses of Parliament*) и будут подлежать такому дальнейшему осуждению, которое соответствует чести и правосудию в этом случае»³.

Данный законодательный акт был принят парламентом для совершенно конкретной цели. После казни графа Страффорда созданная им в Ирландии армия оказалась не у дел. И Карл I, чтобы не распускать солдат по домам, предложил королю Испании взять их на службу во Фландрию⁴. Для перевозки солдат из Ирландии к новому месту службы были наняты соответствующие корабли. Английские парламентарии, узнав об этой операции, встревожились. Они догадались, что король Карл I получит в свое распоряжение в результате такой сделки обученную и дисциплинированную армию. Поэтому и приняли решение — воспрепятствовать перевозке солдат из Ирландии. Именно этой цели и служил Ордонанс от 9 сентября 1641 года. Вместе с тем он имел и более широкое значение: данный юридический акт был призван, как явствует из его содержания, закрепить авторитет парламента в его конфликте с королем.

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 285.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Эта часть Нидерландов принадлежала в то время Испании.

В тот день, когда в парламенте был принят указанный акт, здесь произошло еще одно знаковое событие: депутаты проголосовали за перерыв в парламентской сессии (adjournment) до 20 октября 1641 года, решив перед этим, что каждая из палат назначит специальный комитет, который будет функционировать во время этого перерыва¹.

В состав комитета, созданного верхней палатой, вошло семь лордов. Нижняя палата сформировала комитет в составе 47 депутатов². Обоим комитетам были даны инструкции, определявшие основные направления их деятельности во время перерыва в сессии парламента.

Комитет Палаты общин должен был, в частности, «заботиться о том, чтобы пунктуально соблюдались постановления этой палаты, касающиеся роспуска армии, подготовки артиллерии и гарнизонов, а также выделения и отправки денег для этих целей»³, чтобы пополнялась королевская казна. На случай возникновения мятежей или волнений в графствах комитет имел полномочие обращаться ко всем шерифам, мировым судьям и другим должностным лицам с требованием выполнения ими своих обязанностей по подавлению таких мятежей или волнений. Кроме того, указанный комитет должен был вести переписку с парламентскими комитетами в Шотландии, заниматься подготовкой процедуры преследования правонарушителей, против которых Палатой общин выдвинуты обвинения; осуществлять надзор за деятельностью Западно-Индийской компании, за рыболовством на побережье Англии, Шотландии и Ирландии⁴.

¹ В сборнике парламентских речей и документов, собранных Уильямом Коббетом, принятие «Ордонанса, касающегося набора и перевозки войск, конных или пеших, из королевских владений Англии и Ирландии», а также решения о перерыве в сессии парламента датируется 8 сентября (*Cobbett W. The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 910*). Однако в Журнале заседаний Палаты общин эти события описываются под датой 9 сентября 1641 г.

² *Cobbett W. The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 911*. В мемуарах Б. Уайтлока говорится о «комитете пятидесяти Палаты Общин», назначенном заседать во время парламентских каникул и облеченном широкими полномочиями (*Memorials of the English Affairs from the beginning of the Reign of Charles the First to the Happy Restoration of King Charles the Second by Bulstrode Whitelock A new edition, in four volumes. Oxford, 1853. Vol. 1. P. 137*).

³ *Cobbett W. The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 911*.

⁴ *Ibidem*.

Таким образом, перерыв в парламентской сессии не влек за собой полного приостановления деятельности парламента. Осуществление ряда его функций (главным образом надзорного характера) перемещалось на все время этого перерыва в рамки двух комитетов, действовавших постоянно и в сотрудничестве друг с другом¹.

Возобновление 20 октября 1641 года заседаний парламента означало продолжение прежней парламентской сессии. Неизменным остался и курс парламента на дальнейшее ограничение королевской власти. Мятежные депутаты стремились достичь этой цели не только путем урезания полномочий короля в области финансов и правосудия, но и посредством ослабления политического влияния социальных групп, служивших прочной опорой королевскому трону. Осенью 1641 года вопрос об удалении представителей указанных групп из парламента и Тайного совета стал занимать одно из центральных мест в повестке дня заседаний Палаты общин.

Среди сословий английского общества, составлявших социальный фундамент королевской власти, особое значение имело англиканское духовенство. 23 октября Палата общин приняла в третьем чтении проект законодательного акта «О лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть»². В нем устанавливался запрет архиепископам, епископам и всем другим лицам из духовных сословий пользоваться с 10 ноября 1641 года избирательным правом или правом голоса, а также осуществлять какую-либо власть в парламенте, или в Тайном совете Английского королевства, или в мировом суде, или светскую власть посредством какой-либо комиссии. Все действия перечисленных лиц, совершенные после названной даты в противоречии с целью и истинным смыслом данного акта, объявлялись лишенными юридической силы.

¹ По инструкции, данной комитету Палаты общин, он должен был в течение всего времени перерыва в сессии парламента собираться дважды в неделю на свои заседания (каждую среду и субботу) или в любое другое подходящее время. Его члены получили полномочие встречаться в любое подходящее для этого время с комитетом Палаты лордов, назначенным действовать во время перерыва в парламентской сессии (*ibid.*).

² An Act for disabling all Persons in Holy Orders to exercise any Temporal Jurisdiction or Authority // *The Journals of the House of Commons*. Vol. 2. P. 293; *Cobbett W. The Parliamentary History of England*. Vol. 2. Col. 916–917.

Палата лордов не поддержала Палату общин, и акт не был введен в действие с того срока, с которого нижняя палата парламента предполагала его ввести. Но тем не менее определенную тенденцию в дальнейшей эволюции политической системы Англии он обозначил.

Другим объектом атак парламентской оппозиции стали члены Тайного совета. Критические высказывания в адрес королевских советников звучали на заседаниях «долгого парламента» с самого начала его работы. Более того, против ряда высоких сановников из окружения Карла I Палатой общин были выдвинуты обвинения в государственной измене. Лорда-хранителя Большой королевской печати Дж. Финча, архиепископа Кентерберийского У. Лода, государственного секретаря Ф. Уайндбэнка парламентариям удалось благодаря этим обвинениям отстранить от должностей. Самый же влиятельный из королевских сановников и самый опасный для парламентской оппозиции человек — граф Страффорд — лишился не только своих должностей, но и жизни.

24 июня 1641 года на рассмотрение Палаты общин был вынесен проект десяти предложений¹ парламента королю Карлу I, подготовленный специальным комитетом под председательством Дж. Пима. В этом документе намечались меры, осуществление которых должно было привести к дальнейшему усилению роли парламента в механизме государственной власти. Обе палаты намеревались предложить королю удалить от себя всех советников, выступающих против религии, свободы и формы правления королевства, способствующих раздору между ним и народом. Взамен их Его Величеству предлагалось взять в свой Совет «для отправления великих дел Королевства таких должностных лиц и советников, относительно которых Народ и Парламент может иметь обоснованную причину для доверия»². Кроме того, парламентарии предполагали обратиться к королю с просьбой убедить королеву «принять на службу к Ее Величеству на должности, находящиеся ныне в ее распоряжении, некоторых знатных и других, облеченных доверием лиц»³. Очевидно, что в данном случае имелись в виду лица, получившие одобрение парламента. Среди них не должно было быть, по мнению парламентариев, ни иезуитов, ни свя-

¹ Далее этот документ в настоящей статье называется «Десять предложений».

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 185.

³ Ibidem.

щенников какой-либо страны. Парламентарии выражали также желание, чтобы «некоторые лица, облеченные общественным доверием и вполне религиозные, были бы приближены к Принцу и могли бы позаботиться о воспитании его и других [королевских] детей, особенно в вопросах религии и свободы»¹. Наконец, парламент проявлял в рассматриваемом документе намерение взять под свой контроль лордов-наместников (Lord-Lieutenants), заместителей наместников (Deputy Lieutenants), капитанов (Captains) и других должностных лиц, действовавших в графствах. В нем предлагалось, чтобы лица, занимавшие данные должности, приносили специальную присягу на верность парламенту — такую, которая могла бы стать гарантией безопасности для парламентариев в эти опасные времена.

25 июня 1641 года эти предложения королю обсуждались в верхней палате парламента. После недолгих дебатов лорды приняли решение одобрить основную их часть. Те предложения, которые лорды сочли не вполне обоснованными, были переданы ими для дальнейшего рассмотрения в специально образованный для этого комитет.

20 июля 1641 года Палата общин передала на обсуждение в Палату лордов пять дополнительных предложений королю². После непродолжительной дискуссии лорды приняли решение одобрить все вышеуказанные предложения и передать их на рассмотрение королю Карлу I. Его Величество согласился со всеми предложениями парламента³, но никаких мер для проведения их в жизнь не принял.

После перерыва в парламентской сессии вопрос об удалении из королевской администрации лиц, не пользующихся доверием среди парламентариев, стал вновь подниматься на заседаниях обеих палат английского парламента. Поскольку назначение тех или иных лиц на должности в государственном управлении и увольнение их с государственной службы являлось бесспорной и исклю-

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 185.

² В них говорилось о запрете иностранным послам «укрывать или давать прибежище каким-либо папским священникам или иезуитам, являющимся туземными жителями королевских владений, под тем предлогом, что они их слуги, или под иным предлогом»; о запрете папистам иметь в своем владении замки, форты, леса, парки в пределах Англии или Уэльса; о разрешении Палате общин иметь столько пороха из королевских запасов, сколько ей необходимо, и т.д.

³ *Cobbett W. The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 890.*

чительной прерогативой короля, парламентарии могли решить этот вопрос только при содействии Карла I. Действуя в данном случае без согласия короля, парламент неминуемо выходил бы за рамки юридической конструкции государственного строя Англии. Поэтому парламентская оппозиция, желая получить контроль над должностными лицами королевской администрации, вынуждена была добиваться своей цели путем уговоров короля, посредством различного рода обращений к Его Величеству (предложений, петиций и т.п.). Если же Карл I попадал по каким-то причинам в затруднительное положение, вожди парламентской оппозиции не упускали открывавшейся вследствие этого возможности прибегнуть к шантажу — к прямому давлению на короля.

Именно в таком положении король Карл I оказался после того, как 23 октября 1641 года вспыхнул мятеж в Ирландии, быстро вылившийся в кровавую резню ирландскими католиками английских колонистов-протестантов.

Предпосылки для данного мятежа зрели в ходе колонизации англичанами Ирландии, которая проходила особенно интенсивно с конца XVI века. Появление и расширение в этой стране плантаций английских колонистов сопровождалось обнищанием ее коренного населения, ухудшением условий его жизни. Англичане-переселенцы, как правило, пренебрегали ирландскими традициями и обычаями. Все это будило в среде ирландцев враждебные настроения по отношению к английским колонистам.

Графу Страффорду, занимавшему в течение восьми лет должности помощника наместника и наместника Ирландии, удавалось поддерживать здесь относительный порядок. Талантливый и волевой администратор, опиравшийся на дисциплинированную и хорошо обученную армию, он вместе с тем умел, когда это было необходимо, договариваться с наиболее авторитетными представителями ирландской аристократии. Созданная им система управления Ирландией эффективно действовала вплоть до 1641 года. Ее стремительной дезорганизации к лету указанного года во многом способствовало удаление графа Страффорда с должности наместника Ирландии.

Помимо этого, развернутая «долгим парламентом» в течение 1641 года кампания борьбы с папистами, проявлявшееся в различных формах, в том числе и в законодательной деятельности, стремление радикально настроенных парламентариев-протестантов покончить с католицизмом больно задевали религиозные чувства

католиков, составлявших большинство коренного населения Ирландии.

Мятеж ирландцев был, таким образом, в значительной мере спровоцирован политикой «долгого парламента». Но несмотря на это вожди парламентской оппозиции поспешили воспользоваться теми возможностями для шантажа короля Карла I, которые он им предоставлял.

Его Величество находился в это время в Шотландии, куда он прибыл еще в середине августа, и был занят довольно важной для себя проблемой — улаживанием своих взаимоотношений с шотландским парламентом¹. Получив сведения о мятеже в Ирландии, король сразу же осознал всю серьезность данного события. В своем письме парламенту Англии он заявил, что этот мятеж — не безрассудная авантюра, но тщательно подготовленное выступление против короны. Понимая, что парламентская оппозиция не позволит ему организовать армию для подавления мятежа, Карл I высказался за то, чтобы парламент взял на себя руководство вооруженными силами, способными обеспечить восстановление в Ирландии должного порядка.

Информация о восстании в Ирландии поступила в английский парламент 1 ноября. Вожди парламентской оппозиции решили воспользоваться возникшей в результате его новой ситуацией для утверждения принципа, по которому назначение тех или иных лиц на должности в государственном управлении производилось бы с согласия обеих палат парламента. 8 ноября в Палате общин обсуждались инструкции парламентским комиссионерам в Шотландии. Дж. Пим, выступая по поводу этих инструкций, предложил включить в них дополнительное постановление, определяющее условия, при которых комиссионеры могли бы оказать содействие

¹ Желая умиротворить шотландский парламент, Карл I пошел на беспрецедентные уступки ему. Он одобрил законодательный акт о трехгодичном парламенте, согласно которому парламент в Шотландии должен был созываться не реже одного раза в трехлетие и по завершении своей работы определять место и время созыва следующего парламента. Он отказался по просьбе парламента от прерогативы издавать прокламации, исполнение которых обеспечивалось наказанием, положенным за государственную измену. Самая же примечательная уступка короля шотландским парламентариям выразилась в согласии Его Величества назначать на должности в Тайном совете Шотландии и в других органах управления, а также в судах только тех лиц, которые будут рекомендованы парламентом.

королю в организации армии для подавления ирландского мятежа. По мнению лидера Палаты общин, королю можно будет оказать поддержку лишь при условии, если он согласится назначать на государственные должности «только таких советников и министров, которые будут одобрены его Парламентом». Если же король не согласится с данным условием, то парламенту «следует принять такие меры по защите Ирландии, каковые бы могли защитить и его самого»¹.

В «Десяти предложениях» королю, обсуждавшихся в английском парламенте 24 и 25 июня 1641 года, речь шла о том, чтобы Его Величество назначал на высшие государственные должности таких лиц, «относительно которых Народ и Парламент может иметь обоснованную причину для доверия», то есть короля просили всего лишь учитывать мнения народа и парламента при назначении тех или иных лиц в правительство. Требование о том, чтобы король ставил на должности в государственном управлении только лиц, получивших одобрение парламента, в этих предложениях не выдвигалось. Постановление, предложенное Дж. Пимом на рассмотрение Палаты общин 8 ноября 1641 года, представляло собой первую попытку юридически закрепить новый принцип назначения на высшие государственные должности.

При голосовании по данному постановлению в Палате общин его поддержал 151 депутат, против были 110 депутатов. Палата лордов отказалась безоговорочно поддержать это постановление².

10 ноября 1641 года Дж. Пим выступал на конференции обеих палат парламента. Почти вся его речь была посвящена проблеме «злых советников», под которыми он подразумевал членов Тайного совета, высших должностных лиц Английского королевства. Лидер Палаты общин заявил, в частности, «что опасности, которым подвергают государство злые советники (*ill counsels*), являются наиболее пагубными из всех других», поскольку «беда, проистекающая от злых советников, поражают жизненно важные органы и уничтожают общественное правление»³. Дурные советники имелись в этом королевстве и в прежние времена, но современные дурные советники более зловредны и более опасны, чем

¹ Цит. по: *Coward B.* The Stuart Age. A History of England. 1603–1714. London, 1980. P. 170.

² *The Journals of the House of Lords.* Vol. 4. P. 431, 435.

³ *Ibid.* P. 930.

дурные советники прошлых времен. Прежние советники «приносили много несчастий, но не гибель и разрушение: дурные же советники настоящего времени разрушительны для религии и законов в своих попытках изменить и то и другое, поэтому они более пагубны по самой своей природе, чем советники прошлых времен»¹.

Далее Дж. Пим говорил о том, что «дурные советники произошли из духа и склонности к папству». По его словам, «религия папистов является религией, несовместимой с какой-либо другой религией, разрушительной ко всем другим и нетерпимой ко всему, что противоречит ей»².

Из всего вышесказанного им делался следующий вывод: «до тех пор, пока этих злых советников не заменят, будет невозможным, чтобы какое-либо содействие, помощь или совет Парламенту в реформе оказались бы эффективными, так как общественные установления и законы становятся мертвыми, если они не приводятся к исполнению лицами, являющимися государственными министрами»³.

В заключительной части своей речи Дж. Пим выражал мнение о том, что настоящее время является самым подходящим для того, чтобы желать от короля замены «злых советников», потому что государство приведено ими к состоянию расстройтва. Вместе с тем перемена советников даст огромные преимущества королю. «Во всех наших действиях, — завершал свое выступление Пим, — следовало бы молить Бога, чтобы его имя могло быть прославлено; поэтому наши прошения к Его Величеству принесут ему славу, благо и пользу тем, что обескуражат мятежников»⁴.

Тема «злых советников» была развита в документе, принятом Палатой общин 22 ноября 1641 года и получившем название «Великая ремонстрация (Grand Remonstrance)».

12. «Великая Ремонстрация» Палаты общин от 22 ноября 1641 года

Определение «великая» применительно к этому документу скорее отражает его большой объем, нежели идейное богатство его

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 931.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 932.

содержания. Основной текст «Великой Ремонстрации» состоял из 204 статей. Данному тексту предшествовала преамбула, равная примерно одной восьмой его объема. В ней кратко излагалась суть всей Ремонстрации. Депутаты Палаты общин представляли себя здесь в качестве защитников общественного блага королевства и чести короля. В преамбуле говорилось, в частности, что общины, ведя в течение двенадцати месяцев борьбу с великими опасностями, бедствиями и беспорядками, которые нарушили «свободу, мир и процветание этого королевства, покой и надежды всех добрых подданных Его Величества и чрезвычайно ослабили и разрушили фундамент и силу его собственного королевского трона, обнаружили еще чрезвычайную злонамеренность и враждебность в тех партия и группировках, каковые стали причиной этих зол и каковые до сих еще стараются... усилить подозрительность между Королем и Парламентом, чтобы иметь возможность лишить его и его народ плодов его собственных благих намерений и их скромных желаний обеспечить общественный мир, безопасность и счастье этого королевства»¹.

И далее депутаты Палаты общин делали следующее заявление, отражавшее цель их «Великой Ремонстрации»: «Для предотвращения этих ужасных последствий, которые могут вызвать такие злонамеренные попытки, мы сочли благим объявить корни и ростки этих злых замыслов, достигших своей завершенности и зрелости до начала работы Парламента; эффективные средства, которые должны быть применены для искоренения этих опасных зол, и успехи, достигнутые в этом добротой Его Величества и умом Парламента; способы воспрепятствования и противодействия, посредством которых цепь этих успехов была прервана; меры, которые следует предпринять для устранения этих препятствий и для осуществления наших исполненных сознания долга и искренних намерений и попыток восстановления и утверждения древней чести, величия и безопасности этой Короны и нации»².

Корни всех зол, обрушившихся на Английское королевство, парламентарии усматривали в «злонамеренном и пагубном замысле ниспровергнуть основные законы и принципы правления, на

¹ The Grand Remonstrance // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660: 3d ed., rev. / Sel. and ed. S.R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 206.

² Ibidem.

которых твердо установлены религия и правосудие этого королевства». В качестве действующих лиц и покровителей всего этого они называли: 1) иезуитских папистов, 2) епископов и коррумпированную часть духовенства и 3) «таких советников и придворных, которые во имя своих частных выгод обязались содействовать интересам некоторых иностранных монархов или государств во вред Его Величеству и родному Государству»¹.

Основной текст «Великой Ремонстрации» содержал перечень тех злоупотреблений внутри страны и неудач во внешней политике, которые имели место на протяжении всего правления Карла I. Многие из упоминавшихся здесь злоупотреблений были искоренены посредством введения в течение 1641 года целой серии новых законодательных актов, тем не менее парламентарии сочли необходимым еще раз указать на них. Причем заслуга искоренения этих злоупотреблений приписывалась исключительно парламенту.

«Великая Ремонстрация» объявляла благими абсолютно все действия парламента. Даже такой предательский поступок английского парламента, как выделение солидных денежных сумм шотландцам (ст. 112), затеявшим войну против Карла I — своего законного государя, оценивался в этом документе в качестве блага для Англии. Надо ли говорить, что авторы его явно лицемерили.

В статье 139 «Великой Ремонстрации» в качестве заслуги парламента назывались «установление и упорядочение королевских доходов, так что стало возможным устранить злоупотребления должностных лиц и излишество в расходах и более надежно обеспечить необходимыми расходами поддержание достоинства Его Величества, защиту и управление королевством»². Недостаток денежных средств для выплат армии и служащим королевской администрации, для содержания самого королевского двора в течение всего времени работы «долгого парламента» был настолько очевидным фактом, что это утверждение парламентариев нельзя оценить иначе, как еще один пример сознательной лжи.

В статье 197 рассматриваемого документа воспроизводилось требование, содержащееся во второй части третьей статьи «Десяти предложений» парламента королю, одобренных палатами 24 и

¹ The Grand Remonstrance // P. 207.

² Ibid. P. 223.

25 июня 1641 года¹. Однако при этом к данному требованию были сделаны весьма любопытные дополнения, отражавшие эволюцию политических взглядов парламентариев в течение второй половины 1641 года.

В июньских «Десяти предложениях» говорилось о назначении «таких должностных лиц и советников»², в ноябрьской «Великой Ремонстрации» вместо этой фразы появилась другая — «таких советников, послов и других министров»³; вместо слов «для отправления великих дел Королевства (for managing of the great Affairs of the Kingdom)» — слова «в отпращивании его дел в стране и за границей (in managing his business at home and abroad)»⁴; вместо фразы «относительно которых Народ и Парламент может иметь обоснованную причину для доверия» — фраза «относительно которых Парламент может иметь причину для доверия» (т. е. в данном случае в «Великую Ремонстрацию» не попали всего два слова из «Десяти предложений», но зато каких! — «Народ» и «обоснованную»). Иначе говоря, по мысли парламентариев при выражении доверия или недоверия высшим должностным лицам можно было обойтись без народа и без обоснованной причины — для этого достаточно одного парламента и просто какого-либо повода.

После слов «причину для доверия» в ст. 197 «Великой Ремонстрации» появилась фраза, которой вовсе не было в соответствующей статье «Десяти предложений» — «без чего мы не можем предоставить Его Величеству такие субсидии для поддержания его собственного имущества и такую помощь протестантской партии за морем, какие он желает»⁵.

Статьи 198 и 199 анализируемого документа гласили: «Часто может случиться так, что Общины могут иметь обоснованную причину для отстранения некоторых людей от должностей советни-

¹ См.: The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 185.

² Ibidem.

³ The Grand Remonstrance // P. 231.

⁴ Ibidem.

⁵ Полный текст рассматриваемой статьи «Великой Ремонстрации» имеет следующий вид: «Чтобы Его Величество по смиренному прошению обеих Палат назначал таких советников, послов и других министров в отпращивании его дел в стране и за границей, относительно которых Парламент имеет причину для доверия, без чего мы не можем предоставить Его Величеству такие субсидии для поддержания его собственного имущества и такую помощь протестантской партии за морем, какие он желает» (ibidem).

ков и тем не менее окажутся не в состоянии обвинить этих людей в преступлениях, так как существуют основания для подозрительности, которая не опирается на доказательства. Бывает и другое, которое, хотя оно и может быть доказано, однако юридически не является преступным».

По мнению английского историка Дж. Таннера, «авторы Великой Ремонстрации признавали здесь слабость импичмента в качестве конституционного процесса отстранения от должностей злых королевских советников»¹. Действительно, предпринятые Палатой общин в конце 1640 — начале 1641 года попытки применить процедуру импичмента в отношении самых влиятельных сановников Карла I — графа Страффорда и архиепископа Лода — потерпели неудачу: Страффорд был осужден в конце концов, но лишь на основании билля об опале, а Лод хотя и оставался в тюрьме, но дело против него в порядке импичмента не пошло далее простого предъявления обвинения². Палата общин имела, таким образом, вполне веские причины для признания «слабости импичмента». Однако, на мой взгляд, содержание приведенных статей дает основание для более широкого вывода: парламентарии показывали здесь свою готовность добиваться удаления из королевской администрации неугодных им лиц **любыми**, в том числе **внеправовыми**, средствами — действовавшие правовые нормы перестали удовлетворять парламентскую оппозицию. Простое подозрение стало рассматриваться ею в качестве достаточного основания для вынесения приговора.

«Великая Ремонстрация» отразила раскол английского общества на враждующие группировки. По своему содержанию этот документ явился не столько посланием о состоянии Английского государства, поданном Палатой общин королю Карлу I, сколько обвинительным актом одной политической группировки другой.

Такой характер «Великой Ремонстрации» подтверждается и текстом приложенной к ней Петиции. От имени нижней палаты

¹ *Tanner J. R. English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. P. 110.*

² Архиепископ У. Лод в конечном итоге был осужден (в декабре 1644 г.), однако не в порядке процедуры импичмента и даже не на основании билля об опале (bill of attainder), а в обход всех законных парламентских процедур — простым постановлением обеих палат парламента, составленным и принятым по предложению всего лишь семи лордов (см.: *Гизо Ф. История Английской революции. Ростов-на-Дону, 1996. Т. 1. С. 423.*)

английского Парламента в ней говорилось следующее: «Долг, которым мы обязаны Вашему Величеству и нашей стране, не может не сделать нас весьма чувствительными и восприимчивыми к тому, что многочисленность, острота и пагубность тех зол, под гнетом каковых мы сейчас много лет страдаем, созданы и взлелеяны коррумпированной и злонамеренной партией, которая помимо других своих вредных способов перемены религии и правления стремилась посредством многих лживых злословий и обвинений, коварно внушаемых и распространяемых среди народа, запятнать и опозорить наши процедуры в этом Парламенте и превратить себя в партию и группировку среди ваших подданных, чтобы усилить себя в проведении зловредного курса и в воспрепятствовании принятия тех постановлений и мер, которые можно было бы разумом Вашего Величества и по совету вашего Парламента противопоставить против них. Для предотвращения этого и для лучшего осведомления Вашего Величества, ваших Пэров и всех других ваших верных подданных мы были вынуждены составить декларацию о состоянии королевства, как до, так и после созыва этого Парламента, вплоть до настоящего времени»¹.

Далее в Петиции назывались те зловредные партии и группировки, против которых выступили общины, и выражалась просьба к королю милостиво согласиться со смиренными желаниями своего народа, выраженными парламентским способом. Желания же эти, согласно Петиции, заключались в том, чтобы сохранить мир и безопасность королевства и лишить епископов права голоса в парламенте, уменьшить их чрезмерную узурпированную власть над духовенством и другими английскими подданными. Кроме того, Палата общин просила короля, чтобы Его Величеству было угодно удалить из своего совета «всех тех, кто продолжает покровительствовать и способствовать тому гнету и коррупции, которая опечалила ваш народ», и чтобы в будущем он «соизволил назначать» таких лиц для исполнения своих «великих и общественных дел» и приближать к себе на ответственные должности тех, которым Парламент «может иметь основание доверять»².

¹ The Petition of the House of Commons, which accompanied the Remonstrance of the state of the kingdom, when it was presented to His Majesty at Hampton Court, December 1, 1641 // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 203.

² Ibid. P. 205.

О том, что «Великая Ремонстрация» имела значение обвинительного акта, направленного одной политической группировкой против другой, свидетельствует и сам стиль ее. Давид Юм писал об этом документе: «Ремонстрация состоит из множества откровенно лживых утверждений, перемешанных с некоторыми очевидными истинами, злобные намеки соседствуют в ней с открытой бранью, громкие жалобы на прошлое сопровождаются полными страха и подозрительности предсказаниями будущего»¹.

Такой характер «Великой Ремонстрации» сделал проблематичным ее принятие даже Палатой общин. Голосованию по ней предшествовала острая дискуссия, занявшая почти десять часов. В ходе этой дискуссии с острой критикой данного документа и соответственно против того, чтобы он был принят Палатой, выступил даже ряд таких депутатов, которые с самого начала работы «долгого парламента» зарекомендовали себя в качестве последовательных противников королевского двора.

Одним из них был, в частности, Э. Деринг (E. Dering), сказавший в своей речи следующее: «Эта Ремонстрация, если она будет принята, произведет такое впечатление и оставит после себя такой след и в Его Величестве, народе и Парламенте, и в нынешней церкви, и в государстве, каковые никогда еще ни в какое прежнее время не имели место с тех пор как написаны истории и люди имеют глаза, дабы читать их»². Далее депутат отметил, что обсуждаемый документ «есть в некотором роде нечто большее и более значительное по своим последствиям, чем акт Парламента»³. В заключение же своего выступления Деринг заявил: «Так как я не знаю какой-либо необходимой благой цели и пользы этой Декларации, но опасаясь плохого, и потому, что мы обходим Его Величество и обращаемся к народу, я, голосуя с ясным сознанием, должен сказать “нет” этой странной Ремонстрации»⁴.

Дебаты в Палате общин по вопросу принятия «Великой Ремонстрации» затянулись до полуночи. При голосовании мнения депутатов разделились почти пополам: за принятие данного документа было подано 159 голосов, против — 148. Он был принят,

¹ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 291.

² Цит. по: *Cobbett W. The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 937.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid. Col. 938.*

следовательно, большинством всего в 11 голосов¹. Многие из тех, кто выступал в дебатах против «этой странной Ремонстрации», ко времени начала голосования покинули парламент, утомленные многочисленными речами. Так что, если бы голосование состоялось раньше или же было бы перенесено на следующий день, то она вполне могла бы и не получить большинства голосов.

Политическое значение «Великой Ремонстрации» было резко усилено ее опубликованием. После того, как этот документ был принят, в нижней палате парламента состоялось голосование по вопросу включения в его текст запрета на его публикацию. 101 депутат проголосовал за то, чтобы данный запрет был включен, однако 124 подали свои голоса против². Таким образом, решение о публикации «Великой Ремонстрации» было принято Палатой общин большинством всего в 23 голоса. Настойчивость, с которой парламентская оппозиция добивались принятия данного решения, свидетельствует о том, что она придавала «Великой Ремонстрации» пропагандистское значение, видела в названном документе не столько обращение к королю, сколько воззвание к нации.

Томас Мэй, автор одной из первых книг по истории «долгого парламента», вышедшей еще в 1647 году, то есть в то время, когда этот роковой для истории Англии парламент продолжал действовать, дал следующую оценку факту принятия «Великой Ремонстрации»: «В это время начался фатальный разрыв между Королем и Парламентом, становившийся день ото дня заметнее и шире и не прекратившийся до тех пор, пока все королевство не втянулось постепенно в разрушительную войну»³. Гражданская война разразилась в Англии в августе 1642 года — по прошествии восьми месяцев после принятия Палатой общин «Великой Ремонстрации». Следовательно, прямой связи между этими двумя событиями нет. Тем не менее принятие «Великой Ремонстрации» вполне можно рассматривать в качестве одного из важнейших звеньев в той цепи

¹ По другим сведениям, большинством не более 9 голосов (*May Th. The History of the Parliament of England, which began November the third, MDCXL. London, 1647. Book 2. P. 17*).

² *The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 937*. При этом, однако, было принято постановление, согласно которому «Великая Ремонстрация» не могла быть опубликована немедленно, без специального разрешения на это Палаты общин.

³ *May Th. The History of the Parliament of England, which began November the third, MDCXL (1640). London, 1647. Book 1. P. 19*.

событий, которая привела английское общество к состоянию гражданской войны. Факт появления в Палате общин такого документа, как «Великая Ремонстрация», служит ярким свидетельством того, что результаты реформы государственного строя Англии, оформленной актами весны — лета 1641 года, уже к осени перестали удовлетворять парламентскую оппозицию¹. Принятием «Великой Ремонстрации» оппозиция начинала борьбу за новое (более глубокое, чем прежде) преобразование английской политической системы.

Если ранее оппозиционно настроенные по отношению к королевской власти парламентарии выступали под лозунгом законности и целью собственной законодательной деятельности считали восстановление древнего правопорядка, то теперь они сознательно выходили в своих требованиях за рамки существовавшей в Англии юридической конструкции государственного строя. Требуя удаления из королевской администрации лиц, неугодных парламенту, и назначения на должности министров и послов только тех, кто будет облечен доверием парламента, они даже не пытались придать этому требованию какое-нибудь юридическое основание. Подобным же образом, предлагая лишить епископов права голоса в парламенте, они ни в коей мере не заботились о том, насколько данное предложение соответствует нормам английского права. Авторы «Великой Ремонстрации» старались обосновать свои требования ссылкой на необходимость защиты мира и безопасности Английского королевства, пресечения преступных посягательств неких группировок на государственный строй Англии. Однако сами эти требования предполагали применение таких мер, которые нарушали фундаментальные законы Англии.

Обстоятельства, при которых была принята «Великая Ремонстрация», свидетельствуют о том, что английский парламент перестал быть к декабрю 1641 года единой силой. Результаты голосования по вопросу о принятии этого документа отражали

¹ Любопытно, что решение составить некую генеральную ремонстрацию о положении дел в Английском королевстве было принято еще на первом заседании Палаты общин в ноябре 1640 г. Был образован даже специальный комитет для ее разработки. Но в течение последующих десяти месяцев этот комитет, по существу, бездействовал, и лидеры нижней палаты парламента даже не пытались как-то ускорить его работу. Но в начале ноября 1641 г. данный комитет получил поручение немедленно завершить составление ремонстрации.

наметившийся раскол в Палате общин — в органе, составлявшем оплот оппозиции королевской власти.

Еще более заметным стало в рассматриваемое время расхождение между двумя палатами парламента. Палата лордов все чаще выступала против решений Палаты общин. Целый ряд биллей, выражавших интересы парламентской оппозиции и прошедших нижнюю палату парламента, не мог получить одобрения лордов. К их числу относился, в частности, проект акта «О лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть», принятый Палатой общин еще 23 октября 1641 года. Из содержания данного билля видно, что вступление его в юридическую силу предполагалось с 10 ноября указанного года. Но этому плану не суждено было сбыться.

Стремясь добиться от лордов одобрения представленных им из Палаты общин биллей, вожди парламентской оппозиции решились на беспрецедентный шаг. По их инициативе в нижней палате английского парламента был образован специальный комитет, которому было вменено в обязанность составить перечень таких биллей и довести до сведения упрямых лордов следующее мнение Палаты общин: «Эта Палата является представительным органом всего Королевства, а Лорды выступают не иначе как в качестве частных лиц, пришедших в Парламент на основании своего личного права; и если они не соизволят одобрить принятие этих актов и других, необходимых для сохранения и безопасности Королевства, тогда эта Палата может объединиться с теми из Лордов, которые будут более чувствительны к безопасности Королевства, и представить их на утверждение Его Величеству»¹. Но лорды не пошли на уступки парламентской оппозиции. Расхождение между двумя палатами английского парламента в дальнейшем только усиливалось.

В начале декабря в Палату лордов был передан на одобрение принятый Палатой общин билль о принудительном наборе солдат для службы в Ирландии. В его преамбулу было включено положение, согласно которому король лишался правомочия принуждать кого-либо из своих подданных к военной службе за пределами его графства во всех случаях, за исключением той ситуации, когда в королевство внезапно вторгается враг или когда к указанной службе

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 330.

обязывает подданного земельное держание. Лорды, обсудив этот билль, предложили изменить приведенное положение, поскольку оно отнимает у короны присущую ей прерогативу. Билль был возвращен в Палату общин, которая в свою очередь отказалась принять предложение лордов.

25 ноября 1641 года возвратился в Лондон из Шотландии король Карл I. Он был тепло встречен горожанами, и такой прием придавал ему уверенность в своих силах.

1 декабря Его Величество получил от представителей Палаты общин текст «Великой Ремонстрации» и Петицию, ее сопровождающую. «Палата намерена обнародовать эту декларацию?» — спросил Карл I. «Мы не уполномочены отвечать на данный вопрос», — сказали парламентарии, на что король в свою очередь заявил: «В таком случае, я предполагаю, и вы не будете ожидать от меня немедленного ответа на столь длинную Петицию... Я дам вам ответ по этому делу с такой быстротой, с каковой позволит его важность»¹.

В сложившейся обстановке английскому королю, не имевшему в своем распоряжении необходимых финансовых средств и достаточно сильной армии, ничего не оставалось делать, как настаивать на соблюдении всеми политическими группировками и парламентом норм действующего английского права. И Карл I выбрал именно такой способ защиты интересов королевской власти. В своей Прокламации, изданной 10 декабря 1641 года под весьма примечательным названием «О повиновении законам, установленным для утверждения истинной религии в этом королевстве Англии», Его Величество выступил с заявлением о том, что он, понимая, что «настоящее расхождение, разделение и беспорядок в сфере культа и службы Богу» ведет к великим волнениям и смятениям и подвергает опасности ниспровержения самую сущность и содержание истинной религии, решил для сохранения единства и мира «потребовать повиновения законам и статутам, установленным для утверждения истинной религии в этом королевстве»². В связи с этим король предписывал в своей Прокламации, чтобы «Божественная Служба отправлялась в его королевстве Англии и

¹ Цит. по: *Cobbett W. The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 943.*

² *A Proclamation for obedience to the laws, ordained for the establishing of the true religion in this kingdom of England // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 232.*

доминионе Уэльсе так, как это назначено законами и статутами, установленными в этом королевстве, и чтобы всеми подданными, духовными и светскими оказывалось повиновение указанным законам и статутам, касающимся того же самого. И чтобы все судьи, офицеры и министры, духовные и светские приводили в исполнение указанные Акты Парламента в соответствии со справедливостью и своими соответствующими обязанностями»¹. Далее в королевской Прокламации от 10 декабря 1641 года излагалось требование к священникам различных рангов не вводить в действие какие-либо ритуалы и церемонии, отличающиеся от тех, что установлены законами и статутами Англии.

14 декабря Палата общин 135 голосами против 83 приняла решение о печатании «Великой Ремонстрации» и сопровождающей ее Петиции². Узнав об этом, Карл I в свою очередь отдал приказ о печатании своего ответа на данную Петицию, а также своей декларации, содержащей ответ на Ремонстрацию Палаты общин³.

В первых строках своего ответа на Петицию, приложенную к «Великой Ремонстрации», король выразил удивление тем фактом, что Палата общин распорядилась опубликовать Ремонстрацию, не дождавшись ответа на нее Его Величества. «Мы должны дать вам знать, что мы очень чувствительны к неуважению», — заявил он парламентариям. Ремонстрацию Палаты общин король назвал непарламентским документом, однако не отказался ответить в будуще и на нее⁴.

В ответе на Петицию Карл I последовательно проводил ту же самую идею повиновения действующим законам Англии, которую он выразил в принятой 10 декабря Прокламации. Его Величество

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 232–233.

² *Cobbett W.* The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 970.

³ См.: His Majesty's Declaration to all his loving Subjects, published with the Advice of his Privy Council, in Answer to the Remonstrance of the Commons // *Cobbett W.* The Parliamentary History of England. Vol. 2. Col. 972–977. Ответ короля на Петицию и Декларация Его Величества, содержащая ответ на «Великую Ремонстрацию», были опубликованы 23 декабря 1641 г.

⁴ «...We send you this answer to your petition, reserving ourself in point of the declaration which we think unparliamentary» (The King's Answer to the Petition accompanying the Grand Remonstrance // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 233).

сообщал парламентариям о том, что «для сохранения мира и безопасности Английского королевства от злых намерений папистской партии» он действовал и будет действовать в соответствии со всеми справедливыми желаниями народа парламентским путем. Относительно же содержавшейся в Петиции просьбы лишить епископов права голоса в парламенте король заявил: «Мы хотели бы обратить ваше внимание на то, что это их право основано на фундаментальном законе королевства и конституции Парламента»¹.

На вторую просьбу рассматриваемой Петиции Палаты, касающуюся удаления и выбора советников, Карл I ответил следующим образом: «Мы не знаем никого из нашего Совета, к кому была бы приложима характеристика, изложенная в петиции: теми, кого мы предали суду, мы уже дали вам достаточное доказательство тому, что нет ни одного человека столь близкого нам по месту или по личной к нему нашей привязанности, чтобы мы не отдали его законному правосудию, если вы выдвинете в отношении него частное обвинение и приведете достаточно доказательств против него; и мы снова уверяем вас в этом, однако в то же самое время желаем, чтобы вы воздержались от такой общей клеветы, которая может отразиться на всем нашем Совете, если вы никого в особенности не называете. Что же касается выбора наших советников и государственных министров, то это лишило бы нас той естественной свободы, которой обладают все свободные люди; и поскольку несомненным правом Короны Англии является назначение таких лиц в наш Тайный Совет, на общественную и на нашу личную службу, каковых мы считаем достойными, постольку мы делаем и будем делать весьма тщательный отбор таких лиц на ответственные должности, которые вполне докажут свои способности и честность и в отношении которых не может быть обоснованной причины удаления с должности»².

Охрана правопорядка была одной из важнейших функций английского короля, и Карл I в своих выступлениях в парламенте неоднократно это подчеркивал. Но впервые, пожалуй, Его Величество брался охранять правопорядок от посягательств парламентариев.

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 234.

² Ibid. P. 235.

13. «Долгий парламент» в конце 1641 – начале 1642 года. Обострение конфликта парламентской оппозиции с королем Карлом I

В течение второй половины 1641 года Палата общин все более превращалась в силу, подрывавшую традиционную юридическую конструкцию государственного строя Англии. И неудивительно поэтому, что многие из парламентариев, активно выступавших в 1628 году в поддержку Петиции о праве, стали в рассматриваемое время на сторону короля¹.

Но было бы упрощением представлять каждую из политических группировок, боровшихся в указанный период друг с другом, только в одном каком-либо качестве — нарушителя или защитника «фундаментальных законов» Английского королевства.

Парадоксальность ситуации, существовавшей в политической сфере английского общества в течение 1641 года, заключалась в том, что обе противоборствовавшие группировки — и королевская, и парламентская — выступали в защиту сложившегося в Англии на протяжении веков правопорядка, всячески демонстрировали свое уважение к английскому праву, приверженность к «фундаментальным законам» Английского королевства. И одновременно каждая из них допускала нарушения норм английского права, неоднократно предпринимала попытки выйти за рамки правопорядка, вполне допускала использование для достижения своих целей средств прямого насилия².

¹ К. Расселл привел в своей книге «Причины английской гражданской войны» имена таких парламентариев: Ball, Coryton, Glanvill, Kirton, Littleton, Seymour, Strangeways. Факт превращения названных лиц, выступавших в 1628 г. в поддержку Петиции о праве, в сторонников короля в период, предшествовавший гражданской войне, английский историк использовал для обоснования своего вывода о том, что эта война «велась не на базе юридических споров 1620-х» (*Russell C. The Causes of the English Civil War. P. 142–143*).

² О попытке короля Карла I, предпринятой весной 1641 г., приструнить парламент с помощью армии см.: *Russell C. First Army Plot of 1641 // Transactions of the Royal Historical Society. 1988. Vol. 38. P. 85–106*. О многочисленных случаях применения вождями парламентской оппозиции силы толпы для давления на королевскую группировку и попытках сторонников короля использовать прямое насилие в отношении мятежных парламентариев см.: *Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. С. 261–266, 279–283*.

Соответственно и расстановка сил не оставалась неизменной ни в обществе, ни в парламенте.

Палата лордов отказывала в поддержке Палате общин в тех случаях, когда последняя предлагала меры, лишавшие короля традиционных властных полномочий, низводившие монарха к роли простого символа в политической системе Англии. Для верхней палаты парламента было жизненно важно сохранить традиционное значение английской монархии, при котором она выступала не только в качестве одного из органов государственной власти, но и в виде источника, корневой основы всех политических институтов.

Парламент, система государственной исполнительной власти, центральные суды — все эти институты были взаимосвязаны с королевской властью в процессе как своего формирования, так и функционирования. Томас Смит писал в своем трактате «Об Английском государстве»: «Коротко говоря, монарх есть жизнь, голова и основание всего того, что делается в королевстве Англии (To be short the prince is the life, the head, and the authoritie of all things that be done in the realme of England)»¹. Некоторые элементы английской политической системы имели в качестве своего основания и источника властных полномочий не только институт королевской власти, но и общество в целом. К числу их относилась, например, Палата общин, состав которой формировался населением путем выборов. Однако для таких элементов политической системы Англии, как Тайный совет и Палата лордов, институт монархии являлся единственным основанием существования. Ликвидация этого института автоматически влекла за собой упразднение и указанных государственных органов¹. Именно поэтому лорды отлича-

¹ De Republica Anglorum. The manner of Government or policie of the Realme of England, compiled by Sir Thomas Smyth Knight, Doctor of both the lawes, and one of the principal Secretaries unto the two most worthy Princes, King Edward the sixth, and Queene Elizabeth. Seen and allowed. At London, Anno Domini 1583. P. 62.

² «Странно, что вся Палата Лордов была не в состоянии понять, что крушение королевской власти и ослабление ее было крушением и ослаблением ее самой», — писал Томас Гоббс о деятельности верхней палаты английского парламента во время революции в своем сочинении «Бегемот, или Долгий Парламент» (*Hobbes T. Behemoth, or the Long Parliament. P. 70*). Думается, английский философ не совсем прав в этой своей оценке — неоднократные отказы Палаты лордов поддержать предлагавшиеся Палатой общин меры, которые лишали короля реальных властных полномочий, свидетельствуют скорее об обратном — лорды вполне отчетливо осознавали, что крушение монархии означает фактическую ликви-

лись большей степенью консерватизма в своих решениях по сравнению с Палатой общин и отвергали исходившие от последней посягательства на те прерогативы короля, без которых институт королевской власти был немислим.

Однако Палата лордов немедленно присоединялась к Палате общин, если король каким-либо образом ущемлял привилегии парламента.

14 декабря 1641 года Карл I выступил на заседании обеих палат английского парламента по вопросу о принятии билля, касающегося принудительного набора солдат для службы в Ирландии. Король объявил парламентариям, что утвердит этот билль в том случае, если он не будет умалять его прерогативу, и предложил изъять из его текста положение, вызывающее споры¹. Палата общин усмотрела в этом предложении Карла I нарушение привилегий парламента. Лорды, которые до этого сами возражали против лишения короля его законной прерогативы — правомочия принуждать кого-либо из своих подданных к военной службе за пределами его графства, немедленно присоединились к общинам в протесте против нарушения парламентских привилегий. Факт этого нарушения, допущенного королем, был зафиксирован в специальных резолюциях, единогласно принятых Палатой лордов 15 декабря².

В «Покорной Ремонстрации и Петиции Лордов и Общин в Парламенте», поданной королю 17 декабря 1641 года, говорилось, что «права и привилегии Парламента являются прирожденным правом и наследием не только их самих, но всего Королевства», что одной из привилегий английского парламента является «древнее и несомненное право», состоящее в том, что «Его Величество не должен предлагать какого-либо условия, положения или ограничения в какой-либо билль или акт, обсуждаемый либо разрабатываемый в любой из Палат Парламента, или выражать и объявлять свое согласие либо несогласие, одобрение либо неодобрение с этим биллем или актом до тех пор, пока он не будет представлен Его Величеству в рамках надлежащей парламентской процедуры».

дацию их Палаты. И кстати, впоследствии в Англии все так и случилось: упразднение монархии в начале 1649 г. повлекло за собой ликвидацию Палаты лордов (а заодно и Тайного совета).

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 474.

² Ibid. P. 475.

Далее в указанных Ремонстрации и Петиции заявлялось, что парламентские привилегии были нарушены в речи короля, произнесенной в парламенте 14 декабря, и высказывалась просьба к Его Величеству поддержать и защитить их своей властью и авторитетом. Наряду с этим парламентарии просили короля, «не будет ли он любезен объявить и сделать известными имя или имена лица или лиц, своей ложной информацией и вредным советом побудивших Его Величество к нарушению парламентских привилегий»¹.

В своем ответе на Ремонстрацию и Петицию парламента Карл I заметил, что он не имел никакого намерения нарушать парламентские привилегии, а предложение назвать имена тех, кто давал ему информацию или советы относительно дел в парламенте, считает унизительным для себя. В заключение Его Величество заявил, что он «не имеет ни малейшего помысла нарушить привилегии Парламента», а будет и впредь «всегда защищать и поддерживать их своим королевским авторитетом», но в свою очередь он ожидает, что парламентарии проявят такую же заботу о его королевской прерогативе и не будут посягать на нее².

Карл I не выразил ни малейшего сомнения относительно факта существования той парламентской привилегии, в нарушении которой его упрекали парламентарии. А между тем он имел довольно веские основания для такого сомнения: указанная привилегия, как и большинство других привилегий английского парламента, не была зафиксирована в каком-либо законодательном акте (не исключено, что она появилась только потому, что английские короли в течение какого-то времени не имели необходимости высказывать и не высказывали своих мнений о биллях, находившихся на рассмотрении в парламенте)³. Но Карл I не мог состязаться с парламентариями в знании парламентских привилегий, поскольку нарушил бы тогда главную привилегию английского

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 475.

² Ibid. P. 488.

³ «Привилегии, опирающиеся на долгую цепь соответствующих прецедентов, — отмечает по этому поводу Д. Юм, — оспаривать невозможно, но даже если допустить, что в прошлом короли и в самом деле никогда не высказывали своего мнения о биллях, находившихся на рассмотрении палат (а судя по всему, довольно часто имело место обратное), то из одного лишь факта, что короли ни разу подобным правом не воспользовались, еще не следует, что они от этого права отказались или никогда им не обладали» (Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 298).

парламента, которая заключалась в том, что привилегии последнего «не должны быть точно известны никому, кроме как самому парламенту»¹.

В 1628 году вышел в свет анонимный трактат под названием «Привилегии и практика Парламентов в Англии»². В 1640 году он был переиздан. Спустя два года, в 1642 году, в Лондоне был опубликован (и также без указания имени автора) трактат «Привилегии Парламента: или скромный ответ на три вопроса»³. Указанным привилегиям был посвящен и ряд других произведений, вышедших в Англии в рассматриваемое время. Однако все они содержали описание лишь некоторых из парламентских привилегий и нисколько не проясняли вопроса о данном явлении как таковом. К тому же это были сочинения частных лиц. На заседаниях обеих палат парламента тема присущих данному органу привилегий затрагивалась часто. С 1604 года — это была, пожалуй, одна из самых распространенных тем выступлений парламентариев. Однако никаких сколько-нибудь серьезных усилий прояснить вопрос о сущности парламентских привилегий, никаких попыток придать кругу этих привилегий качество определенности ни Палата общин, ни Палата лордов не предпринимали.

По мнению Уильяма Блэкстоуна, английский парламент имел вполне веские причины для того, чтобы оставлять вопрос о своих привилегиях в большой неопределенности. «Привилегия парламента устанавливалась главным образом для того, чтобы защищать его членов не только от назойливости их соотечественников (*fellow-subjects*), но также и в особенности от давления королевской власти. Если бы поэтому все привилегии парламента были однажды установлены и определены и не дозволялось бы никаких

¹ *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Oxford, 1765. Book 1. P. 159.

² *The Priviledges and Practice of Parliaments in England.* Collected out of the Common Lawes of this Land. Seene and allowed by the Learned in the Lawes. Commended to the High Court of Parliament now Assembled. Printed 1628. В недавно вышедшей в свет книге профессора истории университета Питтсбурга Жанелль Гринберг «Радикальное лицо древней конституции» в качестве автора указанного трактата называется Ральф Старки (Ralph Starkey) (*Greenberg J.* The Radical Face of the Ancient Constitution (St. Edward's «Laws» in Early Modern Political Thought). Cambridge, 2001. P. 198).

³ *The Priviledges of Parliament: Or a Modest Answer to Three Questions.* London, 1642.

привилегий, кроме тех, что были бы таким образом обозначены и определены, то исполнительной власти было бы легко придумать какой-нибудь новый случай, выходящий за рамки привилегии, и под этим предлогом извести какого-либо строптивного члена и нарушить свободу парламента. Достоинство и независимость двух палат поддерживаются поэтому в огромной мере тем, что они сохраняют свои привилегии неопределенными»¹.

В политической обстановке, сложившейся в Англии к концу 1641 года, неопределенность привилегий парламента была в высшей степени выгодна парламентамской оппозиции. Любые попытки короля направить притязания последней в русло правопорядка и пресечь деятельность ее вождей, способствовавшую обострению политического конфликта в английском обществе, легко представлялись оппозицией в качестве посягательства Его Величества на парламентамские привилегии. А это посягательство в свою очередь объявлялось «ниспровержением парламента»².

3/13 января 1641/1642 года Карл I предпринял попытку подвергнуть уголовному преследованию вождей парламентамской оппозиции. Генеральный атторней Э. Герберт прибыл в Палату лордов и заявил, что Его Величество поручил ему выдвинуть обвинения в совершении государственной измены и других тяжких преступлений против лорда Кимболтона и пятерых членов Палаты общин: Д. Холлиса, А. Хаслеригга, Дж. Пима, Дж. Гемпдена и У. Строуда.

Согласно представленному акту названные лица обвинялись в следующем:

«1. В том, что они предательски пытались ниспровергнуть фундаментальные Законы и форму правления Королевства Англии, лишиться Короля его Королевской Власти и установить взамен ее произвольную и тираническую власть над жизнями, свободами и имуществом подданных Его Величества.

2. В том, что они предательски пытались (посредством многих грязных клевет на Его Величество и Его Правительство) присвоить себе любовь Его Народа и сделать Его Величество ненавистным ему.

¹ *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford, 1765. Book 1. P. 159.*

² Именно так было названо нарушение парламентамских привилегий на конференции обеих палат английского парламента, состоявшейся 3/13 января 1641/1642 г. (*The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 366*).

3. В том, что они пытались привести последнюю¹ армию в состояние неповиновения приказам Его Величества, чтобы она примкнула к ним для исполнения их замыслов.

4. В том, что они предательски пригласили и побудили иностранную силу² вторгнуться в управляемое Его Величеством Королевство Англии.

5. В том, что они предательски пытались ниспровергнуть Права и само существование Парламентов.

6. В том, что для исполнения своих предательских намерений они пытались (насколько могли) силой и угрозами принудить Парламент присоединиться к ним в их предательских замыслах и с этой целью возбуждали и поощряли мятежи против Короля и Парламента.

7. В том, что они предательски замыслили начать и действительно начали войну против Короля»³.

Спустя некоторое время после оглашения в Палате лордов приведенного обвинительного акта в Палату общин прибыл парламентский пристав Фрэнсис и передал спикеру послание короля. «Мне приказано Его Королевским Величеством, моим Господином, — заявил пристав, — арестовать пятерых членов Палаты Общин, обвиненных от имени Его Величества в государственной измене»⁴. И далее он назвал имена этих парламентариев. Последние находились в это время в зале, но не вышли к приставу. Спикер Палаты общин рекомендовал приставу покинуть стены парламента.

На следующий день в здание парламента прибыл сам король и обратился к Палате общин с просьбой выдать ему парламентариев, обвиненных в государственной измене. Увидев, что названные люди отсутствуют в зале для заседаний, Его Величество выразил надежду, что Палата пришлет их к нему, если они появятся здесь, и удалился.

Реакция верхней и нижней палат парламента на обвинение парламентариев была различной.

¹ Имеется в виду английская армия — последняя по времени создания.

² Имеется в виду шотландская армия, вторгнувшаяся в пределы Англии летом 1640 г.

³ Articles of High Treason and other high Misdemeanors against the Lord Kymbolton, Mr. Denzill Hollis, Sir Arthur Haslerigg, Mr. John Pym, Mr. John Hampden and Mr. William Strode // The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 501.

⁴ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 367.

Палата лордов в ответ на заявление генерального атторнея решила, что возникшая ситуация должна быть рассмотрена комитетом всей Палаты. В своем постановлении лорды сформулировали вопросы, которые необходимо было при этом прояснить, а именно: «соответствует ли обвинение лорда Кимболтона и членов Парламента в государственной измене и иных тяжких преступлениях процедуре, предусмотренной правом; и применялась ли подобная процедура когда-либо до этого в таких случаях; и может ли обвинение в совершении измены быть внесено в эту Палату Королевским Атторнеем против Пэра в Парламенте; и должно ли какое-либо лицо быть подвергнуто аресту на основании общего обвинения, исходящего от Короля или Палаты Общин, до того, как оно будет выражено в подробностях?»¹

Палата общин отреагировала на обвинение парламентариев в совершении государственной измены так же, как она реагировала в последний год на все претензии Карла I в свой адрес — вопрос об этом обвинении был представлен данной Палатой в качестве вопроса, касающегося парламентских привилегий. Сразу после того как пристав, огласивший послание Его Величества, удалился, Палата общин приняла решение передать королю, что это послание от него является делом, влекущим за собой последствие огромного значения, поскольку «оно затрагивает Привилегию Парламента и оттого Привилегию всех Общин Англии»². До сведения Карла I доводилось намерение Палаты общин серьезно рассмотреть вопрос об обвинении членов парламента и дать Его Величеству должный ответ с такой быстротой, с какой позволит это сделать «величие дела». Вместе с тем нижняя палата сообщала, что позаботится о том, чтобы «эти джентльмены, упоминаемые в послании, были готовы ответить на любое законное обвинение, выдвинутое против них»³. По приказу Палаты общин ее спикер предписал пятерым депутатам, обвиненным в совершении государственной измены, присутствовать на заседаниях Палаты до тех пор, пока Палата не примет нового решения.

На конференции обеих палат, состоявшейся вечером 3/13 января 1641/1642 года, представители нижней палаты парламента выступили со следующим заявлением: «Палата Общин понимает

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 501.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 367.

³ Ibidem.

Парламент как Большой Совет и Представительный Орган Королевства; и обе Палаты являются не чем иным, как Одним Органом Королевства: Привилегии — это стены и мускулатура Парламента»¹.

5/15 января в Палату лордов было передано послание Палаты общин, в котором сообщалось о состоявшемся накануне визите короля в их Палату и попытке Его Величества самолично арестовать парламентариев, обвиненных в совершении государственной измены. Это событие Палата общин уверенно оценивала как «тяжкое и великое нарушение привилегий парламента (high and great Breach of the Privileges of Parliament)»² и обращала внимание лордов на то, что оно касается и их Палаты.

Карл I в своем кратком выступлении перед Палатой общин во время визита в парламент 4/14 января пытался объяснить, что обвинение в государственной измене нельзя считать нарушением парламентских привилегий. Его Величество заявил парламентариям: «Ни один английский король не заботился о сохранении ваших привилегий больше, чем это делаю я, однако в случае государственной измены привилегий не существует ни для кого»³. Но данный аргумент не был принят парламентом во внимание. И это не удивительно: парламентская оппозиция хорошо осознавала, что юридический спор с королем она в любом случае проигрывала. Обвинение в совершении государственной измены, предъявленное Карлом I вождям оппозиции, хотя и было выражено в общей форме, опиралось на целый ряд конкретных фактов. О том, что шотландская армия была приглашена для вторжения в Англию лицами, имена которых присутствовали в списке обвиненных, знали многие из парламентариев, если не все. Король не испытал бы больших затруднений в обосновании конкретными фактами и других пунктов своего обвинения, выдвинутого против мятежных парламентариев. Первый же и главный пункт данного обвинения почти дословно воспроизводил содержание первой статьи того обвинительного акта, на основании которого в ноябре 1640 года привлекался парламентом к ответственности за государственную измену граф Страффорд. Карл I наносил удар по парламентской

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 502.

² Ibid. P. 503.

³ В пересказе, содержащемся в мемуарах Б. Уайтлока. Цит. по: Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 305.

оппозиции ею же изобретенным оружием — какими юридически-ми аргументами она могла парировать этот удар? Если бы все же оппозиция предприняла попытку это сделать, то немедленно встал бы вопрос о законности ее действий против графа Страффорда.

Вступив в юридическую тяжбу с королем, вожди парламентской оппозиции в любом случае проигрывали бы идеологически, морально, а значит, и политически. Потому что основным содержанием этой тяжбы стало бы обсуждение их поведения на протяжении 1640–1641 годов. Причем поведения исключительно только *их*, а не *короля*.

Как уже отмечалось, обе противоборствующие политические группировки — королевская и парламентская — выступали с позиций защиты фундаментальных законов Английского королевства, древних и бесспорных прав и свобод английских подданных, и обе они эти законы, права и свободы неоднократно в своих действиях нарушали. Но со стороны короля нарушения правовых норм допускались лишь в период беспарламентского правления — в 30-е годы XVII века. И происходили они не из желания Его Величества установить тираническое правление, а из стремления любыми средствами пополнить государственную казну. Для содержания управленческого аппарата, армии, поддержки флота — одним словом, для выполнения задач, требуемых должностью главы государства, необходимы были довольно большие финансовые средства¹. Финансовая, налоговая система, унаследованная династией Стюартов от своих предшественников на королевском троне Англии, не могла обеспечить притока в казну достаточного объема таких средств.

Эта система установилась еще в XIV веке, к концу правления короля Эдуарда III². Ее главной отличительной особенностью было правило, в соответствии с которым сбор налогов, дававших королям основную массу денежных средств, мог осуществляться толь-

¹ В декабре 1639 г. на заседании совещательного комитета, на котором было принято решение о созыве 5 апреля 1640 г. нового парламента, обсуждалась цифра в один миллион ф. ст., необходимый королю на государственные расходы и обеспечение королевского двора в течение года.

² По мнению английского историка Г. Л. Харриса, «институты, посредством которых Англией правили и управляли до Гражданской Войны», утвердились на практике к 1369 г. (*Harriss G. L. King, Parliament, and Publick Finance in Medieval England to 1369. Oxford, 1975. P. VIII*).

ко с согласия парламента. В результате экономическое развитие Англии, рост благосостояния тех или иных групп ее населения не приводили автоматически к увеличению королевских доходов. Между тем расходы государственной казны в ходе эволюции экономики постоянно возрастали (например, появлялись более совершенное, а значит, и более дорогое вооружение и амуниция для армии, усовершенствовалась и, следовательно, становилась более дорогой оснастка кораблей). Возникало противоречие, которое неизбежно должно было вылиться в конфликт короля с парламентом по поводу сбора налогов, размера субсидий парламента королю и т. п. Парламентарии, естественно, стремились сохранить прежнее положение, и Петиция о праве 1628 г. была во многом попыткой законсервировать его. Упомянутый документ имел с самого начала **консервативное, охранительное**, а не революционное значение. Революционность ему придали позднейшие идеологи и ученые-историки.

Предпринятые Карлом I в 30-е годы XVII века попытки создать систему пополнения государственной казны в обход парламента открыто оправдывались необходимостью обеспечить благополучие и безопасность Английского государства. Английский король стремился преодолеть консерватизм устаревшей финансовой и политической систем, не отвечавших требованиям нового времени. И его действия в данном направлении получали поддержку со стороны судей, то есть определенное юридическое оформление они все же приобретали, пусть не в виде закона, а судейского мнения¹. Карл I, в сущности, действовал в рассматриваемое время как революционер. А «революционеры»-парламентарии, в свою очередь, действовали в течение 1641 года во многом как реакционеры. Парламентскими актами, принятыми летом указанного года, в Англии были упразднены некоторые рудименты средневекового *политического* порядка, но вместе с тем была законсервирована сред-

¹ В феврале 1637 г. 12 королевских судей заявили, что «по их мнению, когда затрагивается благополучие и безопасность королевства в целом, и королевство находится в опасности, Его Величество может, посредством приказа за Большой Печатью Англии, вменить в обязанность всем своим подданным этого своего королевства обеспечить и оснастить такое количество кораблей людьми, провизией и снаряжением и на такое время, каковое Его Величество полагает достаточным для защиты и охраны этого королевства от такой угрозы и опасности» (The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 109).

невековая по своему происхождению и характеру *финансовая* система.

Один из главных парадоксов английской революции, начавшейся в конце 1640 года, заключался в том, что вожди парламентской оппозиции — люди, носившие звание революционеров, — действовали с самого начала этой революции так же, как несколькими годами ранее действовал король Карл I. Они тоже открыто опирались в первую очередь не на правовые нормы, а на требования необходимости, на собственное понятие государственных интересов. Духом политической необходимости, попирающей законность, был проникнут, в частности, такой важный с точки зрения парламентской оппозиции документ, как «Великая Ремонстрация».

Карл I не совершал в течение 1641 года действий, которые можно было бы назвать серьезным нарушением английских законов. Поэтому если бы обвинение, выдвинутое Его Величеством против вождей парламентской оппозиции, начало рассматриваться в рамках предусмотренной правом процедуры, то король получал бы ряд весомых преимуществ. Более того, при обсуждении поведения обвиненных им лиц многим в английском обществе стало бы ясным то, что было очевидным тогда лишь для некоторых: вожди парламентской оппозиции часто руководствовались в своих действиях сугубо личными эгоистическими мотивами — интересами обеспечения собственной безопасности, интересами борьбы за власть для себя.

По названным и другим причинам парламентская оппозиция не могла пойти на решение возникшего 3/13 января 1641/1642 года конфликта с королем в рамках действовавших в Англии правовых процедур.

Не добившись ареста парламентариев, обвиненных в совершении государственной измены, Карл I обратился 5/15 января к муниципальному совету лондонского Сити с просьбой оказать содействие в исполнении его королевского приказа об их аресте. В этот же день Палата общин, стремясь выиграть время, объявила о перерыве в своих заседаниях на шесть дней — до 11/21 января 1641/1642 года.

7/17 января муниципальный совет Сити подал Карлу I петицию, в которой фактически присоединился к позиции Палаты общин в деле парламентариев, обвиненных королем в государственной измене.

Через два дня Его Величеству стало известно, что в день возобновления работы Палаты общин лица, ареста которых он безуспешно добивался целую неделю, будут торжественно препровождены лондонцами в Вестминстер, в здание заседаний английского парламента.

Столкнувшись с таким явным проявлением неповиновения себе со стороны парламента Англии, властей и жителей Лондона, Карл I принял решение покинуть столицу.

Отъезд короля из Лондона 10/20 января 1641/1642 года решительно изменил политическую обстановку в Англии. Этот отъезд не был объявлением войны парламентамской оппозиции. Король не имел в то время в своем распоряжении ни достаточных военных сил, ни достаточной социальной поддержки, чтобы развернуть войну против оппозиции.

Парламентамская оппозиция была способна привлечь на свою сторону значительные вооруженные силы и довольно широкие слои общества, но она не имела в рассматриваемое время соответствующей идеологической программы, которая могла бы оправдать войну с королем, придать военным действиям против Карла I форму законности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЕЛО ГРАФА СТРАФФОРДА

Дело Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, обвиненного в государственной измене и казненного 12 мая 1641 года, — одно из важнейших событий первого этапа английской революции 1640–1660 годов. С одной стороны, в нем впервые проявились важнейшие черты этой революции, с другой стороны, дело графа Страффорда стало фактором, который обострил конфликт между противоборствовавшими сторонами и во многом предопределил его скатывание к гражданской войне.

События, происходившие в английском парламенте с момента его созыва 3 ноября 1640 года и до начала 1642 года, не были стихийными. Парламентская оппозиция действовала по заранее разработанному плану. Его содержание выражали в значительной мере законодательные акты, принимавшиеся в течение указанного периода. Частью этого плана являлся и замысел расправы над ближайшими сановниками короля Карла I, самыми деятельными его соратниками. Данный замысел начал приводиться в действие на четвертый день работы «долгого парламента». Об этом свидетельствует содержание речей, которые произносили 7 ноября на заседании Палаты общин депутаты Джон Пим (*John Pym*) и Бенджамин Рудайерд (*Benjamin Rudyerd*).

Первым выступал Джон Пим. Он сначала указал на те вредные явления в системе управления Англией, которые необходимо искоренить, а затем заявил, что в настоящее время имеются два средства для этого — в установлении закона там, где существует неопределенность, и в принятии предписаний для исполнения закона там, где он ясен¹. После Дж. Пима говорил Бенджамин Рудайерд. «Мы собрались здесь, — начал он свою речь, — чтобы

¹ Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 643.

вершить Божье дело и Королевское, в которое и наше собственное дело включается, так как мы являемся Христианами, и так как мы — Подданные. Давайте же сначала будем бояться Бога, а затем будем чтить Короля еще более, поскольку, я боюсь, мы потому менее удачливы в Парламентах, что предпочитаем обращаться с ним по-другому»¹. Далее Б. Рудайерд обрисовал состояние английской церкви и те проблемы, с которыми она столкнулась в последнее время. После этого депутат обрушился с резкой критикой в адрес королевских советников:

«Они являются людьми, которые много говорят о своей службе Королю, однако ничего не делают, кроме того, что служат себе самим, и это слишком очевидно. Они возвышенно говорят о Королевской власти, но сами превратили ее в низменную власть, которая ничего не производит, кроме слабости, как для Короля, так и для Королевства. Они истощили королевскую казну до дна, даже более чем до дна и сверх того. Они растратили огромные суммы денег напрасно, бесплодно, опасно, так что при большем количестве денег и при отсутствии других советников наступила бы скорая гибель. Они всегда догматически и упрямо следовали одному пагубному курсу; сначала они доводили положение вещей до крайности, затем эту собственную крайность они делали основанием для следующего действия, в семь раз худшего, чем прежде, и вот мы и находимся теперь в этом положении.

Они почти испортили самое лучшее в мире установленное Правление с верховной властью, воплощенной в Короле, со Свободой для Подданного, с пропорциональным равновесием этой власти и Свободы, что делает счастливейшее Государство сильным, богатым и долговременным.

Они невежливо и небрежно низвергали все свои проекты, все свои интриги на Короля, никогда не имевшего ни умных, ни добрых государственных министров, которые брали бы на себя все грубые, неприятные дела, очищая, облагораживая своего Господина.

Они не позволяли Его Величеству появляться среди своего народа в своих собственных истинных добродетелях.

Они затмевали его своими интерполяциями. Хотя большие плотные тела могут затмевать и препятствовать солнцу светить, оно остается тем же самым в своем собственном блеске. И когда

¹ Цит. по: *May Th. The History of the Parliament of England, which began November the third, MDCXL (1640). London, 1647. Book 1. P. 72.*

они удаляются, все создания, пребывающие под ним, направляются его светом, утешаются его сиянием.

Однако они создали суеверие, своего рода принцип Государства для собственных нужд, что если Король позволит оторвать людей от себя, ему никогда не будут служить хорошо. Тогда как очевидная истина заключается в том, что это и есть надежный способ предохранить короля от плохих слуг; и Божественная истина также состоит в следующем — удали злых людей от Короля, и его трон упрочится.

В прежние времена похвалялись, что Король никогда бы не созвал Парламент, если бы не нуждался в своем народе: это были слова разделения и зловредности. Король должен всегда, в соответствии с обстоятельствами, использовать народные силы, души, руки, деньги. Народ всегда будет нуждаться в королевском милосердии, справедливости, защите. И этот взаимообмен является самым прочным, самым плодотворным союзом»¹.

Речь Бенджамина Рудайерда была по своей сути развернутым выражением идеи о том, что главная причина бедствий, выпавших на долю Английского королевства, коренится не в организации государственной власти, не в институте монархии и даже не в персоне монарха, но в окружающих Его Величество злых советниках.

Эта идея стала программной для «долгого парламента». Сама по себе она не выражала оппозиционности парламентариев по отношению к королю. Более того, идея о «злых советниках» или министрах как о единственных виновниках всех проистекающих от действий королевской власти беззаконий и тягот для населения являлась одним из постулатов официальной идеологии Английского королевства. Она вполне вписывалась в рамки традицион-

¹ *May Th.* Op. cit. P. 76–77. После депутата Рудайерда на заседании Палаты общин 7 ноября 1640 г. выступал Дж. Голланд (*Cobbett's Parliamentary History*. Vol. 2. Col. 647–649). Затем речь держал Бэдшоу. Он говорил, в частности, что «честь короля заключается в благе его народа: эту несомненную максиму Его Величество подтвердил своей последней любезной речью и обещанием удовлетворить все наши жалобы, уничтожить врагов нашего мира и благополучия. Чтобы стать богатыми, люди должны иметь свободу и правосудие. Правосудие является для гражданского тела тем, чем бывает пища для тела природного» (*Cobbett's Parliamentary History*. Vol. 2. Col. 649). Все эти речи были опубликованы летом 1641 г. (*Speeches and passages of this great and happy Parliament from the 3d of Nov. 1640 to this instant June 1641, collected into one volume and according to the most perfect originals, exactly published. Printed for Wm. Cook, at Furuifall's-Inn-Gate, Holborn, 1641*).

ной для Англии юридической конструкции государственного строя. Вот что говорил на заседании обеих палат парламента, состоявшемся 15 апреля 1640 года, спикер Палаты общин Джон Финч (*John Finch*)¹: «Короли, если [они] Короли, никогда не ошибаются; самое большее, на что они способны, так это злоупотреблять информацией; высший смысл Прерогативы заключается в том, что Король не может совершить никакого правонарушения (*the highest Point of the Prerogative is, the King can do no Wrong*)²; если поэтотому хитростью дезинформаторов, посредством правдоподобных ложных претензий на общественное благо, путем применения хитроумных и скрытых способов обольщения, Священная Королевская Персона будет обманута или приведена в удивление или перетомлена и подведена к тому, чтобы приказать сделать что-то противоречащее Закону, и это будет соответственно сделано, данные приказы будут недействительными, и Король невиновен даже в самой Его Персоне, защищаемой Его Прерогативой; тем не менее авторы такой дезинформации и творцы этих злоупотреблений будут привлечены к ответственности и подвергнуты строгому допросу и беспристрастной проверке, и им нечем будет при этом защитить себя, кроме ссылки на недействительный приказ, ставший недействительным в силу справедливой Прерогативы и фундаментального и истинного интереса Государства и Монархии; а какое различие имеется или может быть в Праве между недействительным приказом и отсутствием приказа вообще?»³

¹ Осенью 1640 г. Джон Финч (1584–1660) занимал должность лорда-хранителя Большой королевской печати.

² Это правило, подразумевавшее освобождение короля от ответственности за свои действия перед каким бы то ни было человеческим судом, считалось в Англии, по общему признанию, одним из фундаментальных принципов действующего права. Судья Королевской Скамьи Р. Беркли (*R. Berkeley*), выступая в 1638 г. по делу Дж. Хэмпдена, говорил, что в английском праве существуют два принципа: первый заключается в том, что «Король является лицом, несущим ответственность за состояние государства (*the King is a person trusted with the state of the commonwealth*)», второй — в том, что «Король не может совершить правонарушения (*the King cannot do wrong*)». (Extracts from the Argument of Sir Robert Berkeley, Justice of the King's Bench // *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660*. P. 122). О смысле принципа «*The King can do no wrong*» писал также известный английский правовед первой половины XVII в. Джон Селден (*The Table-Talk of John Selden with a biographical preface and notes by S.W. Singer*. London, 1860. P. 174).

³ *The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Quarto Caroli Regis*. Vol. 4. P. 51.

Таким образом, идея о «злых советниках» или министрах как о единственных виновниках всех правонарушений, совершаемых королевской властью, была, в сущности, обратной стороной принципа «The King can do no Wrong (Король не может совершить никакого правонарушения)». Обвиняя во всех бедах, обрушившихся на Английское государство, королевских советников или министров, парламентарии тем самым утверждали мысль о невинности в этих бедах короля.

Данный принцип был предназначен защищать английского монарха от ударов народного гнева, от ядовитых стрел критики со стороны общества, придавать дополнительную устойчивость институту монархии в Англии, предохранять его от революционных потрясений. И в течение многих веков принцип, согласно которому король никогда не ошибается и не может совершить никакого правонарушения, эффективно выполнял это свое предназначение. Однако в условиях, сложившихся в Англии к 40-м годам XVII века, он стал использоваться в качестве инструмента борьбы против королевской власти.

Возможность применения рассматриваемого принципа в целях прямо противоположных его предназначению была заложена в нем самом. Из формулы «король никогда не ошибается и не может совершить правонарушения» вытекало, что монарх не несет ответственности за действия назначенных им должностных лиц даже в том случае, если они действовали в полном соответствии с его приказами. А это, в свою очередь, означало, что критика королевских сановников не могла быть представлена в качестве нападок на персону короля или на институт монархии. Парламентарии вследствие этого получали возможность выдвигать в отношении должностных лиц королевской администрации — причем даже против тех, кто пользовался наивысшим доверием со стороны короля и всего-навсего исполнял приказы Его Величества — любые претензии, не рискуя навлечь на себя обвинение в посягательстве на особу короля или королевскую власть как таковую.

Среди ближайших сподвижников Карла I особенно выделялся своим талантом управленца, государственным умом и решительным характером наместник Ирландии лорд Томас Уэнтворт, граф Страффорд¹. В 1640 году он был самым влиятельным и са-

¹ В исторической литературе Томас Уэнтворт (*Thomas Wentworth*, 1593–1641) более известен как Страффорд, между тем графский титул Страффорда он получил лишь в январе 1640 г. и прожил под ним всего полтора года.

мым деятельным из английских сановников. Его государственная деятельность была на редкость плодотворной и полезной для Англии. «Управляя Ирландией, Страффорд в равной степени заботился о выгодах своего монарха и об интересах вверенных его попечению подданных. Он уплатил огромный государственный долг, оставив после себя в казне значительную сумму; доходы, ранее никогда не покрывавшие издержек по управлению, были подняты до их уровня. Постоянную армию, прежде немногочисленную, но буйную, пополнили и приучили к строгой дисциплине, а в помощь королю против шотландских ковенантеров в Ирландии было набрано крупное войско, которому исправно платили жалованье... Страффорд с таким искусством устраивал выборы и играл на интересах местных партий, что сумел побудить ирландский парламент вотировать все меры, необходимые для уплаты старых налогов и содержания вновь набранной армии, причем ему ни разу не пришлось прибегать к тем незаконным средствам, которые шли в ход в Англии для удовлетворения государственных нужд. Управление его нельзя было обвинить в хищничестве и казнокрадстве»¹.

Именно на графа Страффорда английский парламент, созданный 3 ноября 1640 года, направил первый свой удар. Спустя восемь дней — 11 ноября — Палата общин приняла решение направить в Палату лордов послание о своем намерении выдвинуть против «лорда Уэнтворта, графа Страффорда, наместника Ирландии», обвинение в государственной измене и о желании исключить его из членов парламента и подвергнуть аресту². Лорды подержали Палату общин, и граф Страффорд в тот же день был арестован.

25 ноября 1640 года в верхнюю палату английского парламента были представлены «Статьи Общин, собравшихся в парламенте, против Томаса, Графа Страффорда, в поддержку их обвинения, посредством которого он привлекается к ответственности в Государственной измене». В данных Статьях говорилось: граф Страффорд «предательски пытался ниспровергнуть Фундаментальные Законы и Правление Королевств Англии и Ирландии и ввес-

¹ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 260–261.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. From April the 13th, 1640, in the Sixteenth Year of the Reign of King Charles the First, to March the 14th, 1642, in the Eighteenth Year of the Reign of King Charles the First. London, 1802. P. 26.

ти вместо него произвольное, тираническое и противозаконное Правление»; он «предательски присвоил себе Королевскую Власть над жизнями, свободами личностей, землями и имуществом подданных Его Величества в Англии и Ирландии и осуществлял ее тиранически»; «для того чтобы сильнее обогатиться и создать для себя возможность осуществлять свои предательские замыслы, он присвоил значительную часть доходов Его Величества, не давая какого-либо законного отчета, и изъяс огромную сумму денег из казны, обратив их в свою пользу, в то время как Его Величество испытывал острую нужду в них, и Его армия в течение длительного времени не получала платы»; он «предательски обесчестил Власть и Авторитет своего Правительства, усиливая, поощряя и поддерживая папистов»; что «он предпринял попытку возбудить неприязнь и враждебность между шотландскими и английскими подданными Его Величества»; «он предательски злоупотребил доверием Его Величества на посту генерал-лейтенанта Его армии, своевольно предавая различных подданных Его Величества смерти и способствуя позорному поражению армии Его Величества от шотландцев»; «для того чтобы предохранить себя от ответственности за эти и другие предательские действия, он стремился ниспровергнуть Права Парламентов и древний ход парламентских процедур и посредством обмана и злонамеренной клеветы настроить Его Величество против Парламентов». В заключение данного обвинительного акта заявлялось, что граф Страффорд стремился разделить короля и народ и тем самым разрушить королевства Его Величества и что за это общины обвиняют его «в государственной измене, направленной против Короля, Его Короны и Достоинства»¹.

Первоначально Палата общин предприняла попытку привлечь графа Страффорда к ответственности за государственную измену по правилам процедуры импичмента (*impeachment*). В соответствии с этими правилами члены Палаты общин, сформулировав статьи обвинения, должны были передать их в Палату лордов, которая выступала в этом случае как судебный орган. Решение, которое выносилось лордами в результате судебного процесса, должно было основываться на нормах английского права, которые действовали в момент совершения обвиняемым деяний, определенных Палатой общин в качестве преступлений.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 97.

К вышеприведенным статьям обвинения графа Страффорда в государственной измене члены нижней палаты английского парламента вскоре добавили целый ряд новых статей. Обвинительный акт, на основе которого 22 марта начался суд над Страффордом, состоял из 28 пунктов. Тем не менее попытка Палаты общин привлечь графа к ответственности посредством импичмента потерпела неудачу.

Признаки преступления, именуемого государственной изменой (*high treason*), были достаточно четко обозначены в английском законодательстве¹. Ни одно из деяний графа Страффорда, определенных Палатой общин в качестве государственной измены, данным признакам не соответствовало. В частности, самым серьезным из выдвинутых в отношении графа Страффорда обвинений было обвинение его в попытке «ниспровергнуть Фундаментальные Законы и Правление Королевств Англии и Ирландии». Но оно оказывалось эфемерным из-за отсутствия сколько-нибудь убедительных доказательств того, что такая попытка действительно имела место. Самое же интересное заключалось в том, что английское право вообще не знало такого вида государственной измены. Обвиняя Страффорда в попытке ниспровергнуть фундаментальные английские законы, и причем совершенно бездоказательно, Палата общин, в сущности, сама скатывалась к беззаконию, к ниспровержению тех самых «фундаментальных законов», которые она якобы защищала. Давид Юм писал по этому поводу: «Открытый общинами новый вид государственной измены совершенно неведом английским законам — точно так же, как и способ доказательства, который использовала палата для того, чтобы приписать эту вину подсудимому. Общины изобрели некий род *совокупных* или *логически выведенных* улик: действия сами по себе совершенно невинные либо незаконные лишь в незначительной степени, будучи сведены воедино, составляют якобы государственную измену, обрекая человека на самые тяжкие кары, предусмотренные законом. Резкое или неосторожное слово, опрометчивый или необдуманый поступок, извращенный двусмысленными толкованиями злобных и пристрастных обвинителей, с легкостью превращаются в

¹ См., напр.: Постановление о том, какие преступления должны считаться государственной изменой. Из Статута 1352 г., принятого в Вестминстере в Полном Парламенте // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. В. А. Томсинов. М., 2004. С. 306–307.

страшную вину, и таким образом жизнь и собственность любого англичанина, лишенные защиты правосудия, приносятся в жертву неограниченному произволу и самоуправству»¹. В этой связи не удивительно, что ряд английских правоведов, оппозиционно настроенных по отношению к королю Карлу I, выступили тем не менее против обвинения графа Страффорда в государственной измене. Среди них были, в частности, Дж. Селден и адвокат Дж. Гемпдена в судебном процессе по делу о корабельном сборе Холборн (*Holborne*).

В своей защитительной речи, произнесенной 12 апреля 1641 года, граф Страффорд легко отвел обвинения, выдвинутые против него Палатой общин, показав судьям, что данные обвинения не имеют опоры в английском праве и не основываются на фактах. «Милорды! — обращался граф к судьям в конце своего выступления. — Эти господа уверяют, что они стоят за благо общественное против моего самовластного произвола. Позвольте мне сказать, что я стою за благо общественное против их самовластной измены. Мы живем под сению законов: неужели мы должны умирать по законам, которые не существуют? Ваши предки заботливо заключили в наши статуты страшные наказания за государственную измену: не увлекайтесь честолюбием превзойти их в искусстве убивать. Не опирайтесь на несколько кровавых примеров, не ройтесь в старых протоколах, изъеденных червями и забытых в архивах, и не будите заснувших львов, которые могут впоследствии точно так же растерзать вас и детей ваших. Что касается меня, жалкого создания, то если б не интерес ваших светлостей и не интерес тех священных залогов, которые оставила мне святая, живущая теперь на небесах, я не стал бы так хлопотать о защите этого полуразрушенного тела, обремененного столькими болезнями, что мне, право, мало удовольствия донашивать это бремя»².

Логически стройная, проникнутая чувством речь графа Страффорда в свою защиту имела, однако, лишь одно последствие — его обвинители окончательно убедились в том, что осудить его за государственную измену в соответствии с правилами процедуры импичмента и на основании норм английского права невозможно³.

¹ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 262.

² Цит. по: Гизо Ф. История Английской революции. Ростов-на-Дону, 1996. Том 1. С. 237–238.

³ The Trial of the Earl of Strafford // Tanner J. English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. Cambridge, 1957. P. 277.

Палата лордов имела все основания для полного оправдания Страффорда, обвиненного нижней палатой парламента в государственной измене, и можно было не сомневаться, что именно это она и сделает. В таком исходе дела графа Страффорда, проходившего по процедуре импичмента, был уверен, в частности, правовед Джон Коук (*John Coke*)¹. «Без сомнения, они оправдают его, поскольку отсутствует закон, по которому он может быть приговорен за измену (*treason*)», — писал он 17 апреля 1641 года, прогнозируя результат рассмотрения дела Страффорда лордами. Тогда же Джон Коук высказал мнение, что обвинители графа постараются избежать суда лордов и будут «преследовать его на основании билля об опале (*bill of attainder*), посредством которого он будет осужден на смерть за объявленную ныне измену»².

Так и произошло на самом деле. Палата общин отказалась от процедуры импичмента и начала преследование непокорного графа на основании билля об опале³.

Билль об опале (*bill of attainder*) являлся по своему статусу законодательным актом парламента, вступавшим в действие в том порядке, в котором получали юридическую силу и другие парламентские законы, а также при условии, если на него давал свое согласие король. Поскольку билль об опале имел статус законодательного акта, Палата общин могла посредством его придать качество государственной измены даже тем деяниям, которые не рассматривались в английском праве как преступления такого рода. Более того, билль об опале допускал осуждение того или иного лица за деяние, которое в момент его совершения вообще не считалось в английском праве преступлением.

21 апреля 1641 года Палата общин окончательно приняла билль об опале, объявлявший графа Страффорда виновным в совершении государственной измены⁴.

¹ Сэр Джон Коук (1563–1644), государственный секретарь короля Карла I.

² Цит. по: *Firth Ch. H. The House of Lords during the Civil War. London, 1910. P. 83–84.*

³ Из документальных материалов, содержащихся во втором томе книги Уильяма Коббетта «Парламентская история Англии...», видно, что первое чтение билля об опале, направленного против графа Страффорда, состоялось в Палате общин еще 10 апреля 1641 г. (*Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 744*). Второе чтение — 14 апреля (*ibid. Col. 749*).

⁴ За принятие этого билля проголосовало 204 члена Палаты общин, против — всего 59 (*Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 753*).

3 мая началось рассмотрение данного акта в специальном комитете верхней палаты английского парламента. Одновременно на улицы Лондона вышли толпы горожан. Они буйствовали в течение двух дней, выражая в самой развязной манере свою ненависть к графу Страффорду. Список с именами 59 членов Палаты общин, проголосовавших против билля об опале, был вывешен на стене здания казначейства со следующим названием: «Имена тех людей, которые, спасая предателя, готовы предать свою страну»¹.

Лорды обратились 3 мая в Палату общин с просьбой о проведении конференции обеих палат парламента по вопросу о принятии мер против буйств лондонских обывателей, нарушающих привилегию парламентариев на свободу принятия любого решения. Общины заявили в ответ, что они заняты обсуждением предложенного Дж. Пимом акта о поддержке протестантской религии². 7 мая комитет Палаты лордов закончил рассмотрение билля об опале. Граф Страффорд был признан виновным по двум статьям представленного Палатой общин обвинительного акта — 15-й, в которой он обвинялся в применении вооруженного насилия при займе денег в Ирландии, и 19-й, обвинявшей его в навязывании подданным Ирландии присяги на верность верховной власти. Перед тем как принимать решение о поддержке билля об опале члены комитета пригласили судей и спросили у них, могут ли эти действия графа Страффорда быть квалифицированы в качестве государственной измены. Судьи ответили, что, по их мнению, за все это «граф Страффорд заслуживает того, чтобы быть подвергнутым карам и конфискации, назначенным законом за государственную измену»³.

Утром 8 мая билль об опале, отправлявший графа Страффорда на эшафот, был принят Палатой лордов.

Оригинальных документов, отражающих содержание дебатов по этому биллю и результаты голосования по нему, не сохранилось. После восстановления на королевском престоле Англии династии Стюартов приговор в отношении графа Страффорда был

¹ См.: *May Th.* The History of the Parliament of England, which began November the third, MDCXL (1640). Book 1. P. 96; Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 755–756.

² Этот акт был принят Палатой общин 3 мая 1641 г. См.: The Protestation // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 155–156.

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 239.

признан незаконным и все страницы из журнала заседаний Палаты лордов, отразившие рассмотрение его дела, были уничтожены¹. Не сохранилось и личных писем лордов, присутствовавших на заседании верхней палаты английского парламента 7 и 8 мая 1641 года, в которых бы рассказывалось о содержании выступлений на нем и о результатах голосования по биллю, решавшему судьбу графа Страффорда.

По неким косвенным данным можно судить, что в обсуждении билля об опале и в голосовании по нему принимали участие только 45 лордов. 26 из них проголосовали в поддержку этого билля, а 19 — против него². Но в некоторых исторических работах приводится другой результат голосования: 34 лорда — за билль, 11 — против³. Государственный секретарь сэр Генри Вэйн (*Henry Vane*), лично не присутствовавший 8 мая на заседании Палаты лордов, писал в письме к сэру Томасу Роу (*Thomas Roe*): «Этим днем Билль об опале графа Страффорда прошел Палату [лордов]. Многие из тех, кто оказались бы за него (то есть за Страффорда. — *B. T.*), отсутствовали; однако было 60 присутствующих, из которых 51 голосовало за билль и 9 — против него, судьи до этого высказали мнение, что согласно статутам измена была»⁴.

По мнению историка Чарлза Фёрта, отсутствие большей части лордов при голосовании по биллю об опале графа Страффорда нельзя объяснить тем, что они боялись расправы над собой. Этот мотив диктовал поведение лишь немногих членов Палаты лордов. «Действительное объяснение таится в изменении политической обстановки в последние дни перед принятием Билля». Палата об-

¹ В 1768 г. в журнал Палаты лордов были вставлены копии документов, зафиксировавших рассмотрение дела графа Страффорда (*Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 733*).

² Эти цифры приводятся в памфлете «*A Brief and Perfect Relation of the Answer and Replies of Thomas Earl of Strafford*», вышедшем в свет в 1647 г. «В субботу, 8 мая, — говорится в памфлете, — билль против лорда Страффорда был принят Лордами. Присутствовало сорок пять Лордов, из которых девятнадцать голосовало за него (то есть за Страффорда. — *B. T.*) и двадцать шесть против него; большая часть его друзей отсутствовала под предлогом (истинным или ложным) того, что они боятся толпы, в противном случае их голоса более чем уравновесили голоса, поданные за его смерть».

³ Этот результат голосования приводит, в частности, Давид Юм, ссылаясь на комиссара парламента Уайтлока (*Whitelocke*). См.: Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 268.

⁴ Цит. по: *Firth Ch. H. The House of Lords during the Civil War. P. 90.*

щин показала накануне свое решительное нежелание идти на компромисс в деле графа Страффорда. С другой стороны, лорды получили сведения о том, что король Карл I намерен разогнать парламент силой армии. В этих условиях парламент могло спасти только единство обеих его палат. Не страх перед толпой, но скорее боязнь разрыва с Палатой общин заставила членов Палаты лордов не препятствовать принятию билля об опале и, как следствие, казни ненавистного лидерам общин королевского сановника¹.

10 мая Карл I, идя наперекор собственной совести, но подчиняясь уговорам приближенных к нему лиц и давлению общественного мнения, принял решение согласиться с парламентским биллем, обрекавшим графа Страффорда на смерть. 11 мая в Парламент было передано послание короля с выражением его согласия с биллем и с просьбой отсрочить казнь до субботы (15 мая)². Однако парламентарии не вняли королевской просьбе. В соответствии с их решением граф Страффорд был казнен на следующий же день, то есть 12 мая 1641 года.

Обвинение в государственной измене выдвигалось английским парламентом и против других лиц. Например, в попытке ниспровергнуть фундаментальные законы Англии и установить тираническое правление — а следовательно, в государственной измене — был обвинен 19 декабря Уильям Лод³. Его так же, как ранее графа Страффорда, исключили при этом из состава парламента и арестовали, но казнили, правда, лишь через несколько лет (10 января 1645 г.). Обвинение в государственной измене было предъявлено Палатой общин и лорду-хранителю Большой печати Англии Дж. Финчу, но ему позволили бежать из Англии. 31 декабря 1640 года в Палату лордов были представлены «Статьи Общин, собравшихся в настоящем Парламенте, против сэра Георга Рэтклиффа (*George Ratcliffe*)⁴, рыцаря, в поддержку его обвинения, посредством которого он привлекается к ответственности за государственную измену»⁵.

¹ *Firth Ch. H.* The House of Lords during the Civil War. P. 91.

² *Cobbett's Parliamentary History.* Vol. 2. Col. 760.

³ Уильям Лод (*William Laud*, 1573–1645), епископ Лондонский с 1628 г., архиепископ Кентерберийский с 1633 г., советник Карла I по религиозным вопросам.

⁴ Сэр Георг Рэтклифф (1593–1657) — в некоторых источниках Джон Рэдклифф (*John Radcliff*) — юрист, олдермен и рекордер Честера, являлся близким другом графа Страффорда.

⁵ См.: *The Journals of the House of Lords.* Vol. 4. P. 120–121.

Однако именно дело графа Страффорда стало знаковым событием в политической жизни Англии первой половины 1641 года.

Не только самому королю и его сторонникам, но даже и самим обвинителям было очевидно, что обвинение графа Страффорда в государственной измене является целиком надуманным. Наверное, занимая высокие должности в королевской администрации, Страффорд действовал довольно жестко, а иногда и жестоко. Однако действовать в такой манере ему диктовали именно государственные интересы. В одном из писем к своему задушевному другу — человеку, перед которым он мог не притворяться, — Х. Уапдисфорду — граф Страффорд писал о своей деятельности в качестве наместника Ирландии: «Всякий беспристрастный человек принужден будет согласиться с тем, что одна только необходимость, предписываемая службой Его Величеству, могла меня принудить к строгости внешней и кажущейся — такова была единственная тому причина. Я нашел корону, церковь и народ преданными разграблению; я не мог льститься исторгнуть их из этого положения ласковыми взглядами и грациозными улыбками; нужно было воды погорячее. Конечно, когда власть устроена и упрочена, можно ее сохранять и поддерживать мерами кроткими и умеренными; но когда королевская власть — да позволено мне будет так выразиться — катится в глубину бездны, то нельзя ее оттуда извлечь, не употребив энергии, или поднять на прежнюю высоту иначе, как с крайним напряжением»¹.

Оказавшись волей судьбы в роли обвиняемого в государственной измене, а затем и на эшафоте, Томас Уэнтворт, граф Страффорд не уронил своего человеческого достоинства и поведением своим снискал уважение к себе даже со стороны своих судей и палачей. «Определенно можно сказать, что никогда никакой человек не играл такую роль в таком театре с большей твердостью ума и красноречием, с бóльшим благоразумием, рассудительностью и темпераментом; и с бóльшим благородством во всех своих словах и жестах, чем эта великая и превосходная личность, и он подвиг души всех, за редким исключением, своих судей к угрызениям совести и жалости»². Такие слова сказал впоследствии о графе Страффорде председатель парламентского комитета по его делу Уайтлок.

¹ Цит. по: Гизо Ф. История Английской революции. Том 1. С. 445–446.

² Цит. по: Cobbett's Parliamentary History. Vol. 2. Col. 748–749.

Английский парламент расправился с графом Страффордом не за то, что этот человек действовал вопреки интересам короля Карла I и Английского государства, а именно за слишком усердное служение этим интересам¹. О том, что обвинение графа Страффорда Палатой общин в государственной измене диктовалось сугубо политическими мотивами², свидетельствует и сама форма, в которую оно было облечено. Билль об опале издавна применялся парламентом Англии в качестве средства борьбы с теми политическими противниками, которых невозможно было привлечь к уголовной ответственности на основании действующих норм английского права. Он возник в самые, пожалуй, кровавые времена английской истории — в период войны между Йорками и Ланкастерами, длившейся с 1455 по 1485 год. В 1459 году билль об опале был использован в отношении Ричарда, герцога Йоркского³ и его

¹ Существуют некоторые свидетельства того, что граф Страффорд каким-то образом узнал о тайных переговорах лидеров парламентской оппозиции с руководством шотландской армии, в ходе которых была достигнута договоренность о вступлении шотландских войск в пределы Англии, и готовился выступить в английском парламенте с разоблачением предательства этих лидеров. Как известно, именно указанная военная акция шотландцев поставила короля Карла I перед необходимостью созвать парламент. Любопытно, что впоследствии Палата общин открыто поддержала шотландскую армию, проголосовав за выделение в ее распоряжение значительных денежных сумм.

² Историк Ч. Фёрт, согласившись с тем, что для Палаты общин «вопрос о вине или невиновности Страффорда» был политическим вопросом, высказал мнение, что для Палаты лордов он был вопросом юридическим, «который должен быть юридически обоснован, и обвиняемый должен быть облечен определенными правами» (*Firth Ch. H. The House of Lords during the Civil War. P. 80*).

³ В апреле 1454 г. Ричард Йоркский был провозглашен «Протектором и Защитником Королевства и Церкви» при больном короле Генрихе VI (см.: *Bacon N. The Continuation of the Historical and Political Discourse of the Laws and Government of England until the end of the Reign of Queen Elizabeth with a Vindication of the ancient way of Parliament in England. London, 1682*). Болезнь короля была настолько серьезной, что оставляла мало надежд на его выздоровление. Единственный же сын Генриха VI был младенцем, не достигшим еще и одного года от роду. В этих условиях Ричард как родственник большого короля надеялся, что будет править долго. Однако в декабре 1454 г. Генрих VI неожиданно выздоровел. И без промедления лишил Ричарда всех чинов и званий. В мае 1455 г. оскорбленный герцог Йоркский начал открытую борьбу против своего кузена Генриха VI за королевский трон Англии. Вследствие этого развернулась междоусобная война между двумя ветвями королевской династии Плантагенетов — Ланкастерами и Йорками. В исторической литературе ее часто называют войной Алой и Белой Роз. 30 декабря 1460 г. Ричард, герцог Йоркский был убит в жестокой битве с королевскими войсками.

сторонников, потерпевших поражение в войне с Генрихом VI. В 1460 году Ричард взял реванш у короля, и английский парламент отменил свой билль об опале, принятый против него годом ранее. В конце 1461 года билль об опале был применен против низложенного с королевского престола Генриха VI, его супруги Маргариты, сына Эдуарда и более сотни сторонников этой семьи. Причем в числе обвиненных в государственной измене данный билль назвал семь пэров, погибших в войне с Йорками, назначив им в качестве наказания конфискацию имущества. После этого билль об опале использовался еще несколько раз, и в каждом случае он служил средством закрепления победы той или иной политической группировки над своими противниками.

По окончании войны билль об опале продолжал применяться в практике английского парламента, но значительно реже, чем прежде. В 1540 году был осужден за государственную измену на основании такого рода билля лорд Томас Кромвель. В первые же десятилетия XVII века, вплоть до весны 1641 года, билль об опале не использовался парламентом.

В то же время применение импичмента для преследования должностных лиц королевской администрации было неоднократным. Так, в 1621 году были обвинены и осуждены в порядке импичмента Ж. Момпессон и Ф. Митчелл. В том же году парламентом был привлечен к ответственности в указанном порядке лорд-канцлер сэра Фрэнсис Бэкон, барон Вераламский. Влиятельный государственный деятель и известный философ был обвинен в причинении ущерба государству Англии и приговорен к заключению и уплате штрафа в 40 000 фунтов. Парламентарии впоследствии особо гордились тем, что им удалось отстранить от высокой должности и предать суду человека, находившегося в фаворе у короля¹.

¹ Неизвестный автор, выпустивший в свет в 1628 г. брошюру «Привилегии и практика Парламентов Англии», включил «разоблачение и смещение сэра Фрэнсиса Бэкона, сделанного Королем Джеймсом (Яковом) Бароном Вераламским и виконтом Сэнт-Албанским и Лордом-Канцлером Англии, очень печального (grievous) для Государства Англии взяточничеством» в число наиболее «памятных дел, совершенных Парламентами Королевства Англии» (The Privileges and Practice of Parliaments in England. Collected out of the Common Lawes of this Land, seen and allowed by the Learned in the Laws. Commended to the High Court of Parliament now Assembled. Printed 1628. P. 44–45). Король Яков I не дал своего согласия на приговор, вынесенный парламентом Ф. Бэкону, однако от должности его отстранил, назначив ему щедрую пенсию размером 1800 ф. ст. в год. Но

Дело графа Страффорда не стало для парламентариев предметом подобной гордости. Оно оказалось, в сущности, одной из самых позорных страниц в истории английских парламентов. Обратившись для достижения своей цели к такому средству, как билль об опале, парламентарии тем самым взяли в свои руки то, что было создано не для мира, а для войны — то, чем когда-то воевали, чем убивали своих противников. Посредством билля об опале и с помощью лондонской толпы вожди парламентской оппозиции совершили то, что можно с полным основанием назвать **политическим убийством**.

В деле графа Страффорда открыто и отчетливо проявилась склонность парламентариев мыслить с позиций не закона, а необходимости. Такой способ мышления недопустим для людей, выступающих в качестве законодателей и судей. Но он свойствен революционерам или тем, кто считает себя находящимся в состоянии войны.

Момент начала работы «долгого парламента» — 3 ноября 1640 года — лишь условно можно назвать началом английской революции. Революции не принадлежат к тем общественным явлениям, которые начинаются и заканчиваются в какой-то момент. Их предпосылки складываются в течение целого ряда лет, а то и десятилетий. Но тайна революций скрывается не только в тех общественных процессах, которые совершаются в период, предшествующий революции, но и в перипетиях самих революций. Пик английской революции середины XVII века приходится на январь — март 1648/1649 года — время, когда был казнен король Карл I, когда революционеры упразднили институт королевской власти и ликвидировали Палату лордов. Эти катастрофические события представляют собой самое яркое, самое сильное выражение данной революции¹. Но где таятся их истоки? Поиск предпосылок катастрофы, разрушившей в указанные месяцы традиционную английскую государственность, будет бесплодным, если мы станем искать их в английском обществе дореволюционной эпохи.

самым главным утешением для бывшего сановника, ниспровергнутого парламентом в бесчестие, стала приобретенная им вследствие лишения всех государственных должностей возможность сполна предаться философии и литературному творчеству.

¹ Некоторые английские историки полагают в связи с этим, что начало английской революции следует датировать не ноябрем 1640 г., а январем 1648/1649 г.

Такой поиск будет малорезультативным даже в том случае, если мы обратимся к первым годам революции. Истоки данной катастрофы таятся в тех общественных процессах, которые произошли в Англии в 1642–1648 годах, то есть во время двух гражданских войн.

Но предпосылки самих этих войн формировались в значительной степени в течение 1641 — первой половине 1642 года.

Расправа вождей парламентской оппозиции над графом Страффордом создала одну из таких предпосылок. Король, принужденный дать согласие на казнь своего ближайшего сподвижника по управлению страной — человека, которому он обещал, что ни один волос не упадет с его головы, был оскорблен этой казнью в такой степени, что примирение его с оскорбителями становилось отныне невозможным¹.

Голосование по биллю, обвинявшему Страффорда в государственной измене, раскололо и сам парламент на две группировки, враждебно настроенные по отношению друг к другу.

Казнь несчастного графа означала, что борьба, которую вели между собой различные политические группировки, дошла уже до той степени ожесточения, когда убийство политического противника стало рассматриваться в качестве необходимого условия победы. Следовательно, дух гражданской войны уже витал в английском обществе весной 1641 года.

¹ До этого такое примирение было вполне возможным. Карл I вплоть до мая 1641 г. носил в себе намерение ублажить лидеров парламентской оппозиции высокими должностями в своей администрации, и ряд очень влиятельных лидеров был готов принять это предложение короля с тем, чтобы, сосредоточив в своих руках высшие правительственные посты, осуществить необходимые реформы государственного строя Англии. В частности, весной 1641 г. в состав Тайного совета королем были включены такие лидеры парламентской оппозиции, как графы Бедфорд и Эссекс, лорд Кимболтон. Авторитетный среди оппозиции правовед Сент-Джон был назначен генеральным солиситором, а следовательно, тоже вошел в Тайный совет. В начале мая готовилось назначение графа Бедфорда на высокую должность лорда-казначея, но он неожиданно умер (9 мая). Лидер оппозиции в Палате общин Дж. Пим должен был получить назначение на должность канцлера казначейства. Д. Холлиса король намеревался сделать государственным секретарем, графа Эссекса — начальником Тауэра, главной лондонской тюрьмы, Дж. Гемпдена — наставником наследника престола Карла, принца Уэльского. Казнь графа Страффорда сделала невозможными эти предполагавшиеся назначения лидеров парламентской оппозиции на высокие должности в королевской администрации.

Этот дух пропитывал собою всю деятельность английского парламента. Он проявлялся, например, в тех приступах страха, которые время от времени охватывали вождей парламентской оппозиции королю, — вожди боялись, что король обзаведется вдруг какой-нибудь армией и с ее помощью расправится с непослушными ему парламентариями. Дух войны проступал в терминологии, использовавшейся в парламентских речах, в словесных дуэлях представителей боровшихся политических группировок. В них все чаще употреблялись такие словосочетания, как «борьба с тиранией», «защита нации», «изменник отечеству», «враг народа».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1642 ГОДА: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*«The Tongue hath made some wounds
as well as the hand;
and the sword hath never been so keene,
had it not bene whetted by the Pen»¹.*

Henry Parker
The contra-replicant, his complaint to His Maiestie.
London, 1643. P. 1.

1. Начало подготовки к гражданской войне

Предпринятая Карлом I в начале января 1641/1642 года попытка арестовать лидеров парламентской оппозиции и последо-

¹ «Язык наносит раны так же, как и рука; и меч никогда не был бы столь острым, если бы он не был заточен пером». Генри Паркер (*Henry Parker*, 1604–1652) — идеолог английской революции, автор целой серии трактатов, посвященных проблемам государственного строя Англии, возникшим в результате конфликта между королем и парламентской оппозицией. По словам историка У. К. Йордана, «Генри Паркер был наиболее оригинальным и, это вполне можно доказать, наиболее значительным политическим теоретиком революционной эры» (*Jordan W. K. Men of Substance: A Study of the Thought of Two English Revolutionaries, Henry Parker and Henry Robinson. Chicago, 1942. P. 140*).

вавший из-за ее неудачи отъезд Его Величества из Лондона¹ ознаменовали собой начало нового этапа политической борьбы в Англии. И сторонники Карла, и те, кто находился в оппозиции к нему, восприняли данные события в качестве явного признака того, что король окончательно оставил надежды на разрешение своего конфликта с парламентской оппозицией мирным путем. И первые же действия Его Величества после оставления столицы показали, что он действительно стал готовиться к войне.

В качестве своей новой резиденции Карл сначала выбрал дворец Гэмптон-корт (Hampton-Court), расположенный на расстоянии около 12 миль (19 км) от центра Лондона, но затем счел более удобным для себя находившийся немного дальше от Лондона дворец в Виндзоре и 13 января переехал туда вместе с королевой и детьми. Для ведения войны необходима была армия — король не мог заниматься ее организацией в настроенной враждебно по отношению к нему столице. Виндзор являлся более удачным для этого местом. Вместе с тем, пребывая здесь, Его Величество мог получать известия о происходящем в Лондоне и в парламенте без большого промедления.

11 января, на следующий день после отъезда короля из Лондона, Палата общин рассмотрела в трех чтениях и приняла «Акт, уполномочивающий лордов и общины переносить заседания парламента с места на место, если они увидят для этого причину (An Act enabling the Lords and Commons to adjourn this present Parliament, from place to place, as they shall see Cause)². Данный акт был без промедления одобрен лордами³.

В тот же день парламент принял решение взять под свой контроль армейский склад в городе-крепости Галл (Hull) в Йоркшире. Хранившегося там оружия и амуниции было достаточно для

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Законодательная деятельность «Долгого парламента» во второй половине 1641 – начале 1642 г. // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2002. С. 106–112.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. From April the 13th, 1640, in the Sixteenth Year of the Reign of King Charles the First, to March the 14th, 1642, in the Eighteenth Year of the Reign of King Charles the First. London, 1802. P. 370.

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. Beginning Anno Quarto Caroli Regis. London, 1802. P. 505. Король в своем ответе на предложение утвердить этот акт сообщил парламентариям 15 января, что ему необходимо дополнительное время для его рассмотрения (см.: The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 385).

экипировки воинского подразделения численностью в 16 000 человек¹. Охрану крепости и склада обеспечивал военный отряд численностью в тысячу человек, но в начале января 1641/1642 года он по какой-то причине был выведен из Галла. Парламентарии назначили Джона Готэма (*John Hotham*) губернатором Галла и передали под его командование военные отряды Йоркшира, приказав им как можно быстрее занять крепость и обеспечить сохранность армейского склада. При этом обе палаты постановили, что губернатор Галла не может быть смещен со своего поста королем иначе, как по представлению парламента².

Довольно большой армейский склад имелся и в лондонском Тауэре. 12 января Палата лордов одобрила принятое накануне Палатой общин постановление о запрете вывозить из Тауэра какое-либо военное снаряжение без королевского приказа, подтвержденного согласием парламента³. На следующий день парламентарии решили поставить на должность коменданта этой крепости нового человека вместо назначенного королем Джона Байрона. Их выбор пал на сэра Джона Конерса (*John Conyers*)⁴. 9 февраля парламент обратился к Карлу I с петицией о его назначении и через день получил королевское согласие на это⁵.

Узнав о мерах, принятых парламентом в отношении крепости Галл, Карл I назначил 11 января на пост губернатора Галла графа

¹ Данный склад был создан в 1640 г. для ведения войны с шотландцами и являлся, после склада вооружений в лондонском Тауэре, крупнейшим в Англии (см.: *Broxap E. The Sieges of Hull during the Great Civil War // The English Historical Review. 1905. Vol. 20. № 79. P. 459*).

² Текст данного постановления опубликован в четвертом томе «Журналов Палаты лордов». См.: *The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 505* («Hereupon it was Ordered, That some of the Trained Bands of *Yorkshire*, nearest to Hull, in the said County, under the Command of Sir *John Hotham*, Knight, shall with all Speed be put into the said Town of *Hull*, for the securing of the King's Magazine there, and the said Town; and hereof the said Sir *John Hotham* is (by virtue of this Order) commanded to perform it accordingly; and the said Sir *John Hotham* is to command the Town and Forces therein; and all Parties whom it concerns shall give their Obedience unto the said Sir *John Hotham* and his Ministers; and lastly, that Sir *John Hotham*, or who else he shall appoint under him, shall not deliver up the Town of *Hull*, or Magazine there, or any Part thereof, without the King's Authority, signified unto him by the Lords and Commons now assembled in Parliament»).

³ *The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 508*.

⁴ *The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 376*.

⁵ *The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 573*.

⁵ *Ibid. P. 577*.

Ньюкастла (*Earl of Newcastle*), а охрану армейского склада поручил обеспечить капитану Леггу (*Captain Legg*). Борьба за контроль над Галлом между королем и парламентской оппозицией будет идти всю весну и лето 1642 года, продолжится она и после того, как в Англии разгорится гражданская война¹.

12 января парламентарии узнали из сообщения Теофируса Калькотта, что накануне в городке Кингстон на Темзе (*Kingston upon Thames*)², то есть всего в трех милях от Гэмптон-корта, был замечен отряд из 500 или более кавалеристов под командованием полковника Лансдорфа (*Lunsdorf*)³. Депутаты встревожились, поскольку в этой местности находился склад с вооружением графства Сари (*Surrey*), и приняли решение создать специальный комитет с целью обсуждения этой информации и подготовки соответствующего доклада для конференции обеих палат. Комитет предложил направить шерифам Сари и ближайших графств приказ парламента рассеять данный отряд и обеспечить охрану армейских складов. Данный приказ был выполнен без особых затруднений.

Неудачные попытки короля получить в свое распоряжение армейские склады дали понять Его Величеству, что ему не удастся создать боеспособной армии в ближайшие месяцы. Более того, первые дни пребывания Карла I за пределами Лондона показали, что и солдат у него не будет в достаточном количестве: англичане в массе своей явно не хотели воевать. Впрочем, в то время и парламентская оппозиция не могла создать необходимой для ведения войны армии.

В этих условиях противоборствующим сторонам ничего не оставалось делать, как демонстрировать свое стремление к сохранению мира в Английском королевстве.

¹ См. об этом: *Broxap E. The Sieges of Hull during the Great Civil War. P. 457–473.*

² В настоящее время пригород Лондона.

³ *The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 372.* В заметках об указанном заседании Палаты общин, сделанных депутатом Ральфом Вернеем, говорится, что в Кингстоне было замечено 200 кавалеристов и пеших воинов под командованием Лансфорда и 100 всадников под командованием лорда Дигби (см.: *Verney Papers. Notes of Proceedings in the Long Parliament, temp. Charles I. Printed from original pencil memoranda taken in the House by Sir Ralph Verney, knight, member for the borough of Aylesbury / Edited by John Bruce. London, 1845. P. 144).*

В своем послании из Виндзора к обеим палатам парламента, датированном 14 января 1641 года¹, Карл I выражал мнение, что забота парламентариев о привилегиях парламента увеличит степень их заботы о его королевской прерогативе, которая «необходима для взаимной защиты друг друга и которая также станет основанием для вечного и совершенного взаимопонимания между Его Величеством и Парламентами и для счастья и процветания этого народа»². Палата общин, в свою очередь, приняла 17 января 1641/1642 года декларацию, в которой лица, пытавшиеся каким-либо образом «вызвать или поддерживать разногласие или неприязнь между Королем и Парламентом», объявлялись «общественными врагами Государства и Мира этого Королевства (publick Enemies of the State and Peace of this Kingdom)» и соответственно подлежащими преследованию³. В тот же день Палата лордов присоединилась к данной декларации и тем самым придала ей форму постановления всего парламента⁴.

20 января в Палате лордов было зачитано новое послание Карла I парламентариям⁵. Король сообщал в нем, что озабочен раздорами в стране, которые не могут не принести вреда всему правлению, и хорошо сознает, что больше всех обязан предпринимать меры, необходимые для их искоренения, и готов скорее пожертвовать какой-либо частью своего достоинства, чем потерять время для предотвращения этих угрожающих бедствий. Однако, отмечал он, и парламент должен со всей быстротой войти в серьезное обсуждение всех тех мер, которые следует предпринять для этого и «для защиты и поддержки справедливой и Королевской Власти Его Величества (for the upholding and maintaining of His

¹ Эта дата соответствует 24 января 1642 г. по Григорианскому календарю.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 514.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 383.

⁴ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 518.

⁵ В феврале 1641/1642 г. текст данного королевского послания был издан в виде брошюры. См.: His Majesties Message to both Houses of Parliament, January, 20. And the Petition of the House of Commons, Jan., 26. With His Majesties Answer, Jan., 28. Together with the Scot Commissioners Propositions for Ireland, and the Resolutions of both Houses of Parliament therein: with His Majesties Answer thereunto. London, 1641 (год издания дан по Юлианскому календарю). Факт выхода в свет этой брошюры, общим объемом в 24 страницы, показывает, что король не надеялся убедить парламент, но обращался к образованным слоям населения за поддержкой.

Majesty's just and Regal Authority) и назначения налогов, так же как для упрочения в настоящее время и на будущее своих привилегий, свободы пользования своими имуществами и судьбами, личных вольностей, защиты истинной религии, исповедуемой в Церкви Англии»¹.

Предупреждение короля об опасности раздоров для устоев государства были восприняты парламентариями в качестве еще одного проявления слабости со стороны Его Величества. Парламентская оппозиция поспешила воспользоваться сложившейся ситуацией и лишить Карла I самых действенных рычагов государственной власти.

25 января Палата общин приняла и на следующий день отправила петицию в адрес короля, в которой, сославшись на его обращение, датированное 20 января, попросила его «Священное Величество» поднять парламент «на прочное основание безопасности и доверия» путем передачи Тауэра и других главных фортов королевства и всей его милиции в руки таких лиц, которым парламент Англии может доверять и которые будут рекомендованы Его Величеству обеими парламентскими палатами². По словам графа Кларендона, «король не был встревожен при получении этой петиции»³. Однако ответ на нее Карла I, зачитанный в Палате лордов 1 февраля, показывает, что Его Величество вполне сознавал, что передача фортов и милиции под контроль парламента опасна для него лично и разрушительна для традиционной юридической конструкции государственного строя Англии. Отвечая парламентариям, король согласился, что форты и замки королевства «должны быть всегда в таких руках (и только таких), которым парламент может безопасно доверять. Однако, — спокойно добавил Карл, — назначение каких-либо лиц на эти места (будучи также главным и не отделимым от Его Короны цветком) принадлежащее Ему и перешедшее к Нему от Его Предков, по фундаментальным законам Королевства, Он сохранит за Собой». При этом Его Величество обещал парламентариям, что «не будет склонен выражать

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 523; His Majesties Message to both Houses of Parliament, January, 20. P. 2–3.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 395.

³ The History of the Rebellion and Civil Wars in England, to which is added An Historical View of the affairs of Ireland, by Edward Earl of Clarendon. A new edition. London, 1826. P. 200.

свой фавор какому-либо другому лицу, кроме того, чье хорошее поведение покажется очевидным всем или парламенту, и если он в настоящее или в будущее время облечет таким доверием из-за недостатка информации незаслуженное лицо, то он готов и всегда будет готов предоставить его разуму и правосудию Своего Парламента»¹.

Относительно же притязания парламентариев взять под свой контроль милицию, король напомнил им, что законом она подчинена приказам только Его Величества и власти, законным образом истекающей от него; и если парламент предложит ему другой порядок командования милицией, то Его Величество даст на это предложение ответ, соответствующий его чести и безопасности его народа. Карл заверил парламент, что будет решительно отвергать только те меры, которые «изменяют фундаментальные законы и подвергнут опасности сам фундамент, на котором общественное счастье и благополучие Его Народа основано и учреждено, и будут питать более глубокую и более разрушительную вражду между Коронай и Подданным, чем та, каковая покажется уничтоженной таким удовлетворением»².

Выслушав обращение короля к парламенту, члены Палаты лордов приняли решение объявить лиц, посоветовавших Его Величеству дать такой ответ, «врагами общественного мира и безопасности Королевства»³. Вместе с тем в этот раз лорды дали согласие присоединиться к новой петиции Палаты общин в адрес Его Величества с просьбой передать форты и милицию королевства «в руки таких лиц, которым парламент Англии может доверять и которые будут рекомендованы Его Величеству обеими парламентскими палатами»⁴. Перемена в настроениях лордов произошла во многом под влиянием совершенно бесцеремонного давления на них, организованного вождями парламентской оппозиции. По сло-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 557.

² «His Majesty being resolved only to deny those Things, the granting whereof would alter the fundamental Laws, and endanger the very Foundation, upon which the public Happiness and Welfare of His People is founded and constituted, and would nourish a greater and more destructive Jealousy between the Crown and the Subject than any of those which would seem to be taken away by such a Satisfaction» (ibid. P. 558).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

вам английского историка Майкла Мендла, «в течение brutальной недели, с 25 января до 1 февраля, Пим¹ и его союзники сделали все, что могли, дабы выбить лордов с их промежуточной (intermediate) позиции»².

Новая петиция, составленная от имени общин и лордов, была утверждена на заседаниях парламентских палат 2 февраля³. Для ее доставки к королю парламент назначил делегацию из двух лордов и двух коммонеров.

4 февраля на заседании Палаты лордов был зачитан ответ Его Величества: Карл сообщил, что «получил послание от обеих палат и решил принять его к зрелому рассмотрению, как того заслуживает важность дела, и возвратит скорый ответ до или после субботы, если сможет»⁴.

2. «Акт о лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть» от 5/15 февраля 1641/1642 года

Разворачивая подготовку к военному столкновению с королем, вожди оппозиции старались укрепить свои позиции в английском парламенте. Результаты голосования по вопросу принятия «Великой Ремонстрации» показали, что у Карла I имелось довольно много сторонников в Палате общин⁵. В верхней же палате пар-

¹ Джон Пим (*John Pym*, 1584–1643) — член Палаты общин, лидер парламентской оппозиции в «долгом парламенте», инициатор преследования графа Страфффорда и архиепископа Лода, на парламентских заседаниях постоянно выступал за резкое расширение полномочий парламента. См. о нем: *Hexter J. H. The Reign of King Pym*. Harvard, 1941.

² *Mendle M. The Great Council of Parliament and the First Ordinances: the Constitutional Theory of the Civil War // The Journal of British Studies*. 1992. Vol. 31. № 2. P. 153.

³ *The Journals of the House of Commons*. Vol. 2. P. 409–410; *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 559–560.

⁴ *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 561.

⁵ Против принятия этого документа проголосовало 148 членов Палаты общин. Английский историк Кристофер Хилл сделал на основании этого факта вывод о том, что истоки реальной силы парламентской оппозиции Карлу I находились вне Палаты общин, а в Лондоне, «который избрал в парламент в 1640 г. четырех радикалов» (*Hill Ch. The Century of Revolution*. London, 1980. P. 119).

ламента его приверженцы и вовсе составляли подавляющее большинство. Самой надежной опорой короля были духовные лорды — епископы. Именно на них противники Его Величества направили главный удар.

В течение весны и лета 1641 года парламентская оппозиция неоднократно пыталась добиться удаления епископов из парламента посредством принятия «Акта, отстраняющего епископов и других лиц в духовных сословиях от вмешательства в светские дела (An Act to restrain Bishops, and others in Holy Orders, from intermeddling with Secular Affairs)¹. Однако верхняя палата неизменно выступала против удаления духовных лордов из парламента². 8 июня лорды проголосовали против принятия вышеуказанного акта³.

Отъезд Карла I из Лондона вызвал растерянность среди лордов — оппозиция поспешила воспользоваться этим и сумела 5/15 февраля 1641/1642 года провести в верхней палате «Акт о лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть (An Act for disabling all Persons in Holy Orders to exercise any Temporal Jurisdiction or Authority)⁴. В тот же день он получил одобрение и нижней палаты, которая внесла в него при этом незначительные поправки⁵.

7 февраля Палата лордов назначила двух пэров (графа Монмауса и лорда Кравена) для доставки текста указанного законопроекта Карлу I. На следующий день король сообщил парламенту, что принял акт о лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть к своему рассмотрению, но дело это важное, и ответ он даст в подходящее время⁶.

9 февраля Карл переехал из Виндзора в Гэмптон-корт. Спустя два дня он отправился оттуда вместе с супругой и дочерью Мэри в Дувр с намерением посадить их на корабль, плывущий в Голландию. Его Величество надеялся, что Генриетте-Мэри удастся продать там драгоценности Короны и закупить на вырученные

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 159, 165–167.

² См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 259.

³ Ibid. P. 269.

⁴ См.: Ibid. P. 564.

⁵ См.: The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 414.

⁶ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 568.

деньги оружие для армии, которую он решил создать во что бы то ни стало.

13 февраля Его Величество был в Кэнтербери (*Canterbury*) и здесь утвердил акт, изгонявший епископов из Палаты лордов. В своем послании парламенту по этому поводу король отметил, что освобождение священнослужителей от забот о светских делах позволит им проявлять больше заботы о своей душе¹.

Проект подобного документа Палата общин рассматривала еще в октябре 1641 года. Он именовался тогда «Актом о признании всех лиц духовных сословий неспособными осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть (*An Act for disabling all Persons in Holy Orders to exercise any Temporal Jurisdiction or Authority*). 23 октября нижняя палата приняла его и передала на рассмотрение в Палату лордов². В протоколе заседания верхней палаты, которое состоялось в этот день, данный законопроект назван «Актом о лишении всех лиц духовных сословий полномочия осуществлять светскую юрисдикцию (*An Act for disabling all Persons in Holy Orders to exercise any Temporal Jurisdiction*)»³. Палата общин просила лордов принять указанный акт насколько возможно быстрее, однако лорды проигнорировали эту просьбу и рассмотрели его лишь в первом чтении. Второе чтение было назначено на 27 октября. Но оно не состоялось: от ряда лордов поступило предложение перенести его на следующую сессию на том основании, что билль подобного содержания во время текущей сессии уже рассматривался и был отклонен⁴. Палата решила обсудить этот вопрос на следующий день. 28 октября, после долгих дебатов, лорды приняли постановление о том, что «дальнейшее рассмотрение предложений, поступивших из Палаты общин, и билль под названием “Акт, лишаящий всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять светскую юрисдикцию” следует перенести на 10 ноября»⁵. Но в указанный день лорды об этом билле даже не вспомнили.

Стремясь принудить строптивых лордов к принятию решения об удалении епископов из парламента, вожди оппозиции прибегли к помощи лондонской толпы. В декабре 1641 года в Вест-

¹ См.: *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 580.

² *The Journals of the House of Commons*. Vol. 2. P. 293.

³ *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 402.

⁴ *Ibid.* P. 407.

⁵ *Ibid.* P. 408.

министере регулярно проходили шествия лондонских обывателей, яростно выкрикивавших «Долой епископов! Долой лордов-папистов!». Епископы, следовавшие на заседание парламента, подвергались при этом самым настоящим оскорблениям. 30 декабря архиепископ Йоркский и двенадцать епископов подали королю протестацию (protestation), в которой сообщили, что они подвергаются угрозам и оскорблениям по пути в парламент и потому не в состоянии исполнять обязанности парламентариев без риска для своей жизни. Архиепископ и епископы заявили о своем отказе посещать парламентские заседания до тех пор, пока эти угрозы и оскорбления не прекратятся, и объявили о том, что не признают актов, которые будут приняты парламентом в их отсутствие. Карл I благосклонно отнесся к данной протестации и передал ее лорду-хранителю Большой печати для представления в Палату лордов.

При рассмотрении протестации на парламентской конференции все лица, подписавшие ее, были обвинены представителями Палаты общин в попытке ниспровергнуть основные законы Английского королевства и в посягательстве на существование парламента Англии. В результате совместным решением обеих палат они были исключены из состава парламента и арестованы.

31 декабря Палата общин обратилась к лордам с посланием, в котором напомнила о том, что несколько месяцев назад в их палату поступил билль об исключении из ее состава епископов. Выразив понимание того, что лорды заняты многими другими делами, нижняя палата высказала пожелание, чтобы данный билль был рассмотрен ими как можно быстрее, поскольку он является делом огромной важности. Лорды ответили, что «примут его к рассмотрению в подходящее время»¹.

«Подходящее» время наступило только 5/15 февраля 1641/1642 года. При сравнении текста акта, прошедшего в этот день Палату лордов и утвержденного через восемь дней королем, с текстом билля, принятого 23 октября нижней палатой английского парламента, можно обнаружить перемену в дате приведения его предписаний в действие² и вставку двух новых слов. В октябрь-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 500.

² В билле такой датой назначалось 10 ноября 1641 г., а в тексте закона, утвержденного королем, — 15 февраля 1641 г. (1642 г. — по Григорианскому летоисчислению).

ском билле говорилось о том, что ни одно лицо духовных сословий не будет «иметь права избираться или голосовать, или пользоваться или осуществлять какую-либо власть или полномочие ни в Парламенте этого Королевства, ни в Тайном совете Его Величества...»¹. В законе же от 5/15 февраля речь шла о том, что ни одно лицо духовных сословий не будет «иметь какой-либо **должности или места**, права избираться или голосовать или пользоваться или осуществлять какую-либо власть или полномочие ни в Парламентах этого Королевства, ни в Тайном совете Его Величества, его наследников или преемников...»² (выделено мною. — *В. Т.*). Добавление в рассматриваемый акт слов «места или должности» всего лишь делало яснее главную его цель, которая заключалась в удалении духовных лордов из английского парламента.

Любопытно, что из текстов парламентских актов специальное упоминание о духовных лордах было изъято задолго до того, как билль об удалении «лиц духовных сословий» из парламента получил силу закона. В «Акте для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе парламента», который был принят 15 февраля 1640/1641 года, речь шла о нормах, установленных королем «с согласия *Лордов духовных и светских* и Общин, собравшихся в этом настоящем Парламенте (with consent of the Lord's spiritual and temporal, and the Commons in this present Parliament assembled)»³. Но «Акт для предотвращения неудобств, которые могут возникнуть вследствие несвоевременного перерыва в сессии, приостановки деятельности или роспуска этого настоящего Парламента», утвержденный королем 10 мая 1641 года, говорил о предписаниях, объявленных и установленных Его Величеством «с согласия *Лордов* и Общин, собравшихся в этом настоящем Парламенте (with consent of the Lords and Commons in this present

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 293; The Parliamentary History of England from the earliest period to the Year 1803. Vol. 2: A. D. 1625–1642. London, 1807. Col. 916.

² «By authority of this present Parliament be it enacted, that no Archbishop or Bishop or other person that now is or hereafter shall be in Holy Orders, shall at any time after the 15th February, in the Year of Our Lord one thousand six hundred forty-one, have any seat or place, suffrage, or voice, or use, or execute any power, or authority in the Parliaments of this Realm, nor shall be of the Privy Council of His Majesty, his heir, or successors...» (The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. 3d ed., rev. / Sel. and ed. S. R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 242).

³ Ibid. P. 144.

Parliament assembled)»¹ (выделено мною. — В. Т.). Просто о «лордах», без упоминания лордов «духовных и светских», говорилось и в последующих парламентских актах — Акте о потонном и пофунтовом сборах от 22 июня 1641 года², Акте о корабельных деньгах от 7 августа 1641 года³, принятом в тот же день «Акте для придания определенности лесам и о границах, размерах, пределах и ограничениях лесов»⁴ и в «Акте для предотвращения обременительных процедур, касающихся Рыцарского Сословия» от 10 августа 1641 года⁵ и др.

«Акт для [упорядочения] Тайного Совета и для упразднения Суда, обыкновенно называемого Звездной Палатой» от 5 июля 1641 года сообщал о предписаниях, установленных «авторитетом этого настоящего Парламента»⁶, и при этом вообще не упоминал лордов (о короле и об общинах в этом случае также умалчивалось). Согласно «Акту о лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или власть» его нормы также устанавливались только «авторитетом этого настоящего Парламента»⁷.

Изъятие из текстов законодательных актов общепринятой в прежние времена формулировки — *«пусть будет установлено Наипревосходнейшим Королевским Величеством с согласия духовных и светских Лордов и Общин, собравшихся в настоящем Парламенте»* и появление вместо нее словосочетания — *«пусть будет установлено авторитетом этого настоящего Парламента»* отражало произошедшее в Англии в течение 1641 года уменьшение значения Палаты лордов и одновременное умаление королевской власти.

Обратной стороной данного процесса было возрастание политического значения Палаты общин, которая все более подчиняла лордов своему давлению и соответственно все чаще выступала от имени парламента в целом.

Вместе с «Актом о лишении всех лиц духовных сословий правомочия осуществлять какую-либо светскую юрисдикцию или

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 159.

² Ibid. P. 160.

³ Ibid. P. 191.

⁴ Ibid. P. 193.

⁵ Ibid. P. 196–197.

⁶ The Statutes: Revised edition. London, 1870. Vol. 1. P. 717.

⁷ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 242.

власть» король утвердил 13 февраля принятый парламентом пятью днями ранее «Акт об улучшении процедуры призыва солдат для защиты в настоящее время королевств Англии и Ирландии (An Act for the better levying of soldiers for the present defence of the kingdoms of England and Ireland)»¹ или в сокращенном наименовании «Мобилизационный акт (The Impressment Act)». В нем говорилось, что законами Английского королевства запрещено принуждать подданных Его Величества к военной службе за пределами своих графств, за исключением случаев внезапного вторжения на территорию королевства чужеземных врагов или ситуации, когда они обязываются к этому своими земельными держаниями. Но поскольку мятеж в Ирландии несет огромную угрозу для Англии, то парламент уполномочивает мировых судей каждого графства, так же как и мэров или других высших должностных лиц в городах и городских корпорациях, призвать с 1 декабря 1640 по 1 ноября 1642 года² на военную службу такое количество людей, которое «будет назначено приказом королевского величества, его наследников или преемников, и обеих палат Парламента»³.

3. Принятие «Ординанса Лордов и Общин в Парламенте о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльса» (Ординанса о милиции)

Тем временем обострялся конфликт между королем и парламентской оппозицией по вопросу о том, кому должна принадлежать власть над фортами и милицией королевства. Утром 7 февраля парламентариям был зачитан подписанный королем днем ранее ответ на петицию парламента от 2 февраля. Карл I соглашался в целях защиты депутатов от всех опасностей и чьей-либо вражды назначить командовать фортами и милицией в нескольких графствах таких лиц, которых одобряют или рекомендуют обе палаты парламента, но выдвигал при этом условие: он должен предвари-

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 570.

² Указанные даты соответствуют летоисчислению по Юлианскому календарю.

³ The Impressment Act // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 243.

тельно узнать, какой объем властных полномочий парламент намеревается предоставить этим лицам и каким временем будет ограничен запрет на осуществление власти над фортами и милицией одним королем, без совета парламента¹. На собравшейся во второй половине указанного дня совместной конференции обеих палат общины представили лордам проект ординанса (ordinance)² парламента, касающегося милиции, с приложенными к нему резолюциями, в которых определялась продолжительность нового порядка осуществления власти над ней.

Согласно первой из этих резолюций совместная власть короля и парламента над милицией должна была осуществляться до тех пор, пока она не будет изменена по совету и желанию парламента. Вторая резолюция устанавливала, что совместное полномочие короля и парламента назначать лиц для командования милицией и смещать их должно осуществляться до тех пор, пока оно не будет изменено по совету и по желанию парламента. Таким образом, условие Карла I ограничить продолжительность запрета на осуществление власти над милицией в прежнем порядке, то есть одним королем, не было выполнено.

В течение последовавших двух дней проект ординанса парламента о милиции обсуждался лордами и общинами. При этом в него вносились различные поправки³. Большинство депутатов выступало за передачу милиции под контроль парламента, хотя и не все из них понимали смысла такой меры. С другой стороны, немало парламентариев считало, что милиция должна находиться в ведении исключительно короля. Один из членов Палаты общин высказал мнение, которое могло свести к единству противоположности. Это был известный правовед Балстроуд Уайтлок (*Bulstrode Whitelocke*, 1605–1675).

В начале своей речи он заявил, что вопрос о том, кому принадлежит власть над милицией, королю или парламенту, есть вопрос «поистине величайшей важности из тех, которые когда-либо

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 416; The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 566–567.

² На французском языке данный термин пишется как «ordonnance». В средневековой Франции этим словом называли королевские указы.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 422; The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 572.

оказывались в этих стенах»¹, и поэтому подходить к его решению следует с предельной осторожностью. Следуя собственному совету, Уайтлок остановился на значении термина «*militia*», потом обозначил высказанные ранее выступившими депутатами позиции по обсуждаемому вопросу. «Прошу простить меня за расхождение с обоими этими мнениями, — сказал он. — Я понимаю покорно, что эта власть милиции не только в короле и не только в парламенте; и если закон поместил ее где-либо, то как в короле, так и в парламенте, когда они соединены вместе»². Далее Уайтлок пояснял, почему он так решил: то, что власть над милицией не только в короле, видно из того, что власть над деньгами не в короле, а в Палате общин. Без власти же над деньгами, дающей возможность платить солдатам, власть над милицией будет слабой. «Но если власти над милицией следует быть в короле, то власть над деньгами пребывает в парламенте: они должны быть в согласии или же держать меч в ножнах, которые для него лучшее место»³.

Юридическая конструкция государственного строя Англии действительно предполагала, что в важнейших сферах общественной жизни король и парламент осуществляют совместную власть в качестве короля-в-парламенте. И контроль над милицией вполне логично было бы построить по схеме, предложенной Балстроудом Уайтлоком, но логика права не совпадает с логикой жизни там, где идет борьба за власть.

9 февраля содержание ординанса о милиции было окончательно согласовано двумя палатами. В преамбуле к нему объяснялась причина его принятия, в качестве которой называлась необходимость обеспечения безопасности личности короля, парламента и королевства во время постоянных угроз со стороны папистов и других зловердных персон, поднявших мятеж в Ирландии и вынашивающих опасные планы относительно Палаты общин.

На основании этого ординансом устанавливалось от имени короля, лордов и общин, собравшихся в парламенте, что лицо, назначенное командовать милицией (какое именно лицо, в тексте

¹ *Whitelocke B. Memorials of the English Affairs. From the Beginning of the Reign of Charles the First to the Happy Restoration of King Charles the Second. A new edition, in four volumes. Oxford, 1853. Vol. 1. P. 160.*

² *Ibid.*

³ *Ibid. P. 161.*

законопроекта не обозначалось, для этого оставлялся пробел), имеет полномочие собирать и созывать вместе всех и каждого из подданных Его Величества в пределах графства (здесь также оставлялся пробел, на этот раз — для названия конкретного графства), пригодных для военной службы, и тренировать, упражнять, доводить их до готовности, а после этого снаряжать и вооружать. Кроме того, в ординансе говорилось, что такое лицо имеет в пределах своего графства правомочие назначать на должность своего заместителя (*deputy lieutenants*) тех, кто будет отличаться добрыми качествами и будет одобрен парламентом. Наконец, ординанс называл среди полномочий командующего милицией в том или ином графстве право назначать и смещать со своих мест полковников, капитанов и других офицеров. Все подобные полномочия лицо, поставленное командовать милицией, должно было использовать, согласно рассматриваемому ординансу, только для подавления всех мятежей, восстаний и вторжений, которые могли случиться. Такое лицо обязывалось соответственно действовать на основании «приказов Его Величества, объявленных ему лордами и общинами, собравшимися в парламенте (*by His Majesty's Authority, signified unto them by the Lords and Commons, assembled in Parliament*)»¹. Если же командующий милицией отказывался выполнять данные приказы, то он должен был, согласно ординансу, «отвечать за свое небрежение и неповиновение перед лордами и общинами, в соответствии с парламентской процедурой, а не иначе и ни перед кем-то еще». Каждое из описанных в ординансе полномочий признавалось имеющим силу до тех пор, пока обе палаты парламента не прикажут или объявят что-либо иное².

На следующий день после того, как лорды и общины согласовали между собой содержание ординанса о милиции, в палатах парламента началось рассмотрение и утверждение кандидатур на посты командующих милицией в конкретных графствах³. 15 февраля текст ординанса с внесенными в него фамилиями командующих милицейскими формированиями в графствах⁴ был утверж-

¹ *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 573.

² *Ibid.* P. 572–573.

³ См.: *Verney Papers. Notes of Proceedings in the Long Parliament*. P. 153–154; *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 577.

⁴ Данный текст напечатан в издании: *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 587–589.

ден Палатой общин¹. 16 февраля данный законопроект приняла Палата лордов, постановив при этом, что он должен быть представлен Его Величеству².

В перипетиях политической борьбы, развернувшейся в Англии весной и летом 1642 года, этому документу, который получил официальное название «Ординанса парламента о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльс (An Ordinance of Parliament, for the Safety and Defence of the Kingdom of England and Dominion of Wales)», было суждено сыграть, в прямом смысле, центральную роль. Данный ординанс стал на несколько месяцев главным предметом споров между королем и парламентской оппозицией, основной темой дискуссий внутри парламента и в английской публицистике того времени³. Его принятие парламентом повлекло за собой углубление раскола в политической элите Англии, который вылился, в конце концов, в жестокую гражданскую войну.

Текст указанного ординанса был вручен королю представителями Палаты общин и Палаты лордов, которые специально для этого прибыли в Дувр. Карл I в это время готовился к отправке своей супруги Генриетты-Мэри и дочери Мэри из Англии: 23 февраля они должны были взойти на корабль и отплыть в Голландию. Ответ Его Величества на предложение утвердить ординанс о милиции оказался весьма уклончивым. Король сообщил парламентариям, что получил проект ординанса из рук графа Стэмфорда, лорда де Гкея, сэра Эдварда Олфорда, сэра Хью Оуэна, сэра Роджера Бёргена и Эдварда Данса, но «поскольку это дело высшей важности не только для Королевства в общем, но также для королевской власти Его Величества, то он полагает более необходимым взять некоторое время для подробного его рассмотрения; и поэтому он не может обещать позитивного ответа до тех пор, пока не возвратится, что он собирается сделать как только посадит свою

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 433.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 589.

³ Каталоги публицистических произведений, вышедших в Англии в течение 1642 – начале 1643 г., показывают, что больше всего брошюр было посвящено конфликту короля и парламента по поводу ординанса о милиции. См. краткий обзор таких сочинений: *Schwoerer L. G.* «The Fittest Subject for King's Quarrel»: An Essay on the Militia Controversy 1641–1642 // *The Journal of British Studies*. 1971. Vol. 11. № 1. P. 65–75.

дражайшую супругу королеву и свою дражайшую дочь принцессу Мэри на корабль для их отправки в Голландию»¹.

21 февраля приведенный ответ Карла I был зачитан в обеих палатах парламента. Выраженное в нем желание Его Величества отсрочить утверждение ординанса о милиции не могло устроить парламентскую оппозицию. Чтобы подтолкнуть короля к более быстрой реакции на этот акт, Палата общин решила обратиться к нему с просьбой без промедления дать такой ответ парламентариям на ординанс, каковой «мог бы повысить в них уверенность, что им не придется разоблачать деятельность тех, кто жаждет разрушения Королевства и зажигает в Англии пожар, который в таком огромном масштабе разожгли в Ирландии»². Текст данной петиции был передан в тот же день в верхнюю палату. Лорды приняли решение присоединиться к ней и поручили графу Портленду доставить ее к королю³.

Возвратившись из Дувра, граф Портленд доложил на заседании Палаты лордов 25 февраля, что передал Карлу I петицию и Его Величество сказал, что намеревается после того, как отправит королеву с дочерью за границу, ехать в Гринвич и там без промедления дать полный ответ на прежнюю петицию парламента⁴.

Карл I выполнил свое обещание: 28 февраля он дал пространственный ответ на просьбу парламентариев утвердить принятый ими ординанс о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльс⁵. Его Величество сообщил парламента, что, прочитав и рассмотрев с предельным вниманием все полученное им из обеих палат относительно командования милицией и в том числе присланный ему для утверждения ординанс о милиции, решил, что он не может ни в коем случае одобрить это. Суть возражений короля против данного акта сводилась к тому, что полномочие наделять властью над милицией тех или иных лиц принадлежит по закону

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 599.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 446.

³ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 600.

⁴ Ibid. P. 612.

⁵ Весной 1642 г. ответ короля Карла I на петицию парламента, касающуюся милиции, был издан в качестве отдельной шестистраничной брошюры. См.: His Majesties Letter to the Lord Keeper. Together with His Message to both Houses of Parliament, in answer to their Petition concerning the Militia, Feb. 28, 1641. Declaring the Reasons why His Majestie doth not conceive himself obliged by any promise, formerly made, to yield to the same. London, 1642.

Короне, а не парламенту. И если для командования милицией существующей власти недостаточно, то лишь Корона может ее расширить. Король выражал согласие на такое расширение, но только при условии, если это будет сделано не ординансом, а парламентским актом. Относительно же времени, на которое парламенту должно быть предоставлено правомочие командовать милицией, Его Величество заявил, что «Он не может согласиться на то, чтобы лишить себя праведной власти, которую Бог и законы этого Королевства поместили в нем, для защиты народа; и передать ее в руки других, на неопределенное время»¹.

В заключение своего ответа Карл I обратил внимание парламента на то, что «в некоторых местах, некоторые лица уже начали вмешиваться в дела милиции». В связи с этим он выразил надежду, что «Его Парламент проверит конкретные факты этого вмешательства, которое является делом высокой значимости и весьма больших последствий» и потребовал, чтобы «в случае, если Парламент обнаружит, что какие-либо лица каким-то образом взяли на себя командование милицией, не имея на это законной власти, они были подвергнуты преследованию в соответствии с законом»².

Реакция Палаты лордов на ответ Карла I была спокойной. Выслушав его утром 28 февраля, лорды постановили, чтобы «данный ответ короля был сейчас же передан в Палату общин и, поскольку это дело огромной важности, их Палате следует приостановить заседание до двух часов после полудня и не вмешиваться ни в какое другое дело до тех пор, пока в ней не будет принята какая-либо резолюция»³.

Нижняя палата отреагировала на королевский ответ значительно более резко. Общины приняли целый ряд резолюций, выразивших отношение к нему парламентариев и обозначивших контуры их будущей политики во взаимоотношениях с королем. Ответ

¹ «He cannot consent to divest Himself of the just Power which God and the Laws of this Kingdom have placed in him, for the Defence of his People; and to put it into the Hands of others, for any indefinite Time» (His Majesties Letter to the Lord Keeper. Together with His Message to both Houses of Parliament, in answer to their Petition concerning the Militia, Feb. 28, 1641. P. 4; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 459; The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 618).

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 460; The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 618.

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 618.

Карла I был назван ими «отказом удовлетворить просьбы обеих палат парламента, касающихся милиции»¹, которое может иметь «опасные последствия, если Его Величество будет упорствовать в нем», поскольку данный отказ «будет подвергать риску мир и безопасность всех его Королевств, если разумом и властью обеих Палат Парламента не будут быстро применены некоторые средства»². Вместе с тем Палата общин объявила, что «те, кто посоветовал Его Величеству дать такой ответ, являются врагами государства и вредными прожектёрами против безопасности Короля и мира этого Королевства»³. Кроме того, в резолюциях нижней палаты парламента было заявлено, что «те части этого Королевства, которые привели себя в состояние защиты против общих опасностей, не сделали ничего, кроме того, что является оправданным и одобряется этой Палатой»⁴, что «если Его Величество удалится от своего Парламента в какую-нибудь отдаленную местность, это подвергнет огромному риску Королевство и нанесет огромный вред деятельности Парламента»⁵, что «эта Палата считает необходимым, чтобы Его Величество пожелал дозволить Принцу⁶ прибыть в Сэнт-Джеймский дворец, или какое-нибудь другое подходящее место близ Лондона и пребывать там»⁷. Отдельной резолюцией Палата общин подтвердила свою позицию по вопросу командова-

¹ «That this Answer of his Majesty is a denial to the Desires of both Houses of Parliament concerning the Militia» (The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 460).

² «That this Denial is of that dangerous Consequence, that, if his Majesty shall persist in it, it will hazard the Peace and Safety of all his Kingdoms, unless some speedy Remedy be applied by the Wisdom and Authority of both Houses of Parliament» (ibid).

³ «That those that advised his Majesty to give this Answer, are Enemies to the State, and mischievous Projectors against the Safety of the King, and Peace of this Kingdom» (ibid).

⁴ «That such Parts of this Kingdom as have put themselves into a Posture of Defence against the common Dangers, have done nothing but what is justifiable, and is approved of by this House» (ibid).

⁵ «That if his Majesty shall remove into any remote Parts from his Parliament, it will be a great Hazard to the Kingdom, and a great Prejudice to the Proceedings of the Parliament» (ibid).

⁶ Сыну Карла I Карлу Стюарту, наследнику престола — будущему королю Карлу II. 29 мая 1642 г. ему исполнилось двенадцать лет.

⁷ «That this House holds it necessary, that his Majesty may be desired, that the Prince may come unto St. James's, or to some other convenient Place near about London, and there to continue» (ibid).

ния милицией, постановив, что «король не может пожаловать без согласия Парламента никакой Хартии, создающей власть в какой-либо корпорации над милицией той местности»¹.

Пять резолюций нижней палаты парламента были обращены к Палате лордов. Общины выражали в них пожелание лордам объединиться с ними «в покорнейшей просьбе к Его Величеству, не соизволит ли он выбрать себе резиденцию близ Уэстминстера, чтобы обе палаты могли иметь удобный доступ к нему по всем поводам»², а также «в расследовании для установления лиц, которые давали Его Величеству этот совет, дабы удалить их от Его Величества и подвергнуть заслуженному наказанию»³. Кроме того, Палата общин выразила желание, чтобы лорды соизволили назначить избранный комитет, который бы, соединившись с комитетом из такого количества членов, созданным общинами, «рассмотрел, что необходимо дальше делать относительно этих резолюций, или каких-либо еще вещей, которые могут возникнуть по поводу ответов Его Величества на просьбы обеих Палат, касающиеся милиции.

Собравшись во второй половине дня 28 февраля, лорды рассмотрели резолюции Палаты общин об ответе короля и одобрили их все без исключения⁴. Созданный в этот день совместный комитет из представителей лордов и общин представил 1 марта на рассмотрение обеих палат проект новой петиции парламента королю. Он был составлен на основе резолюций, принятых палатами по поводу ответа Его Величества на их просьбы об установлении парламентского контроля над милицией. Рассмотрев проект, парламентарии одобрили его и назначили лиц для передачи своей петиции королю.

Парламентская оппозиция придала этой петиции значение идеологического документа: в марте ее текст был издан в виде отдельной брошюры объемом в шесть страниц⁵.

¹ «That no Charter can be granted by the King, to create a Power in any Corporation over the Militia of that Place, without the Consent of Parliament» (ibid).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 619–620.

⁵ A Copy of the Petition of both Houses of Parliament, concerning the Militia & Presented to His Majestie at Theobalds, 1 Martii 1641. With His Majesties Answer thereunto. London, 1641 (год указан по Юлианскому календарю, отсюда можно сделать вывод, что данная брошюра была напечатана до 25 марта).

Отказывая парламенту в праве контролировать командование милицией в графствах, король ссылаясь на то, что Бог и законы Английского королевства поместили власть над милицией в нем и ни для чего иного, как для защиты народа. На этом основании он отверг предложение лордов и общин передать ее парламенту на неопределенное время. В петиции же парламента королю от 1 марта заявлялось прямо противоположное, а именно: что «Законами Королевства полномочие созывать, командовать и распоряжаться милицией в пределах любого города (city), городка (town) или какого-либо другого места не может быть предоставлено какой-либо корпорации Хартией или иначе без власти и согласия Парламента; и что местности Королевства, которые привели себя в состояние защиты против общей опасности, ничего тем самым не сделали, кроме того, что соответствует декларации и указанию обеих палат и что оправдано Законами этого Королевства»¹.

2 марта парламентариям был зачитан ответ Карла I на их петицию, поданную Его Величеству днем ранее. «Я так сильно изумлен этим посланием, — писал король, — что не знаю что и ответить. Вы говорите о подозрительности и страхах; положите свои руки на свои сердца и спросите себя, разве Я не могу быть таким же образом встревожен страхами и подозрениями; и если это так, то Я уверяю вас: это послание несколько их не уменьшило.

Что касается милиции, Я столько размышлял о ней, прежде чем послать этот ответ, и настолько уверен, что ответ соответствует тому, что вы можете спросить у Справедливости или Разума, и клянусь честью, что я не изменю его ни в каком пункте

Что касается моей резиденции около вас, Я желаю, чтобы она могла быть настолько безопасной и достойной, что Я не имел бы причины для своего удаления из Уайтхолла: спросите себя, разве Я не имею?

¹ «by the Laws of the Kingdom, the Power of raising, ordering, and disposing, the Militia, within any City, Town, or other Place, can not be granted to any Corporation by Charter or otherwise, without the Authority and Consent of Parliament; and that those Parts of the Kingdom which have put themselves in a Posture of Defence against the Common Danger, have therein done nothing, but according to the Declaration and Direction of both Houses, and what is justifiable by the Laws of this Kingdom» (A Copy of the Petition of both Houses of Parliament, concerning the Militia &. P. 3; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 463; The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 621).

Что касается моего сына, Я буду проявлять такую заботу о нем, которая оправдает меня перед Богом в качестве отца и перед моими доминионами в качестве короля.

В заключение: я уверяю вас своей Честью, что Я не имею никакой думы, кроме думы о Мире и Справедливости для моего Народа, который Я буду всеми законными средствами защищать и поддерживать, полагаясь на Доброту и Провидение Бога, способного защитить меня и права»¹.

5/15 марта 1641/1642 года Палата лордов снова рассмотрела ординанс о милиции и приняла его в качестве законодательного акта двух парламентских корпораций (*estates*) — лордов и общин². Для этого потребовалось внести в этот документ некоторые поправки, которые внешне казались незначительными, но в действительности коренным образом меняли его сущность.

В прежнем варианте, в котором данный акт был принят обеими палатами парламента 15 и 16 февраля, он именовался «Ординансом парламента (*Ordinance of Parliament*)». В новом варианте, принятом Палатой лордов, он выступал под названием «Ординанса Лордов и Общин в Парламенте (*Ordinance of the Lords and Commons in Parliament*)». Эта перемена в названии ординанса о милиции была не случайной: король отказался участвовать в его принятии — отверг предложение утвердить его, а ведь он мыслился в традиционной юридической конструкции государственной власти Англии неотъемлемой частью парламента — одной из его корпораций (*estates*)³. Поэтому данный акт не мог быть назван ординансом парламента.

¹ A Copy of the Petition of both Houses of Parliament, concerning the Militia & P. 5–6; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 464; The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 621–622.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 627. Как показывает протокол заседания верхней палаты английского парламента, на котором был принят данный акт, против его принятия проголосовало 16 лордов.

³ Правовед Эдвард Кук (*Edward Coke*, 1552–1634) писал об английском парламенте («высоком и самом уважаемом Суде Парламента») в четвертой части своих «Институций»: «Этот суд состоит из королевского величества, заседающего там в качестве своей королевской политической правоспособности (*as in his royal politick capacity*), и из трех корпораций (*estates*) королевства, а именно: из лордов духовных, архиепископов и епископов, числом 24, которые заседают там по наследству (*by succession*) от своих графств или земельных владений своих епархий, которые они держат также в качестве своей политической правоспособности; и

В прежнем варианте ординанса о милиции его основной текст начинался с фразы: «Постановлено Королевским наипревосходнейшим Величеством, Лордами и Общинами, собравшимися в настоящее время в Парламенте (It is Ordained by the King's most Excellent Majesty, the Lords and Commons now in Parliament assembled)»¹. В новом варианте упоминание о короле отсутствовало. Приведенная фраза имела следующий вид: «Постановлено Лордами и Общинами, собравшимися в настоящее время в Парламенте (It is Ordained by the Lords and Commons now in Parliament assembled)»².

В тексте ординанса, который был принят парламентом 9 февраля, лица, назначенные командовать милицией в графствах, обязывались действовать на основании «приказов Его Величества, объявленных ему лордами и общинами, собравшимися в парламенте (by His Majesty's Authority, signified unto them by the Lords and Commons, assembled in Parliament)»³. В ординансе о милиции, утвержденном лордами и общинами 5/15 марта, слова «by His Majesty's Authority» были изъяты из приведенной фразы. В остальном текст ординанса не изменился.

В исторической литературе при изложении процедуры принятия «Ординанса Лордов и Общин в Парламенте о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльса» не обращает-

каждый из них, когда какой-либо парламент созывается, должен, *ex debito justitiae*, иметь приказ о вызове (writ of summons). Лорды светские, герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны, которые заседают там на основании своих достоинств, которыми они обладают по наследству от отцов (by descent) или в качестве возведенных в них, их количество составляет в настоящее время 106: и подобным же образом каждый из них, достигший совершеннолетия, должен иметь приказ о вызове *ex debito justitiae*. Третья корпорация (estate) — это общины (commons) королевства, среди которых рыцари графств (shires or counties), жители городов (cities) и городков (burghes). Все они должны быть соответственно избраны графствами, городами и городками в силу королевского приказа *ex debito justitiae*, и ни один из них не должен быть пропущен: они представляют все общины всего королевства и являются доверенными от них, их количество составляет в настоящее время 493» (Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England; concerning the jurisdiction of Courts. The Fifth edition. London, 1671. P. 1). Э. Кук завершил работу над этой книгой в 1628 г., первое же ее печатное издание появилось в 1644 г.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 587.

² Ibid. P. 625.

³ Ibid. P. 573.

ся внимания на то, что она была не совсем обычной. Так, американский историк Элизабет Форстер пишет: «5 марта переписанный красивым почерком ординанс был снова читан и окончательно принят, сначала в Палате общин, затем, под огромным давлением, в верхней палате»¹. В действительности, данный акт был принят сначала Палатой лордов и лишь потом — Палатой общин. Из протокола заседания нижней палаты английского парламента, которое состоялось 5/15 марта 1641/1642 года, видно, что оно началось с первого чтения «Акта о быстром и эффективном понуждении мятежников в Королевстве Его Величества Ирландии к должному повиновению их Его Величеству и Короне Англии (An Act for the speedy and effectual Reducing the Rebels, in his Majesty's Kingdom of Ireland, to their due Obedience to his Majesty, and to the Crown of England)»². Затем в Палате общин были зачитаны письма к шерифам некоторых графств и рассмотрен проект декларации об имеющихся у парламента основаниях для подозрений и страхов. После того, как данный проект был утвержден, депутатам сообщили, что поступило послание из верхней палаты о том, что «Лорды прислали в эту Палату утвержденный ими Ординанс Лордов и Общин в Парламенте о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльса»³. Выслушав это сообщение, члены Палаты общин продолжили рассмотрение вопросов, не имевших никакого отношения к названному акту. И лишь потратив на это немало времени, они приступили к чтению утвержденного лордами ординанса о милиции. А утвердив его, возвратили лордам.

На заседании верхней палаты, которое состоялось после полудня 5/15 марта, было оглашено послание Палаты общин о том, что она согласилась с лордами относительно «Ординанса Лордов и Общин в Парламенте о безопасности и защите Королевства Англии и доминиона Уэльса» и желает получить от них имена заместителей заместителей (deputy lieutenants) в графствах⁴. Кроме того, лордам была передана следующая резолюция Палаты общин: «Того,

¹ Forster E. R. The House of Lords and Ordinances, 1641–1649 // The American Journal of Legal History. 1977. Vol. 21. № 2. P. 161.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 467.

³ «That the Lords had sent to this House an Ordinance of the Lords and Commons in Parliament, for the Safety and Defence of the Kingdom of England, and Dominion of Wales; to which they have assented unto» (ibid).

⁴ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 628.

кто будет осуществлять власть над милицией в этом Королевстве и доминионе Уэльсе от имени какой-либо комиссии наместничества (lieutenancy) без согласия обеих Палат Парламента, следует считать нарушителем мира в Королевстве»¹. Лорды утвердили ее.

4. Спор между королем и парламентом о юридической силе Ординанса о милиции

7 марта обе палаты парламента приняли совместную декларацию о причинах своих страхов и подозрений. В числе таких причин в этом документе назывались: 1) «Намерения переменить религию» в Англии и в других королевствах Карла I, навязав населению римско-католическую веру. 2) Война с Шотландией, вызванная якобы, главным образом, папистами. 3) «Ложное и скандальное обвинение против лорда Кимболтона и пяти членов Палаты общин» по команде короля. 4) «Признаки подготовки к созданию армии». 5) Отсутствие его величества в Уайтхолле.

Уверяя короля в том, что для его отсутствия в лондонской резиденции нет никакой причины, парламентарии заявляли в своей декларации, что воспринимают этот факт «как величайшее нарушение привилегии Парламента». «Какой легкий и праведный путь Вы будет иметь к счастью, чести, величию, благополучию и безопасности, — восклицали они, обращаясь к Карлу I, — если соединитесь с парламентом и Вашими верными Подданными в защите религии и общего блага Королевства». В заключение своей декларации лорды и общины просили Его Величество «милостиво соизволить отдалить от себя тех злых и вредных советников, которые породили все эти опасности и раздоры», и возвратиться в свою резиденцию, расположенную близ Лондона и парламента².

Король же был в это время на пути из Гринвича в Йорк, который он выбрал в качестве своей новой резиденции. Представители обеих палат парламента, назначенные для вручения Карлу I указанной декларации и текста принятого двумя днями ранее ординанса о милиции застали его 9 марта в Ньюмаркете (Newmarket).

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 628.

² Ibid. P. 629–631.

На заседании, состоявшемся 15 марта, парламентарии добавили к этому законодательному акту несколько резолюций. Первая из них гласила: «Так как Королевство было в последнее время и все еще остается в очевидной и грозящей опасности как от внешних врагов, так и от папской и недовольной партии дома, то является настоятельной и неизбежной необходимостью приведение Подданных Его Величества в состояние обороны, для защиты как Его Величества, так и Его Народа»¹. Во второй резолюции говорилось, что «Лорды и Общины, сознавая эту опасность, и будучи чувствительными к своему собственному долгу предусмотреть соответствующую защиту, обратились несколькими петициями к Его Величеству для установления такого способа командования и распоряжения милицией Королевства, который согласуется с разумом обеих палат и является наиболее эффективным и соответствующим настоящим неотложным нуждам Королевства; однако они не смогли добиться этого, поскольку Его Величество несколько раз отказывался дать на это Свое Королевское Одобрение»². Третья из парламентских резолюций была самой важной. Она устанавливала норму, означавшую признание парламента самостоятельной законодательной властью, а именно: «*В случае такой чрезвычайной опасности и отказа Его Величества ординанс о милиции, одобренный обеими Палатами, обязывает народ и должен соблюдаться, по фундаментальным законам этого Королевства*»³.

При рассмотрении данной резолюции было предложено выслушать мнение судей о соответствии ее праву Англии, но лорды решили голосованием, что никакой необходимости в этом нет.

В послании лордов общинам, зачитанном в нижней палате парламента на следующий день, правомочие парламента законодательствовать без участия короля было обосновано самой природой этого органа. «Лорды придерживаются мнения, — говорилось в послании, — что когда Парламент, являющийся *верховным Судом этого Королевства*, объявит, каким является Закон Страны, не

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 646.

² Ibid.

³ «That, in this Case of extreme Danger, and of His Majesty's Refusal, the Ordinance agreed on by both Houses for the Militia doth oblige the People, and ought to be obeyed, by the fundamental Laws of this Kingdom» (ibid). Протокол заседания верхней палаты английского парламента, состоявшегося 15 марта 1641/1642 г., показывает, что против принятия этой резолюции голосовало шесть лордов.

только оспаривать и отрицать это, но и возражать против этого и приказывать, чтобы этому не повиновались, является нарушением привилегии Парламента»¹ (курсив мой. — В. Т.).

16 марта в парламент поступило из Хантингтона (Huntingdon) датированное предшествовавшим днем королевское письмо по поводу ординанса о милиции. Карл I счел необходимым объявить парламентариям, что «Он настолько заботится о привилегиях Парламента, что готов и впредь отменить любой собственный Акт, относительно которого Ему дадут информацию, что он посягает на привилегии; поэтому Он ожидает равной заботы в них об известных и неоспоримых привилегиях Его Величества (каковые являются привилегиями Королевства; среди которых, Он уверен, фундаментальной является привилегия, запрещающая обязывать Его Подданных повиноваться какому-либо Акту, Приказу или предписанию, на которые Его Величество не дал Своего согласия; и потому Ему представляется необходимым опубликовать, что Он ожидает и настоящим требует повиновения от всех Его любящих Подданных к установленным Законам; и что они не предполагают, на основании какой-либо оговорки Приказов или Ординанса (в издании которого Его Величество не участвовал), касающегося милиции (или какой-то другой вещи), делать или исполнять то, что не подтверждено этими Законами; Его Величество решил исполнять собственные Законы и требовать повиновения им от всех Своих Подданных»².

¹ «The Lords are of Opinion, That when the Parliament, which is the supreme Court of this Kingdom, shall declare what the Law of the Land is, to have That not only questioned and controverted, but contradicted, and a Command that it should not be obeyed, is a Breach of the Privilege of Parliament» (The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 481).

² «He thinks it necessary to declare, that, as He hath been so tender of the Privileges of Parliament, that He hath been ready and forward to retract any Act of His own, which He hath been informed hath trespassed upon the Privileges; so He expects an equal Tenderness in them of His Majesty's known and unquestionable Privileges (which are the Privileges of the Kingdom); amongst which, He is assured, it is a fundamental one, that His Subjects cannot be obliged to obey any Act, Order, or Injunction, to which His Majesty hath not given His Consent: And therefore He thinks it necessary to publish, That He expects, and hereby requires, Obedience from all His loving Subjects to the Laws established; and that they presume not, upon any Pretence of Orders or Ordinance (to which His Majesty is no Party), concerning the Militia, (or any other Thing), to do or execute what is not warranted by those Laws; His Majesty being resolved to observe the Laws Himself, and to require Obedience to them from all His Subjects» (The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 647).

Спор между королем и парламентом по поводу ординанса о милиции был в некотором смысле спором о контроле над военной силой в графствах. Данный контроль имел большое значение для короля, и он сам признавал это. Среди указаний Карла I своим представителям на переговорах с представителями парламента в январе 1645 года есть следующее его замечание, касающееся милиции: «Это определено самый подходящий предмет для королевского спора; так как без нее королевская власть есть не что иное, как тень; и поэтому она ни в коей мере не должна быть брошена, но ее следует поддерживать, согласно известным древним законам страны»¹. Послание Карла I парламенту от 15 марта 1641/1642 года показывает, что спор о контроле над милицией, разгоревшийся в Англии весной 1642 года, имел и другую подоплеку, которая для обеих противоборствующих сторон была намного важнее проблемы контроля над местными военными формированиями. Это был спор о пределах власти короля и парламента, о королевских прерогативах и парламентских привилегиях, о характере законодательной власти и о том, кому она принадлежит².

Конституционный характер конфликта между королем и парламентом по поводу ординанса о милиции еще более ясно проступает в послании Карла I парламентариям, датированном 1 апреля 1642 года. Король писал в нем: «Однако почему отказ одобрить ваш приказ (который вы называете отказом от милиции) должен быть для него приостановкой, Мы не можем понять; что касается

¹ «This is certainly the fittest subject for Kings Quarrell; for without it the Kingly power is but a shadow; and therefore upon no means to be quitted, but to be maintained according to the ancient knowne lawes of the Land» (*Charles I. Directions for my Uxbridge commissioners // The Kings Cabinet opened: or certain packets of secret letters and papers, written with the Kings own Hand and taken in his Cabinet at Nasby-Field, June 14. 1645. By victorious Sir Thomas Fairfax. Wherein many mysteries of State, tending to the Justification of that cause, for which Sir Thomas Fairfax Joyned battell that memoriable day are clearly laid open; together, with some annotations thereupon. Published by speciall Order of the Parliament. London, 1645. P. 26*).

² Современный американский историк Жанель Гринберг назвала вопрос о том, «кто создает право — один король, посредством законодательства в парламенте (т. е. в качестве короля в парламенте), или король, лорды и общины как три равные сотрудничающие корпорации (король, лорды и общины в парламенте) — «кардинальной проблемой семнадцатого столетия» (*Greenberg J. R. Subjects and Sovereigns: The Grand Controversy over Legal Sovereignty in Stuart England. Cambridge, 1981. P. 18*).

милиции (которую Мы всегда считали необходимым учредить), Мы никогда не отрицали то, что сказали вам в Нашем ответе от 28 января на петицию Палаты общин; ибо Мы принимаем лиц (за исключением корпораций): Мы отрицаем только способ. Вы требуете ее (милицию. — *B. T.*) путем ординанса; и с таким предисловием, на которое Мы не можем согласиться ни по справедливости к Нашему Достоинству, ни вследствие невинности. Вы отстраняете Нас от какой-либо власти в распоряжении ею или осуществлении ее вместе с вами; и на время совершенно неограниченное. Мы говорим вам, что все сделали бы, разрешили бы лицам (с указанным исключением), но Мы желаем билля, единственного добротного старого способа обязывать наших Подданных. Мы чрезвычайно неудовлетворены тем, что собой представляет ординанс, но вполне удовлетворены тем, что без нашего согласия он — ничто, необязывающий; и после долгого времени, проведенного в этом споре, очевидно, что необходимость и опасность не были столь неизбежными, и вполне можно было бы подготовить билль. Если он еще будет составлен, с должным отношением к Нам и заботой о Нашем Народе в ограничении власти и в других обстоятельствах, Мы откажемся от всего, что прежде высказали в нашем ответе на ваш приказ; иначе Мы должны будем объявить всему миру, что Мы ничем не удовлетворены или Нам надо будет позволить когда-нибудь нашим Подданным исполнять ваши опубликованные резолюции от 15 и 16 марта; или что же, под предлогом объявления того, каким является Закон Страны, вы будете (без нас) создавать новое Право, которым является со всей очевидностью случай с милицией и что это будет, как не введение произвольного способа правления?»¹

¹ «But why the Refusal to consent to your Order (which you call a Denial of the Militia) should be any Interruption to it, We cannot understand; for the Militia (which We always thought necessary to be settled), We never denied the Thing, as We told you in Our Answer of the 28th of January, to the Petition of the House of Commons; for We accepted the Persons (except for Corporations): We only denied the Way. You ask it by Way of Ordinance; and with such a Preface, as We can neither with Justice to Our Honour or Innocency consent to it: You exclude Us from any Power in the Disposition or Execution of it together with you; and for a Time utterly unlimited. We tell you, We would have the Thing done, allow the Persons (with that Exception); We desire a Bill, the only good old Way of imposing on Our Subjects. We are extremely unsatisfied what an Ordinance is; but well satisfied that, without Our Consent, it is nothing, not binding; and it is evident, by the long Time spent in this Argument, the

Приведенные слова короля из его послания парламенту от 1 апреля 1642 года показывают, что он отвергал не само по себе назначение угодных парламенту лиц командовать милицией, а способ, которым это было сделано. Этот способ не устраивал Карла I, во-первых, потому, что посредством его парламент отстранил короля от какого-либо участия в осуществлении власти над милицией, во-вторых, по той причине, что новые правовые нормы были введены не статутом, а ординансом, то есть в обход сложившегося в Англии порядка издания законодательных актов, а в-третьих, из-за того, что парламент присвоил себе полномочие *единолично*, без участия короля, издавать акты, имеющие силу закона.

В средневековой Англии «ординансами» называли акты, имевшие высшую юридическую силу. Причем бывало так, что одни и те же законодательные акты именовались одновременно «провизиями (provisions)», «статутами (statutes)» и «ординансами (ordinances)». В качестве наиболее яркого примера такого смешения терминов можно привести совокупность актов, принятых в 1278 году в Глостере (Gloucester). В преамбуле к их основному тексту говорилось о том, что из-за недостатка подходящих законов была принята масса «различных дополнений к законам и новых провизий, и эти *статуты, ордонансы и провизии*, изложенные ниже, следует отныне всему народу королевства твердо соблюдать (*divers supplicacions de lei e de noveles purveaunces e les estatuz ordeignemenz e purveaunces suz escritas de tute la gent del regne desoremes fermement feient gardez*)»¹ (курсив мой. — В. Т.). Смешение статутов, ординансов и провизий сохранялось и в XIV веке. Так, законодательные акты, при-

Necessity and Danger was not so imminent, but a Bill might have well been prepared; which if it shall yet be done, with that due Regard to Us, and Care of Our People, in the Limitation of the Power and other Circumstances, We shall recede from nothing We formerly expressed in that Answer to your Order; otherwise We must declare to all the World, that We are nothing satisfied with, or ever shall allow Our Subjects to be bound by, your Printed Votes of the 15th or 16th of this Month; or that, under Pretence of declaring what the Law of the Land is, you shall (without Us) make a new Law, which is plainly the Case of the Militia; and what is this, but to introduce an arbitrary Way of Government?» (The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 686).

¹ Statuta Gloucester // The Statutes at Large, from Magna Carta to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain, Anno 1761. Cambridge, 1762. Vol. 1. P. 117. Оригинальный текст этого документа изложен на старофранцузском языке.

нятые на тридцать восьмом году правления Эдуарда III (1327–1377), именовались одновременно и «статутами» и «ординансами»¹. Однако в это время уже наметилось определенное различие между ними. В парламентских свитках, относящихся к тридцать седьмому году правления Эдуарда III, нашел отражение случай, показывающий, что отличие ординансов от статут-ов уже вполне тогда сознавалось. Канцлер сообщил Эдуарду III о том, что парламент подал петицию об удовлетворении своих жалоб. Король пришел на заседание лордов и общин «и так спросил их, хотят ли они, чтобы изложенное в петиции было исполнено ординансом или статутом? Они сказали, что содержание петиции лучше привести в действие ординансом, а не статутом, для того, чтобы если они захотят что-либо изменить, это можно было сделать в следующем парламенте»². Отсюда видно, что ординансы рассматривались в качестве узаконений, в которые, в отличие от статут-ов, легче было внести те или иные поправки.

Появлению взгляда на ординансы как на узаконения, отличающиеся по своей юридической силе от статут-ов, способствовало развитие парламента. Как известно, в первые десятилетия своего существования он был однопалатным и рассматривался скорее в качестве заседания представителей различных сословий, нежели политического института. Последующая институционализация парламента, превращение его в государственный орган, разделение его на палаты и корпорации (*estates*) повлекли за собой усложнение законодательного процесса, которое в свою очередь породило разнообразие в законодательных актах.

В XVI веке различие между ординансами и статутами стало осознаваться как непреложный факт. Королева Елизавета, утверждая в 1587 году своей патентной грамотой, скрепленной Большой Печатью Англии, принятые Палатой общин и Палатой лордов за-

¹ См.: *The Statutes at Large, from Magna Carta to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain, Anno 1761.* Cambridge, 1762. Vol. 2. P. 173, 175, 178.

² «Et pur tant demanda de eux, s'ils voleient avoir les choses issint accordez mys pur voie de Ordinance ou de Statuyt? Qi disoient, qe bon est mettre les choses pur voie d'Ordinance, et nemye pur Estatut, aufin qe si rien soit de amender puisse estre amende a preschein Parlement; et issint est fait» (*Rotuli Parliamentorum; ut et Petitiones et placita in Parlamento.* In 6 vols. / Ed. by Reverend John Strachey. Vol. 2. [London, 1767]. P. 280).

конодательные акты, заявляла в ней: «Мы просмотрели и вполне уразумели различные и разные Акты и Ординансы...»¹ Кроме того, королева отмечала, обращаясь к парламентариям: «И хотя вышеуказанные несколько Актов и Ординансов получили от вас, наши вышеупомянутые Подданные, Лорды и Общины, собравшиеся в настоящем Парламенте, полное одобрение и согласие и кажутся крайне нужными и выгодными для Государства, они не могут иметь законной силы или действия без нашего королевского утверждения, данного и приданного тем же Актам и Ординансам и каждому из них»².

Эдвард Кук отличительные признаки статута и ординанса связывал с порядком их принятия. «Не существует никакого акта парламента, — писал он в четвертой части своих “Институций” — кроме того, который должен иметь согласие лордов, общин и королевское утверждение короля, и как это представляется рукописями и нашими книгами, все, что принимается в парламенте тройным согласием, имеет силу акта парламента. Различие между актом парламента и ординансом в парламенте состоит в том, что у ординанса недостает тройного согласия, и он предписывается одним или двумя из них»³. В качестве примера английский правовед привел случай восстановления королем Генрихом IV в знатности и в держании земель Уильяма Лафенби, при согласии лордов духовных и общин (без лордов светских). Это считается, отметил Кук, ординансом, а не актом парламента⁴.

¹ «We have seen and perfectly understand divers and sundry Acts and Ordinances...» (The journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth, both of the House of Lords and House of Commons / Collected by Sir Simonds D'Ewes... ; Revised and published by Paul Bowes. London, 1682. P. 388).

² «And albeit the said several Acts and Ordinances by you our said Subjects the Lords and Commons in this our present Parliament Assembled be fully agreed and consented unto, and seem very necessary and profitable for the Commonwealth, which nevertheless be not of any force or effect in the Law without our Royal Assent given and put to the same Acts and Ordinances and every of them» (ibid. P. 389).

³ «There is no act of parliament but must have the consent of the lords, the commons, and the royall assent of the king, and as it appeareth by records and our books whatsoever passeth in parliament by this threefold consent, hath the force of an act of parliament. The difference between an act of parliament, and an ordinance in parliament, is, for that the ordinance wanteth the threefold consent, and is ordained by one or two of them» (Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England. P. 25).

⁴ Ibid.

Иное различие между ординансом и статутом проводилось в самом авторитетном в XVII столетии юридическом словаре профессора гражданского права в Кембриджском университете Джона Кауала (*John Cowell*, 1554–1611). Первое издание данного словаря вышло в свет в 1607 году под названием «Интерпретатор, или книга, содержащая значение слов: где изложено истинное значение всех или большей части таких слов и терминов, которые упоминаются у писателей по праву или в статутах этого победного и обновленного королевства»¹. Впоследствии его много раз перепечатывали (в 1637, 1658, 1672, 1684, 1701, 1708, 1727 гг.)². С 1684 года он стал выходить во втором издании, обновленном и исправленном правоведом Томасом Мэнли (*Thomas Manley*). Ординансу парламента в этом словаре посвящена специальная статья. «Акты Парламента часто называются *Ординансами Парламента* в Парламентских Свитках, — говорится в ней. — Если есть какое-либо различие, то оно заключается в том, что *Ординанс* является лишь временным (*temporary*) и может быть изменен одними Общинами. Но Акт — вечное Право (*perpetual Law*) и не может быть изменен иначе, как Королем, Лордами и Общинами»³.

Мнение об ординансах как о временных узаконениях высказывал и правовед Ричард Вуддесон (*Richard Wooddeson*, 1745–1822). Он привел в своей книге «Систематический взгляд на законы Англии» слова Эдуарда Кука о различии между ординансом и статутом, но заметил при этом, что оно является скорее следующим: «Статуты предназначались для постоянного права, ординансы (подобно тому, как и действие современных актов ограничивалось

¹ The Interpreter: or, booke containing the signification of words: Wherein is set forth the true meaning of all, or the most part of such words and termes, as are mentioned in the lawe writers, or statutes of this victorious and renowned kingdome, requiring any exposition, or interpretation: A work not only profitable but necessary for such as desire thoroughly to be instructed in the knowledge of our laws, statutes, or other antiquities. Collected by John Cowell. Cambridge, 1607.

² Репринтные издания юридического словаря Джона Кауала регулярно выходят в последнее десятилетие (в 1998, 2000, 2002, 2004 гг.).

³ A law dictionary: or the interpreter of words and terms, used either in the common or statute laws of Great Britain, and in tenures and jocular customs: first published by the learned Dr. Cowel, and in this edition very much augmented and improved, by the addition of many thousand words, found in our histories, antiquities, cartularies, rolls, registers, and other manuscript records. London, 1727 (нумерация страниц отсутствует).

первоначально определенным сроком) являлись временными опытами, составленными с учетом будущего исправления по какому-нибудь случаю»¹.

Вопроса о различии между ординансом и статутом касался в одном из своих сочинений, написанных в 20-х годах XVII столетия, клерк английского парламента Генри Элсинг (*Henry Elsynge* или *Elsing*, 1598–1654). Он отмечал, в частности, что ординанс требует для своего принятия менее сложной «церемонии (*ceremony*), чем статут, и может быть отменен другим ординансом, без участия короля и Палаты лордов». Отсюда им делался вывод о том, что ординанс имеет «более низкую природу (*lower nature*) по сравнению со статутом»².

В трактате «Судопроизводство в Парламенте», опубликованном в 1991 году по рукописи, хранившейся в Национальной библиотеке Уэльса, Генри Элсинг следующим образом характеризовал функции парламентских корпораций (*estates*) в законодательном процессе: «В издании наших старинных законов Общины подают петиции (*petere*), Лорды утверждают (*assentire*) и король соглашается (*concedere*)»³. Порядок принятия законодательных актов на основе петиций Палаты общин был преимущественным до середины XV века. С конца правления Генриха VI все большее распространение стало получать законодательство на основе билля (законопроекта)⁴. Однако прежний петиционный порядок сохранился, хотя он и претерпел некоторые модификации⁵. Но в каком бы порядке ни принимались ординансы и статуты, согласие короля было одним из условий для наделения их юридической

¹ *Wooddeson R.* A Systematical view of the Laws of England; as treated of in a course of Vonerian lectures, read at Oxford, during a series of years, commencing in Michaelmas term, 1777. Vol. 1. P. 21.

² *Elsing H.* Expeditio Billarum Antiquitus. Studies presented to the International Commission for the History of Representative and Parliamentary Institutions, 16 / Ed. by Catherine Strateman Sims. Louvain, 1954. P. 73, 78, 84. В 1991 г. в издательстве «The Hambledon Press» была издана рукопись «Судопроизводство в Парламенте» (*Elsynge H.* Judicature in Parlement / Ed. by Elizabeth Read Foster. London, 1991).

³ «In the making of our Auncyent lawes, the Commons dyd *petere*, the Lords *assentire*, and the kinge *concedere*» (*Elsynge H.* Judicature in Parlement / Ed. by Elizabeth Read Foster. London: The Hambledon Press, 1991. P. 78).

⁴ См. об этом: *Wooddeson R.* A Systematical view of the Laws of England. P. 25.

⁵ См.: *Foster E. R.* Petitions and the Petition of Right // The Journal of British Studies. 1974. Vol. 14. № 1. P. 21–45.

силой. Этот факт особо подчеркивал в своем трактате о прерогативах короля правовед Мэтью Хэйл (*Matthew Hale*, 1609–1676), обращая при этом внимание на то, что многие ординансы, изданные королем и пэрами, ошибочно вводились в действие как статуты¹.

Протоколы заседаний «долгого парламента», проходивших с ноября 1640 и до марта 1642 года, показывают, что в ряде случаев Палата общин и Палата лордов принимали ординансы, которые вводились в действие без официально выраженного согласия короля: они касались конкретных ситуаций и не устанавливали каких-либо правовых норм. Так, в августе 1641 года парламентарии решили назначить своих представителей для сопровождения Карла I в его поездке в Шотландию, которые формально должны были провести переговоры с шотландскими парламентариями, а фактически надзирать за Его Величеством. Желая получить документ, подтверждающий полномочия указанных представителей, парламент обратился к лорду-хранителю Большой печати Эдуарду Литтлону (*Edward Lyttelton*, 1689–1645) с просьбой скрепить печатью поручение для них, однако тот отказался сделать это в неофициальном порядке. При обсуждении возникшей проблемы баронет Симондс Де Юс (*Simonds d'Ewes*, 1602–1650) привел случай, произошедший в 1373 году и зафиксированный в парламентских свитках, когда Палата общин подала королю петицию, и она составила содержание акта, объявленного Его Величеством в форме ординанса. Коллеги баронета ухватили идею и 20 августа приняли ординанс, уполномочивающий представителей английского парламента на поездку в Шотландию². В тот же день лорды дали свое согласие на его принятие. Ординанс гласил: «Лорды и Общины, собравшиеся в этот настоящий Парламент, приказывают тем самым и назначают (далее перечислялись имена представителей. — *B. T.*)... в качестве представителей обеих Палат Парламента сопровождать Королевское Величество во время Его Отсутствия в Королевстве Шотландии, и тем самым уполномочивают их, или любых трех или более из них, время от времени, представлять Его наипревосходнейшему Величеству покорные просьбы, консультацию и совет от верных Подданных Его Величества Лордов и Об-

¹ Sir Matthew Hale's *The Prerogatives of the King* / Ed. by D. E. C. Yale. London, 1976. P. 175.

² *The Journals of the House of Commons*. Vol. 2. P. 265–266.

щин в Парламенте, согласно таким инструкциям и указаниям, которые к сему прилагаются или которые в любое время после этого могут быть посланы им по приказу или по согласию обеих Палат»¹.

По своей юридической природе ординанс, изданный парламентом без участия короля, был сходен с королевской прокламацией, которая в отличие от статута, представлявшего собой акт короля-в-парламенте (*king-in-parliament*), была актом короля как единоличного властителя (*rex solus*). В этой связи любопытно, что текст парламентского ординанса публиковался в точно таком же типографическом стиле, какой имел печатный текст королевской прокламации. На это обстоятельство обратил внимание историк Майкл Мендл. На страницах 146 и 147 своей статьи «Великий Совет Парламента и первые ординансы: конституционная теория гражданской войны», опубликованной в 1992 году в «Журнале британских исследований», историк воспроизвел фотокопии двух документов: 1) Королевскую прокламацию от 28 июня 1641 года «О повиновении, которое должно оказываться Капитану-Генералу и офицерам Его Величества при расформировании армии Его Величества в Северных местностях» и 2) принятый лордами и общинами 27 августа 1641 года «Ординанс Парламента о дне общественного прощения по причине мира, заключенного между Англией и Шотландией». Они имеют одинаковый вид. Причем под текстом и королевской прокламации, и парламентского ординанса стоит одна и та же фраза — «*God save the King* (Боже, спаси Короля)»². Издавая указанные ординансы, парламент выполнял, в сущности, функцию Тайного совета — органа, который призван был служить инструментом королевской власти. Это особенно очевидно в случае с ординансом от 20 августа, который парламентарии издали потому, что лорд-хранитель Большой печати, член Тайного совета, отказался заверить печатью документ, уполномочивающий представителей парламента на поездку в Шотландию.

В подобном качестве парламент выступил и при издании 9 сентября 1641 года «Ординанса, касающегося набора и перевозки

¹ An Ordinance of Parliament, concerning Committees to be sent to attend the King in Scotland, made and assented to by the Lords and Commons upon the 20th of August, 1641 // *The Journals of the House of Lords*. Vol. 4. P. 372.

² *Mendle M.* The Great Council of Parliament and the First Ordinances: the Constitutional Theory of the Civil War. P. 146–147.

войск, конных или пеших, из королевских владений Англии и Ирландии»¹. Данный акт был принят парламентом для того, чтобы воспрепятствовать перевозке английских войск в Ирландии во Фландрию и передаче их в распоряжение короля Испании². Поясняя свою позицию по этому вопросу, парламентарии в своем обращении к Карлу I связали ее со своими «обязанностями советников в этом Большом Парламентском Совете Его Величества»³. В тексте ординанса от 9 сентября 1641 года было закреплено, что действовать он будет только до 1 ноября указанного года. По этой причине король спокойно воспринял известие о его принятии. Данный акт не создавал новых правовых норм и не выходил за рамки полномочий Тайного совета Его Величества, функции которого присвоили себе парламентарии.

Спор по поводу ординанса о милиции свидетельствует, что и король, и парламентарии смотрели на узаконение такого рода как на акт, *стоявший ниже статута и предназначавшийся скорее для приведения закона в исполнение, нежели для формулирования новых правовых норм*. Не случайно Карл I, оценивая в послании от 1 апреля 1642 года принятый парламентом ординанс о милиции, писал о своей неудовлетворенности этим актом и о полной удовлетворенности тем, что он — «ничто, необязывающий», поскольку принят без королевского согласия. И не случайно парламентская оппозиция стремилась добиться согласия короля на принятие этого ординанса. И только после того, как окончательно стало ясно, что король не даст такого согласия, Палата общин обратилась к лордам с просьбой ввести его в действие.

Случилось это 7 апреля⁴. Но 13 апреля в парламент поступил королевский вариант билля, касающегося милиции⁵. В ответ пар-

¹ An Ordinance, made and agreed upon by the Lords and Commons in Parliament, the 9th of September 1641, concerning the Raising and Transporting of Forces, of Horse or Foot, out of His Majesty's Dominions of England and Ireland // The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 285.

² См. об этом: *Томсинов В. А.* Законодательная деятельность «Долгого парламента» во второй половине 1641 — начале 1642 г. // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2002. № 2. С. 81–82.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 285.

⁴ В протоколе заседания Палаты лордов, которое состоялось в этот день, говорится: «Палата общин желает, чтобы Лорды привели Ординанс о Милиции в исполнение» (The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 704).

⁵ Ibid. P. 714.

ламентарии решили принять свой вариант такого билля. За основу его текста был взят текст ординанса, принятого ими 5 марта. Парламентская оппозиция сделала некоторые уступки королю. *Во-первых*, в билль не была включена вступительная часть ординанса, в которой говорилось о постоянных угрозах со стороны папистов и других зловердных персон, поднявших мятеж в Ирландии и вынашивающих опасные планы относительно Палаты общин, и о необходимости обеспечить в этих условиях безопасность личности короля, парламента и Английского королевства. *Во-вторых*, полномочия лиц, назначенных парламентом командовать милицией, распространялись в билле на ограниченный и точно указанный срок, который составлял менее двух лет. *В-третьих*, использовать власть над милицией назначенные парламентом наместники могли только для таких целей, как подавление мятежа, восстания и отражение иностранного вторжения.

16 апреля «Акт о командовании милицией Англии и доминиона Уэльс» был рассмотрен Палатой лордов в первом и втором чтениях¹, 19-го лорды рассмотрели его в третьем чтении и постановили: «Принять в качестве закона»². В Палате общин билль о командовании милицией был рассмотрен в первом и втором чтениях 20 апреля. Депутаты приняли решение внести в него поправки и дополнения³. Для их обсуждения была созвана совместная конференция обеих палат парламента, которая состоялась 21 апреля. После конференции Палата лордов еще раз рассмотрела билль и приняла, сразу в трех чтениях, предложенные нижней палатой поправки и дополнения⁴.

На следующий день лорды рассмотрели билль о командовании милицией с внесенными в его текст поправками и дополнениями и постановили принять его в качестве закона⁵. После этого «Акт о командовании милицией Англии и доминиона Уэльс» был передан в нижнюю палату парламента, которая, рассмотрев его в третьем чтении, дала на него согласие⁶. Получив от общин сообще-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 724.

² Ibid. Vol. 5; Beginning Anno Decimo Octavo Caroli Regis. London, 1802. P. 6.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 535.

⁴ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 8.

⁵ Ibid. P. 9.

⁶ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 537.

ние о принятии ими билля о командовании милицией и пожелание быстрее передать его королю, Палата лордов специальным решением назначила своих представителей для скорейшей передачи данного акта Карлу I на утверждение¹.

30 апреля в Палате лордов было зачитано послание Карла I из Йорка, датированное 28 апреля 1642 года², в котором он сообщал о своем отказе утвердить принятый парламентом билль о командовании милиции, и объяснял причины данного отказа.

Король напоминал в начале своего послания, что отказался утвердить ранее представлявшийся ему ординанс из-за того, что лишился им какой-либо власти над милицией, которую он согласился осуществлять вместе с парламентом. По этой причине, давал понять Карл, его не устаивает и билль. Обращаясь к парламентариям, король призывал их задуматься над тем, что они сделали. «Вы вручили этим биллем, переданным Нам (не принимая Нас во внимание), власть над всем Королевством, жизнью и свободой Подданных всех рангов и знатностей в руки отдельных людей на два года. Можете вы вообразить, что Мы вверим в руки отдельных лиц такую абсолютную власть, которую отказываемся передать обеим Палатам Парламента?»³

Соглашаясь с тем, что страхи и подозрения могут побудить к принятию чрезвычайных мер, Его Величество спрашивал депутатов, уверены ли они в том, что эти страхи и подозрения такой природы, что не оставляют никакой возможности прибегнуть к другому средству, кроме как лишить короля какой-либо власти в деле огромного значения — власти, которую Бог и закон вверил единственно ему и которую он согласился разделить с парламентом на основании своего билля, путем передачи ее в руки отдельных подданных. «Что подумали бы о Нас все христианские монархи после того, как мы приняли бы такой билль? Как оценили бы они Наш суверенитет? Поверьте, Наша репутация среди иност-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 10.

² Текст данного послания Карла I был, так же как тексты других посланий Его Величества, опубликован в виде отдельной брошюры, что служит явным свидетельством того, что король рассматривал его в качестве пропагандистского сочинения. См.: His Majesties Message to both Houses of Parliament, Apryl 28. 1642. Concerning His Refusall to passe the Bill for the Militia. London, 1642.

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 32; His Majesties Message to both Houses of Parliament, Apryl 28. 1642. P. 3.

ранных монархов составляет определенное основание вашей безопасности»¹.

В заключение послания Карл сообщал, что не считает себя обладающим столь чрезмерной властью, чтобы ее было необходимо передать другим лицам, как это предписывается биллем, представленным ему парламентариями. Поэтому, заявлял он, «Мы будем полагаться на те королевские права и юрисдикцию, которые Бог и закон Нам дал, для подавления мятежа и сопротивления иностранному вторжению, и которые сохранили это Королевство во времена всех наших Предков, и каковые Мы, без сомнения, будем в состоянии осуществлять; и не столько для Нашего собственного достоинства и права, сколько для свободы и безопасности Нашего Народа Мы не можем принять этот билль»².

В послании Карла I от 28 апреля 1642 года предельно ясно выражалось, почему относительно командования милиции он, много раз до этого уступавший давлению парламента, отдавший на расправу парламентской оппозиции самого способного из верных себе сановников, каким являлся, без всякого сомнения, граф Страффорд³, сделавший в данном случае уступку, которая была очевидным предательством и навлекала позор на Его Величество, отказался, даже на какое-то время, уступить парламенту. Король считал вопрос о контроле над милицией вопросом своего суверенитета. Кто властвует над милицией, тот властвует над страной — именно так понимал он этот вопрос. И как опытный государственный деятель хорошо сознавал, что отдать парламентской оппозиции власть

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 32; His Majesties Message to both Houses of Parliament, Apryl 28. 1642. P. 4.

² «To conclude, We do not find Ourselves possessed of such an Excess of Power, that it is fit to transfer or consent it should be in other Persons (as is directed by this Bill); and therefore We shall rely upon that Royal Right and Jurisdiction, which God and the Law hath given Us, for the suppressing of Rebellion and resisting Foreign Invasion, which hath preserved this Kingdom in the Time of all Our Ancestors, and which We doubt not but We shall be able to execute; and, not more for Our own Honour and Right than for the Liberty and Safety of Our People, We cannot consent to pass this Bill» (The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 32; His Majesties Message to both Houses of Parliament, Apryl 28. 1642. P. 5).

³ См. о деле графа Страффорда: *Томсинов В. А.* Начало революции. Дело графа Страффорда. Законодательная деятельность «Долгого парламента» в феврале–августе 1641 г. // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2001. № 5. С. 17–37.

над страной на два года значит в действительности отдать ее надолго, если не навсегда.

Однако и парламентская оппозиция во главе с Джоном Пимом — политиком волевым и умным — не желала уступать королю контроля над милицией. Объяснить ее поведение намного труднее, чем понять поведение короля. К чему она стремилась, добиваясь власти над милицией? Неужели эти люди, никогда ничем не управлявшие (кроме разве своих жен и слуг), хотели полной власти над страной? Их поведение весной 1642 года показывает, что хотели. Мечтать не вредно для здоровья — вредно воплощать свои мечты в действительность. Интересно, если бы могли эти люди не только мечтать, но и предвидеть, если бы могли догадаться, что из пропасти, в которую сталкивается ими страна, не все они выберутся — и даже далеко не все, — стали бы они добиваться полной власти над страной?

3 мая Палата общин решила привести в действие принятый 5/15 марта парламентом ординанс о милиции. По этому поводу был составлен проект декларации обеих палат и передан на рассмотрение лордам¹. Рассмотрев 5 мая данный текст, лорды постановили, что «Декларация должна быть напечатана и опубликована»².

Отказ Карла I утвердить представленный ему парламентом билль о командовании милицией объяснялся в этом документе влиянием на короля мнения «зловредных и бесчестных советников, пользующихся у Него бóльшим доверием, чем Его Большой Совет Парламента, в деле столь высокой важности, что от него зависит безопасность Его Королевства и мир Его Народа»³. В декларации отвергался упрек Его Величества в том, что лица, которым предоставляется полномочие командовать милицией, получают слишком большую власть, и давалось пояснение, что это всего лишь власть подавлять мятеж, восстание и бороться с иностранным вторжением. При этом лорды и общины напоминали королю, что, согласно биллю, эти лица не просто назначаются парламентом, но еще и утверждаются в своих должностях королем.

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 555–556.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 46.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 556; The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 46.

В заключительной части декларации говорилось, что лорды и общины, столкнувшись с отказом в удовлетворении необходимых и справедливых просьб и сознавая свою ответственность перед Богом охранять безопасность королевства и мир народа от угрозы «зловредной партии дома или от бешенства внешних врагов и не зная никакого другого способа отвести надвигающуюся и приближающуюся опасность, кроме как приведением народа в состояние обороны, решили привести их вышеуказанный ординанс в исполнение в настоящее время; и требуют от всех лиц, облеченных властью на основании указанного ординанса немедленно привести его в исполнение, а от всех других соблюдать его, согласно фундаментальным Законам Королевства, если они стремятся поддерживать истинную протестантскую религию, безопасность личности Его Величества и Его Потомства, мир Королевства и людей этого Государства (Commonwealth)»¹.

5. Декларация лордов и общин от 6 июня 1642 года

В течение мая парламент неоднократно обращался на своих заседаниях к вопросу о приведении ординанса о милиции в исполнение в конкретных графствах. Карл I в ответ на это издал 27 мая прокламацию, «запрещающую всем его подданным, состоявшим в военных отрядах или в милиции королевства, сниматься с места, двигаться куда-либо, откликаться на призыв на военную службу (to rise, march, muster) по приказу или ординансу одной или обеих Палат Парламента, без согласия или предписания от Его Величества под страхом наказания, согласно законам». В обоснование этого запрета Карл ссылался на статут, изданный в седьмой год правления Эдуарда Первого. В нем запрещалось вооруженным людям под страхом наказания приходить на заседания парламента и нарушать мир и объявлялось, что прелаты, графы и бароны Английского королевства признали долгом короля защищать его от тех, кто носит оружие. Вооружение милиции и формирование из вооруженных людей воинских подразделений на основании парламентского ординанса, без согласия или какого-либо поручения

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 46.

или предписания короля, признавалось в прокламации противоречащим указанному статуту¹.

В качестве реакции на эту прокламацию лорды и общины приняли 6 июня декларацию, в которой заявили, что ни статут седьмого года правления Эдуарда I, ни какой-либо другой закон этого королевства «не ограничивает и не лишает юридической силы ординанса, одобренного двумя Палатами Парламента, о командовании и распоряжении милицией Королевства в это время чрезвычайной и надвигающейся опасности, и не подвергает Подданных Его Величества какому-либо наказанию за подчинение ему, несмотря на то, что Его Величество оказался дать Свое Согласие на этот ординанс, но обязывает подчиняться фундаментальным законам этого Королевства»². Что понималось в данном случае под «фундаментальными законами», не вполне ясно: никаких пояснений декларация на сей счет не давала. Но впечатление о том, что ординанс опирается на что-то прочное, эти слова создавали. После них в декларации приводился полный текст статута Эдуарда Первого, на который ссылался в своей прокламации Карл I:

«Король приветствует Судью Нашей Скамьи. Принимая во внимание, что недавно, до того как некоторые лица были делегированы для участия в различных дебатах, которые велись между Нами и некоторыми Большими Людьями Нашего Королевства, среди других дел было одобрено, что в Нашем следующем Парламенте должна быть издана Нами, и при общем согласии прелатов, графов и баронов, нижеследующая провизия, а именно: чтобы во все Парламенты, на переговоры и в другие собрания, которые будут когда-либо созываться в Королевстве Англии, каждый мужчина приходил без вооруженного отряда и оружия, дружелюбным и миролюбивым, к чести Нашей и Нашего Королевства; и вот теперь, в Нашем следующем Парламенте в Уэстм[инстере], после вышеуказанных переговоров, прелаты, графы, бароны и общины Нашего Королевства, собравшиеся там для совета по этому делу, сказали, что Нам принадлежит и Нашей долей является, через Наше Королевское Сеньёрство, прямо защищать Наш мир от вооруженной силы или всякой другой силы, во все времена, когда

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 111–112.

² Ibid. P. 112.

Нам будет угодно, и наказывать тех, кто будет поступать противоположно, согласно Нашим Законам и Обычаям Нашего Королевства. И потому они обязаны помогать Нам, как своему Суверенному Господину, во все времена, когда будет в том нужда: Мы приказываем вам, чтобы вы повелели зачитать эти статьи в вашем присутствии в указанном Суде Скамьи и оставили их там в свитке. Дано в Уэстм[инстере] в 30 день октября»¹.

Обратившись к содержанию статута Эдуарда I, парламентарии дали ему в своей декларации толкование, подтверждавшее их притязания контролировать милицию. Целью данного статута, — заявили они, — было обеспечить, чтобы в парламент люди приходили без оружия. Поэтому вопрос в данном случае заключается не в том, принадлежит королю или нет право ограничивать силу, а в другом: если король откажется выполнять свой долг, правомочны ли будут обе палаты сами обеспечить безопасность парламента и мир в королевстве, что, собственно, и составляет цель, для которой был издан ординанс о милиции. Хотя закон предоставляет правомочие защищать мир королю, однако он не отстраняет от этой обязанности тех, кому вручает для этой цели власть, как-то: суды правосудия, шерифы и другие должностные лица. «И поскольку их власть проистекает от Короля через посредство Его патентов, то она не может быть ограничена приказом Его Величества, Его Большой Печатью или иным образом; еще менее могут быть ограничены приказом Его Величества полномочия Парламента, пото-

¹ «The King to the Justices of His Bench sendeth Greeting. Whereas of late, before certain Persons deputed to treat upon sundry Debates had between Us and certain Great Men of Our Realm, amongst other Things, it was accorded, That, in Our next Parliament, after Provision shall be made by Us, and the Common Assent of Prelates, Earls, and Barons, That, in all Parliaments, Treaties, and other Assemblies, which should be made in the Realm of England for ever, that every Man shall come, without all Force and Armour, well and peaceably, to the Honour of Us and Our Realm; and now, in Our next Parliament at Westm. after the said Treaties, the Prelates, Earls, Barons, and the Commonalty of Our Realm, there assembled to take Advice of this Business, have said, That to Us it belongeth, and Our Part is, through Our Royal Segniory, straightly to defend Force of Armour, and all other Force against Our Peace; at all Times when it shall please Us, and to punish them which shall do contrary, according to Our Laws and Usages of Our Realm. And hereunto they are bound to aid Us, as their Sovereign Lord, at all Seasons when Need shall be: We command you, that you cause these Things to be read afore you in the said Bench, and there to be inrolled. Given at Westm. the 30th Day of October (The Declaration of 7 Ed. I, quoted in His Majesty's Proclamation // The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 112).

му что его власть имеет более высокую и более выдающуюся природу, чем власть любого из этих судов»¹.

Издавая 27 мая 1642 года прокламацию, запрещающую исполнять парламентский ординанс о милиции, Карл I исходил из того, что этот ординанс не имеет юридической силы, поскольку принят без согласия Его Величества. Парламентарии понимали, что самый верный способ защитить ординанс от королевской прокламации — доказать его законность. И такую попытку они предприняли в декларации от 6 июня. Однако эта попытка свелась к весьма сомнительному утверждению о том, что король якобы отказался выполнить свой долг по защите парламента и мира в своем королевстве. В действительности же Карл I не отказывался от него. Более того, Его Величество неоднократно заявлял лордам и общинам, что готов их защитить от врагов, но просил при этом указать, кто они, эти враги, и где находятся. А парламентарии уклонялись от ответа на данный вопрос и продолжали твердить о неких зловердных советниках короля и папистах, которые представляют якобы опасную угрозу для всего королевства.

Идеологи парламентской оппозиции предпринимали попытки обосновать законность притязаний парламента контролировать милицию опытом прошлого, но не нашли для такого обоснования убедительных исторических прецедентов².

¹ «And as their Power is derived from the King by His Patents, yet cannot it be restrained by His Majesty's Command, by His Great Seal, or otherwise; much less can the Power of Parliament be concluded by His Majesty's Command, because the Authority thereof is of a higher and more eminent Nature than any of those Courts» (The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 112).

² О том, что подобные попытки действительно имели место, свидетельствует обнаруженная в бумагах Джона Пима, после его смерти, рукопись анонимного произведения «Избранные наблюдения над некоторыми должностями и должностными лицами в милиции Англии. С властью Парламента создавать их так, как они считают целесообразным». Написано было это произведение с весьма примечательным названием в начале 1642 г. (или в конце 1641 г. по Юлианскому календарю). Сам лидер парламентской оппозиции его написал или кто-то другой, неизвестно. См.: Select Observations on the several offices, and officers in the MILITIA OF ENGLAND. With the power of th Parliament to raise the same, as they shall judge expedient, &c. Collected and found among the Papers of the late Mr. John Pymm (так в оригинале. — В. Т.), A Member of House of Commons // The Harleian Miscellany; Or, A Collection of scarce, curious and entertaining pamphlets and tracts, as well in manuscript, as in print, found in the late Earl of Oxford's Library. London, 1810. Vol. 5. P. 47–52.

Было очевидно, что, доказывая законность ординанса о милиции, принятого лордами и общинами без согласия короля, парламентарии могли получить только один результат: еще раз показать шаткость своей позиции. Поэтому в декларации, изданной в ответ на королевскую прокламацию, они главное внимание уделили не ординансу, а прокламации. И попытались доказать, что не парламентский ординанс, а королевская прокламация не имеет юридической силы. Но поставив перед собой такую цель, идеологи парламентской оппозиции избрали самый простой способ ее достижения: они решили доказать, что король имеет только символическую, формальную власть, которая не позволяет ему ограничить полномочия парламента и лишить юридической силы ординанс, принятый лордами и общинами. Обоснованию этой незамысловатой идеи была посвящена следующая часть парламентской декларации:

«Признано, что Король является источником правосудия и защиты; однако акты правосудия и защиты не осуществляются в Его собственной Персоне и не зависят от Его желания, но осуществляются Его судами и Его министрами, которые должны исполнять там свой долг, даже если Король в Его собственной Персоне запретит им это делать; и поэтому, хотя судебные решения могут быть вынесены ими против королевской воли и личного приказа, они, тем не менее, являются королевскими судебными решениями. Высокий Суд Парламента не только Суд, уполномоченный законами выносить решения и определять права и свободы королевства, против таких патентов и грантов Его Величества, которые пагубны, хотя и усилены как Его личным приказом, так и его прокламацией, скрепленной Большой Печатью; но он является также Советом, предназначенным в случае необходимости предотвращать надвигающиеся опасности и сохранять общественный мир и безопасность Королевства и объявлять королевскую волю в тех делах, где это необходимо; и то, что они в данном случае делают, несет на себе печать королевского авторитета, хотя Его Величество, попавший под влияние дурного совета, в Своей собственной персоне, противостоит или препятствует этому; так как Верховная и Королевская Воля Короля (King's Supreme and Royal Pleasure) осуществляется и объявляется в этом Высоком Суде Права и Совете в более выдающейся и обязывающей манере,

чем это может быть сделано посредством личного акта или решения Его самого»¹.

Приведенные рассуждения дали парламентариям основание подтвердить в своей декларации от 6 июня законность принятого ими ординанса о милиции и необходимость для верных подданных Его Величества подчиняться данному акту. Парламент был представлен в них в качестве органа, способного осуществлять законодательную власть самостоятельно, без участия короля. Выраженная же в этих рассуждениях трактовка королевской власти как явления, обособленного от королевской персоны, от короля как физического лица, позволила парламентской оппозиции представить исполнение предписаний ординанса, против которого была направлена королевская прокламация, оказанием помощи Его Величеству, исполнением того, что к чему он был обязан как король².

В заключительной части парламентской декларации лорды и общины объявляли прокламацию Карла I, запрещающую исполнение предписаний ординанса о милиции, «недействительной в праве и не имеющей силы». При этом поясняли, что такой вывод делается ими потому, что «конституцией и политикой этого Коро-

¹ «It is acknowledged, that the King is the Fountain of Justice and Protection; but the Acts of Justice and Protection are not exercised in His own Person, nor depend upon His Pleasure, but by His Courts, and by His Ministers, who must do their Duty therein, though the King in His own Person should forbid them; and therefore, if Judgements should be given by them against the King's Will and Personal Command, yet are they the King's Judgements. The High Court of Parliament is not only a Court of Judicature, enabled by the Laws to adjudge and determine the Rights and Liberties of the Kingdom, against such Patents and Grants of His Majesty as are prejudicial thereunto, although strengthened both by His Personal Command and by His Proclamation under the Great Seal; but it is likewise a Council, to provide for the Necessities, prevent the imminent Dangers, and preserve the Public Peace and Safety, of the Kingdom, and to declare the King's Pleasure in those Things as are requisite thereunto; and what they do herein hath the Stamp of Royal Authority, although His Majesty, seduced by evil Counsel, do, in His own Person, oppose or interrupt the same; for the King's Supreme and Royal Pleasure is exercised and declared, in this High Court of Law and Council, after a more eminent and obligatory Manner than it can be by Personal Act or Resolution of His own» (The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 112).

² Дословно об этом в Декларации лордов и общин от 6 июня 1642 г. говорилось следующее: «All His Majesty's loving Subjects, as well by that Law as by other Laws, are bound to be obedient thereunto; and what they do therein is (according to that Law) to be interpreted to be done in Aid of the King, in Discharge of that Trust which He is tied to perform» (ibid. P. 113).

левства Король не может Своей прокламацией объявить закон вопреки решению и резолюции какого-либо из низших судов правосудия, гораздо меньше — против Высокого Суда Парламента; так как, если допустить, что Король, Своей прокламацией, может объявлять право, в связи с чем Его прокламации будут становиться в действительности законами, это повлечет за собой ниспровержение закона страны и прав и свобод Подданных»¹.

Декларация лордов и общин от 6 июня 1642 года завершила «войну бумаг»² между королем и парламентской оппозицией по вопросу контроля над милицией. Обмен «декларациями» и «ответами» продолжался между ними и в дальнейшем, но их темой были уже другие проблемы.

«Бумажная» же борьба за власть над милицией сыграла свою роль. Главное значение этой борьбы историки усматривают обыкновенно в том, что она до предела обострила конфликт между королем и парламентариями и тем самым приблизила их к гражданской войне. На мой взгляд, это значение в другом.

Стремление противоборствовавших сторон обосновать свои притязания на власть над милицией и представить их парламенту и населению страны в наиболее убедительном виде заставило каждую из них разработать свою собственную доктрину английского государственного строя, которая в условиях ожесточавшейся борьбы за власть принимала на себя роль политической программы, становилась идеологическим знаменем.

¹ «Wherefore the Lords and Commons do declare the said Proclamation to be void in Law, and of none Effect; for that, by the Constitution and Policy of this Kingdom, the King by His Proclamation cannot declare the Law contrary to the Judgement and Resolution of any of the Inferior Courts of Justice, much less against the High Court of Parliament; for, if it were admitted that the King, by His Proclamation, may declare a Law, thereby His Proclamations will in Effect become Laws, which would turn to the subverting of the Law of the Land and the Rights and Liberties of the Subjects» (ibid. P. 113).

² Выражение «война бумаг (paper war)» я увидел в одиннадцатом томе «Парламентской или конституционной истории Англии» (The Parliamentary or Constitutional History of England. Vol. 11: From May 20, 1642, to the battle of Edge-Hill in October following. London, 1762. P. 256). На мой взгляд, оно очень удачно передает суть происходившего в этой стране весной 1642 года. Король и парламентская оппозиция вели самую настоящую пропагандистскую войну — войну за умы англичан. Каждая из противоборствующих политических группировок старалась склонить на свою сторону как можно больше населения и получить тем самым в свое распоряжение больше солдат и денег.

Прокламация Карла I от 27 мая и составленная в ответ на нее декларация лордов и общин от 6 июня выражали воззрения короля и парламентской оппозиции на сущность королевской власти, место короля и парламента в политической системе. Эти воззрения были в чем-то сходны, но и различны во многом. Они опирались на опыт прошлого, на историю законодательства, на правовые и просто исторические прецеденты. Никогда прежде история не вызывала в Англии такого большого уважения к себе и столь огромного интереса, как в преддверии гражданской войны. Но это был особый интерес. Исторические знания уважали, как уважают оружие. К историческому опыту обращались, главным образом, для того, чтобы найти убедительные аргументы для обоснования своей позиции. Политические воззрения не *выводили* из этого опыта, а *вываливали* в нем, чтобы покрыть их пылью прошлого, которая в тогдашних идеологических спорах ценилась как позолота. Потому что споры эти были спорами о том, кому должна в будущем принадлежать власть над страной. И в них искали не истины, а победы любой ценой. Поскольку понимали, что в условиях тогдашней Англии победа какой-либо политической группировки в идеологической войне создавала благоприятные предпосылки для будущей ее победы в настоящей — небумажной войне.

С точки зрения сложившейся в Англии к 40-м годам XVII века юридической конструкции государственного строя борьба короля с парламентом и парламента с королем была возможна лишь в очень ограниченных пределах. В своих высших формах королевская власть могла осуществляться только в соединении с парламентскими полномочиями. Депутат Палаты общин Георг Дигби (*George Digby*, 1612–1677) говорил об этом в своей парламентской речи 19/29 января 1640/1641 года: «Истина, сэръ, заключается в том, что Король *Англии* никогда не стоит в своей славе, в своем величии, в своем Величественном Суверенитете так, как в *парламентах*. Где полномочие назначать налоги? Где полномочие восстанавливать в правоспособности? Где законодательная власть? Соединены в короле, мистер *спикер*. Но как? В короле, окруженном, укрепленном и усиленном его *Парламентом*. Король вне *парламента* имеет ограниченную, очерченную юрисдикцию. Но сопровождаемый своим *парламентом* — ни один монарх Востока не является столь абсолютным в рассе-

ивании недовольства»¹. С другой стороны, и парламент не мог действовать без короля: смерть короля влекла за собой автоматический роспуск парламента. Парламентские законопроекты и решения парламента по делам, рассматривавшимся в порядке импичмента, могли получить юридическую силу только после королевского утверждения. Не случайно, король мыслился неотъемлемой частью парламента.

Все это означало, что король и парламента составляли в английской политической системе элементы единого органа верховной власти, и обострение конфликта между ними до прекращения их сотрудничества, до полного раскола неизбежно вызывало паралич государственного организма.

Противоборствовавшие стороны хорошо знали эту особенность традиционной юридической конструкции государственного строя. Но вместе с тем они понимали, что дальнейшее обострение конфликта между ними является неизбежным и превращение его в гражданскую войну — в высшей степени вероятным.

Пониманием этого во многом диктовалось поведение короля и парламентской оппозиции весной 1642 года. Карл I прилагал большие усилия для того, чтобы склонить на свою сторону как можно большее число парламентариев, побудить их покинуть Уэстминстер и присоединиться к нему. Парламентская же оппозиция старалась найти в юридической конструкции государственного строя Англии более или менее убедительные основания для функционирования парламента в качестве легитимного органа верховной государственной власти без участия Карла I. Поиск таких оснований был стимулирован в значительной мере стремлением парламентариев доказать законность ординанса о командовании милицией, принятого ими без согласия короля. Но еще более важ-

¹ «The truth is Sir, the Kings of *England* are never in their glory, in their splendor, in their Majestique Sovereignty, but in *Parliaments*. Where is the power of imposing Taxes? Where is the power of restoring from incapacities? Where is the legislative Authority? Marry in the King, Mr. *Speaker*. But how? In the King circled in, fortified and evirtuated by his *Parliament*. The King out of *Parliament* hath a limited, a circumscribed Jurisdiction. But wayted on by his *Parliament*, no Monarch of the East is so absolute in dispelling Grievances» (The Lord Digbyes speech in the House of Commons to the Bill for trienniall Parliaments. Jan. 19. 1640 // The Speeches of the Lord Digby in the High Court of *Parliament*, concerning grievances and the Trienniall Parliament. London, 1641. P. 24).

ную роль сыграл в данном случае конфликт парламента с королем по поводу крепости Галл.

6. Борьба между королем и парламентом за контроль над крепостью Галл

Потерпев в январе 1641/1642 года неудачу в попытке поставить на должность коменданта Галла преданного себе человека, Карл I не отказался от замысла взять эту крепость, а значит, и расположенный в ней армейский склад под свой контроль. 8 апреля он отправил в Палату лордов письмо, в котором сообщил о своем намерении отправиться в мятежную Ирландию. Парламентарии были поставлены в известность о том, что для своей охраны во время этой поездки король собирается призвать на военную службу через посредство своих наместников в графствах, примыкающих к западному Честеру, две тысячи пехотинцев и двести кавалеристов; причем вооружение и амуницию для них Его Величество планирует взять со склада в Галле. В связи с этим Карл просил парламент выделить для обеспечения его военной экспедиции в Ирландию необходимые финансовые средства. Указанное королевское письмо было зачитано в парламенте 11 апреля¹. 15 апреля лорды и общины приняли обращение к королю, в котором упрекали его в отклонении от сложившегося при прежних королях порядка принятия решений по вопросам, которые касаются спокойствия и безопасности английских подданных. Карлу I напоминали, что в подобных случаях короли должны принимать решения только после совета с парламентом. От поездки же в Ирландию лорды и общины посоветовали королю по целому ряду причин воздержаться. «Это чрезвычайно ободрит мятежников, которые верят и декларируют, что Его Величество благоволит им и разрешает их действия и что это восстание предпринято по предписанию Вашей Комиссии»², — говорилось в послании парламента Карлу I.

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 709–710.

² Ibid. P. 720. Под «Комиссией» в данном случае имеется в виду Комиссия наместников — местный орган государственной власти, наделенный полномочием в случае войны или мятежа созывать и собирать в армейские подразделения всех подданных, проживавших в пределах вверенного им графства. См.: Commission of Lieutenancy, 1585 // Select Statutes and other illustrative of the reigns of Elizabeth and James I. P. 154–156.

Кроме того, лорды и общины выражали опасение, что отсутствие короля в Англии приостановит деятельность парламента и лишит английских подданных «выгоды тех последующих актов милости и справедливости», которые парламента покорно ожидает от Его Величества. Поездка в Ирландию, увещевали парламентарии своего короля, «чрезвычайно увеличит подозрения и страхи Вашего Народа и придадут бóльшую вероятность его сомнениям относительно действий, которые некоторые дурные советники в Вашем окружении намереваются предпринять против парламента, в пользу зловредной партии этого Королевства»¹.

Перечислив свои доводы против рассматриваемого плана короля, лорды и общины заявили в обращении к королю: «Мы решили, при полном и взаимном согласии обеих палат, что не можем, исполняя свой долг, дать согласие на осуществление Вашим Величеством каких-либо сборов (levies) или призыва солдат для этой запланированной Вами экспедиции в Ирландию»². Одновременно парламентом был принят ряд постановлений, призванных предотвратить всякую возможность создания Карлом I войскового подразделения для похода в Ирландию. Так, в одном из таких постановлений объявлялся «врагом государства» любой, кто будет помогать королю в этом деле»³.

Специальное постановление парламента было адресовано коменданту Галла. В нем содержалось требование к сэру Джону Готэму «внимательно соблюдать приказы и предписания, данные ему прежде; и не передавать какого-либо оружия или амуниции из магазина Его Величества в Галле, кроме как по приказу обеих палат парламента»⁴.

Еще до поступления в парламента письма короля о его намерении совершить военную экспедицию в Ирландию лорды и общины стали обсуждать вопрос о перемещении оружия и амуниции,

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 4. P. 720.

² Ibid.

³ Дословно в этом постановлении говорилось: «Resolved, &c. That, in respect of the great Fears and Distractions of this Kingdom, and for the Security of His Majesty's good Subjects, and in regard His Majesty hath committed the managing of the War of Ireland to the Parliament; if any Man shall endeavour to raise Forces for Ireland, or otherwise, or continue any Forces so raised, without Consent of both Houses of Parliament, it is Declared, That he is an Enemy of the State, and liable to the Censure of Parliament» (ibid).

⁴ Ibid. P. 721.

хранившихся в Галле, на военный склад в лондонском Тауэре. Известие об этом беспокоило сторонников Карла I в Йоркшире. 22 апреля они обратились к нему с петицией, призывавшей Его Величество отправиться в Галл и взять находящийся там военный склад под личный надзор. В ответ на этот призыв Карл направил Джону Готэму письмо, в котором объявил о своем намерении осмотреть склад. 23 апреля король в сопровождении приблизительно четырех сотен всадников подъехал к воротам Галла и попросил коменданта впустить его. Но тот, стоя на крепостной стене, объявил королю, что не может впустить Его Величество в крепость «без нарушения долга по отношению к Парламенту Его Величества»¹.

24 апреля король обратился с посланием к парламенту, в котором выразил свое удивление по поводу такого поведения коменданта Галла и потребовал привлечь его к ответственности за государственную измену. Лорды и общины, рассмотрев 26 апреля королевское послание, постановили, что Джон Готэм действовал во исполнение приказов обеих палат парламента и объявление его, члена Палаты общин, изменником является серьезным нарушением привилегии парламента². В тот же день лорды и общины приняли окончательное решение о перевозке вооружений и амуниции из Галла в лондонский Тауэр. Свою позицию они выразили в декларации, принятой 28 апреля. Для обеспечения парламентского контроля над крепостью был создан специальный комитет из пяти парламентариев. Наместникам, их заместителям, шерифам, мировым судьям и другим должностным лицам местного управления парламентом было предписано оказывать данному комитету всяческое содействие³.

30 апреля в парламенте было зачитано королевское послание по поводу Галла, датированное двумя днями ранее. Карл просил парламентариев предпринять насколько возможно быстрее необходимые меры для передачи Галла и военного склада под его контроль и привлечения Джона Готэма к ответственности за оскорбление королевской персоны. «Мы поставлены, — заявлял король, — в состояние, которое настолько хуже состояния любого из наших Подданных, что в то время когда вы все пользуетесь своими при-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 16.

² Ibid. P. 17.

³ Ibid. P. 27.

вилегиями и можете не беспокоиться за свои владения или за то, что ваши титулы оспариваются, Нас могут только грабить, выбрасывать из наших городов и лишать нас нашего имущества; настало время проверить, каким образом Мы утратили эти привилегии и попытаться всеми возможными способами, с помощью Бога, законов страны и любви наших добрых подданных, восстановить их и защитить нас от этих ущемлений в правах. И если Мы потерпим неудачу в этом, Мы станем Первым Монархом этого Королевства, который испытает это, не имея никакой другой цели, кроме как защищать истинную протестантскую веру, закон страны и свободу Подданного»¹.

Удивительно, король слезно жаловался своему парламенту, что пребывает в положении более бесправном, чем положение любого из английских подданных, и настоятельно просил восстановить его королевскую персону в статусе, соответствовавшем законам страны! Что же произошло в Англии, если король стал вдруг писать такие письма?

7. Создание идеологами парламентской оппозиции юридической доктрины, оправдывающей войну против короля

Революция обыкновенно представляется в исторической литературе в виде бури, сметающей старое государственное здание и очищающей почву для создания новых политических учреждений. Такой образ вполне применим к событиям, случившимся в Англии в конце 1648 – начале 1649 года. В ходе их была уничтожена монархия, ликвидированы связанные с ней институты – Тайный совет и Палата лордов. Революционная буря унесла в небытие и

¹ «We are brought into a Condition so much worse than any of Our Subjects, that, whilst you all enjoy your Privileges, and may not have your Possessions disturbed, or your Titles questioned, We only may be spoiled, thrown out of Our Towns, and Our Goods taken from Us; it is Time to examine how We have lost those Privileges, and to try all possible Ways, by the Help of God, the Law of the Land, and the Affection of Our good Subjects, to recover them, and vindicate Ourselves from those Injuries. And, if We shall miscarry herein, We shall be the First Prince of this Kingdom that hath done so, having no other End but to defend the true Protestant Profession, the Law of the Land, and the Liberty of the Subject» (The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 31).

короля Карла I. Верховную власть в Английском государстве стал воплощать однопалатный парламент.

Революционные события, происходившие в Англии весной и летом 1642 года, по своему воздействию на государство были подобны землетрясению. Они не уничтожили здания английской государственности, но вызвали в нем трещины, проявившие предельно ясно его истинное состояние.

Конфликт Карла I с парламентской оппозицией по вопросу контроля над милицией и крепостью Галл показал, что представление о верховной государственной власти в Англии как о власти, основанной на соединении полномочий короля и парламента, не было выдумкой идеологов (теолога Ричарда Хукера¹, правоведов Эдуарда Кука², Джеймса Уайтлока³ и др.), но отражало действительность. Король, лишенный поддержки парламента, оказывался неспособным навязывать свою волю подданным, проводить в стране собственную политику. Действия же парламента, не получившие санкции короля, не имели юридической силы. Карл I в своем ответе на декларацию лордов и общин относительно Галла, датированном 4 мая 1642 года, писал об этой взаимосвязи высших органов государственной власти Англии: «Мы очень хорошо знаем великую и неограниченную власть Парламента, но мы знаем так же, что она такая только в том смысле, что Мы являемся частью этого Парламента. Без Нас и вопреки Нашему согласию, голоса какой-либо или обеих палат вместе не должны, не могут, не будут (если Мы можем избежать этого ради блага наших Подданных, так же как и Нашего собственного) запрещать что-либо, что является исползуемым по закону, или использовать что-либо, запрещенное законом; но при любой перемене, которая может быть осуществлена для мира и счастья Королевства, Мы не должны, не будем отказывать в согласии: и мы не сомневаемся в том, что все Наши добрые подданные легко распознают, в каком опасном состоянии и беспорядке они должны будут со всей необходимостью и неизбежностью оказаться, если посредством голосов или постановле-

¹ См.: *Hooker R.* Of the Laws of Ecclesiastical Polity // The works of that learned and judicious divine Mr. Richard Hooker with an account of his life and death by Isaac Walton. Seventh edition. Vol. 3. Oxford, 1888. P. 408–409.

² См.: *Coke E.* The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England; concerning the jurisdiction of Courts. The Fifth edition. London, 1671. P. 1.

³ См.: *Holdsworth W.* A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 85.

ний какой-либо одной или обеих палат возможно будет изменить наследование, аннулировать покупки, отменить передачу прав на имущество, к верховной законной власти относиться с презрением и противиться ей; именно это имеет место в Нашем случае с Галлом; и если это составляет Наше настоящее, то по такому же правилу оно может стать вашим завтра»¹.

Рассматриваемый документ примечателен тем, что Карл I трижды употребил в нем грозное словосочетание «civil war (гражданская война)». «Не во власти каких-либо лиц, — заявлял он, в частности, — побудить Нас поднять оружие против Нашего Парламента и наших добрых подданных и ужасным образом свергнуть это Королевство в гражданскую войну». Если какая-нибудь гражданская война все же разразится, утверждал король, и вследствие этого прольется кровь и наступит разруха, «Бог и Наша собственная совесть говорит Нам, что Мы — чисты».

Его Величество старался внушить своим подданным, что не он разжигал в Англии пожар гражданской войны, а противостоявшая ему группа парламентариев. Отказ коменданта Галла, подчинявшегося приказам парламента, впустить его в крепость Карл I представлял в качестве факта, свидетельствовавшего о том, что против Его королевского Величества начата война. «Мы не претендуем на то, чтобы многое понимать в праве, — заявлял король, — однако в вопросе измены Нам было преподано этим парламентом много уроков; и если смысл Статута, принятого в 25-м году правления Эдуарда III, не слишком отличается от буквы, поступок сэра Джона Готэма был ничем иным, как явной государственной изменой; и Мы были бы презренно глупы, если бы...

¹ «We very well know the great and unlimited Power of a Parliament, but We know, as well, that it is only in that sense, as We are a Part of that Parliament. Without us, and against Our Consent, the Votes of either, or both Houses together, must not, cannot, shall not (if We can help it for Our Subjects sake, as well as Our own) forbid any thing that is enjoined by the Law, or enjoyn any thing that is forbidden by the Law; but in any such Alteration, which may be for the Peace and Happiness of the Kingdom, We have not, shall not refuse to consent: And We doubt not, but that all Our good Subjects will easily discern, in what a miserable Insecurity and confusion they must necessarily and inevitably be, if Descents may be altered, Purchases avoided, Assurances and Conveyances cancelled, the Sovereign legal Authority despised and resisted, by Votes or Orders of either or both Houses; and this We are sure is Our Case at Hull; and as it is Ours today, by the same Rule it may be theirs tomorrow» (His Majesties Answer to the Declaration of both Houses concerning Hull. Sent 4. May 1642. London, 1642. P. 1–2; The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 50–51).

усомнились объявить его изменником; и так это или нет, но если он представляется таким, то Мы не требуем никакого иного суда, кроме того, который закон назначил каждому подданному»¹. Карл I выражал уверенность в том, что не нарушил попыткой отстоять «законным способом свои собственные неоспоримые привилегии» законов Англии и привилегий парламента. Объявление же сэра Джона Готэма изменником до проведения суда над ним Его Величество считал вполне оправданным в той обстановке. «Разве страхи и подозрения не обходятся без действительных и необходимых форм? И разве Мы должны, когда против Нас развязана настоящая война, соблюдать формы, самим законом не предписанные?»² — восклицал он в своем ответе на декларацию лордов и общин от 4 мая 1642 года.

Парламентская оппозиция также говорила об опасности гражданской войны, но виновным в ее развязывании объявляла Карла I. При этом в качестве главного доказательства стремления короля к войне назывались попытки Его Величества сформировать вооруженный отряд. Карл сообщал в свое оправдание, что желает обзавестись лишь охраной для себя, но парламентарии заявляли в ответ, что «под прикрытием создания охраны» король приказывает войскам, как конным, так и пешим, собраться в Йорке»³. На основании этого факта совместная конференция лордов и общин приняла 20 мая три резолюции. В *первой* из них утверждалось, что «король намеревается под влиянием дурных советников развязать войну против парламента, который предполагает во всех своих советах и действиях никакой цели для себя, кроме заботы о его королевстве и исполнении всякого долга и сохранения преданности к его персоне»⁴; во *второй* признавалось, что развязывание королем войны против парламента является «нарушением доверия, которым он облечен своим народом, противно его клятве и ведет к уничтожению его правления»⁵; в *третьей* резолюции объявлялось: тот, кто будет служить или оказывать ему содействие в таких войнах, будет считаться изменником по фундаментальным законам этого королевства»⁶.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 51.

² Ibid. P. 52.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 581.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

Приведенные резолюции показывают, что и парламентская оппозиция готовилась к гражданской войне.

Любая война — это не только столкновение вооруженных сил, но и противостояние идеологий. В гражданской войне идеологическая борьба приобретает особое значение: победа в ней достается той стороне, которая сумеет убедить в своей правоте большинство соотечественников. Для английских парламентариев, готовившихся весной 1642 года к войне с собственным королем, главная проблема заключалась не в создании армии, но в выработке политико-правовой доктрины, способной оправдать их выступление против Карла I.

Согласно действовавшему праву Английского королевства развязывание войны против короля считалось при любых обстоятельствах государственной изменой (*high treason*). Эта норма была установлена «Декларацией о том, какие правонарушения должны рассматриваться в качестве измены», изданной Эдуардом III по просьбе лордов и общин на двадцать пятом году его правления. В исторической литературе названный документ известен больше как Статут или Акт об измене 1352 года (*Treason act, 1352*). В нем говорилось: «Принимая во внимание, что до настоящего времени существуют различные мнения относительно того, в каком случае следует говорить об измене, а в каком — нет, король по просьбе лордов и общин издал декларацию нижеследующего содержания...»¹ Далее шло описание действий, которые надлежало отныне трактовать в качестве измены. Совершившим данное преступление признавался при этом и тот, кто «поднимает войну против нашего господина Короля в его королевстве или выступает в качестве сторонника врагов Короля в его королевстве, оказывая им помощь и поддержку в королевстве, или в каком-либо другом месте»².

Эдуард Кук отмечал в своих комментариях на эту норму Акта 1352 года об измене, что вступление в войну против короля счита-

¹ A declaration which offences shall be adjudged treason // *The Statute at Large, from the Fifteenth Year of King Edward III to the Thirteenth Year of King Henry IV inclusive*. Cambridge, 1762. Vol. 2. P. 50.

² «Ou si home leve de gurre contre nostre dit seigneur le Roi en son roialme ou soit aherdant as enemys nostre seigneur le Roi en le roialme donant a eux eid ou confort en son roialme ou par aillours & de ceo provablement soit atteint de overt faite par gentz de leur condition» (ibid. P. 51).

лось «государственной изменой (high treason)» по common law, «так как ни один подданный не мог поднять войну в пределах королевства без разрешения короля, поскольку это право принадлежало только ему» на том основании, что именно на короля была возложена обязанность «спасать и защищать свое королевство от врагов (Le Roi de droit doit saver et defender son realm vers enemies)»¹.

Современный историк права Дж. Беллэми полагает, что трактовка войны против короля в качестве государственной измены появилась не ранее конца XIII века. «Никто из живших в тринадцатом столетии писателей-правоведов, — пишет он, — не относил ведение войны против короля к измене»². По его мнению, данная категория измены была введена в английское право королем Эдуардом I под влиянием «римской теории, по которой право поднимать войну принадлежало только монархам, над которыми не стояло другой светской власти»³.

Согласно Акту 1352 года это преступление могло выразиться только в действиях. Вынашивание замыслов пойти войной на короля, без попыток привести их в исполнение, не было преступным. Под королем же в данном случае понималось физическое лицо, занимавшее королевскую должность и облеченное соответственно королевскими прерогативами⁴.

В течение XVI – первых десятилетий XVII века понятие государственной измены, зафиксированное в указанном акте Эдуарда III, претерпело некоторые изменения. Так, например, статутом, принятым на тринадцатом году правления королевы Елизаветы Тюдор, государственной изменой стали считаться не только действия, выражающие вступление в войну против короля, но и одно лишь намерение или замысел совершить такие действия⁵. Появилось и постепенно стало утверждаться в судебных процессах по делам о high treason понимание его как преступления, направлен-

¹ *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England: concerning High Treason and other Pleas of the Crown and Criminal Causes. The Fourth edition. London, 1669. P. 9. Э. Кук завершил работу над третьей частью своих «Институций» в 1628 г. Напечатано же впервые это произведение было по распоряжению «долгого парламента» в 1644 г.

² *Bellamy J. G.* The Law of Treason in England in the Later Middle Ages. Cambridge, 1970. P. 22.

³ *Ibid.* P. 14.

⁴ *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England. P. 9.

⁵ *Ibid.* P. 10.

ного не только на физическое лицо короля, но и на государство¹. Тем не менее Акт об измене 1352 года сохранял свою силу вплоть до начала гражданской войны. «В настоящее время не существует никакой измены кроме той, что предусмотрена статутом, принятым в 25 год правления Эдуарда III»², — заявляли королевские судьи в 1628 году при рассмотрении дела эсквайра Хью Пайна.

Готовясь весной 1642 года к войне с королем и его сторонниками, парламентская оппозиция предпринимала попытки внедрить в общественное сознание новое понимание high treason, при котором вооруженное выступление против Карла I могло при определенных условиях не считаться преступлением.

Юридической и идеологической основой для такого понимания государственной измены стала сформулированная английскими правоведами в начале 60-х годов XVI века доктрина двух тел короля — физического и политического³. Указанная доктрина подразумевала, что король выступает в двух свойствах, а именно: в качестве физического лица, обладающим всеми теми свойствами, которыми обладает любой человек, и политического института — так называемой «Короны». При этом предполагалось, что «король не имеет тела естественного, отличного и отделенного само по себе от королевской должности и достоинства, но тело естественное и тело политическое вместе неразделимы», они инкорпорированы в одной персоне и создают одно тело, а не разные, то есть тело корпоративное в теле естественном *et e contra* — тело естественное в теле корпоративном»⁴. Однако в каком бы соотношении есте-

¹ См. об этом: Томсинов В. А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов. М.: Зерцало, 2009. С. 14–16.

² «There is no treason at this day but by the statute 25 Edw. 3» (The Case of Hugh Pine, esq., upon an Accusation of Treason // A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the Year 1783, with notes and other illustrations / Compiled by T. B. Howell. In twenty-one volumes. London, 1816. Vol. 3. Col. 368).

³ См.: Томсинов В. А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров. Р. 29–35.

⁴ The Commentaries, or Reports of Edmund Plowden, of the Middle-Temple, esq. An Apprentice of the Common Law, containing divers cases upon matters of Law, argued and adjudged in the several Reigns of King Edward VI. Queen Mary, King and Queen Philip and Mary, and Queen Elizabeth. To which are added the Quaeries of mr. Plowden. In two parts. Part I. London, 1816. P. 213.

ственное и политическое тела короля ни мыслились, проведение различий между ними создавало возможность для противопоставления друг другу персоны короля, его физического лица, и Короны, его должности.

Э. Кук говорил в 1608 году в своем выступлении в Палате казначейства по делу Роберта Кальвина или *postnati*: «Это правда, что король имеет в себе два качества: одно есть природное тело, унаследованное от королевского родственника по крови из королевства; и это тело является творением Всемогущего Бога и подвержено смерти, болезни и всему подобному: другое есть политическое тело или свойство, называемое так потому, что оно составлено политикой человека (и в акте, принятом в 21-й год правления Эдуарда IV, именуется мистическим телом), и в этом качестве король рассматривается как бессмертный, невидимый, не подверженный смерти, болезни, малолетству»¹. Хотя английский правовед исходил из того, что указанные тела или качества короля неразрывно между собой связаны, он вполне отделял их одно от другого. Отмечая, что подданный обязан клятвой верности физическому лицу короля, Кук подчеркивал, что данное лицо выступает всегда наделенным политическим качеством, которое «в том что касается его короны (*crowne*) или королевства (*kingdom*) отличается от его природного качества»².

Развивая доктрину двух тел короля, Э. Кук, по всей видимости, даже не задумывался над тем, какие угрозы для традиционной юридической конструкции государственного строя Англии таит в себе проведение различия между физической персоной короля и королевской должностью. На опасный характер такого различия обращал внимание лорд-канцлер Элсмир (*Lord Chancellor Ellesmere*). «Это опасное различие между королем и короной, и

¹ «It is true, that the king hath two capacities in him: one a natural body, being descended of the blood royal of the realm; and this body is of the creation of Almighty God, and is subject to death, infirmity and such like: the other is a politick body or capacity, so called because it is framed by the policy of man (and in 21 E. 4, 39.b, is called a mystical body), and in this capacity the king is esteemed to be immortal, invisible, not subject to death, infirmity, infancy» (*Lord Coke's Report of Calvin's Case. From the 7th part of his Reports // A Compleate Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the Year 1783, with notes and other illustrations / Compiled by T. B. Howell. In twenty-one volumes. London, 1816. Vol. 2. Col. 624*).

² *Ibidem*.

между королем и королевством: оно идет слишком далеко; я желаю, чтобы каждый добрый подданный осознал это»¹, — говорил он в своей речи на процессе по делу Кальвина.

Лорд Элсмир оказался провидцем. Доктрина двух тел короля, подразумевавшая различие между физической персоной и институтом королевской власти, превратилась в условиях обострявшейся политической борьбы в Англии в опасное идеологическое оружие. Идеологи парламентской оппозиции использовали ее для обоснования ограниченности единоличной королевской власти. Наиболее значимые прерогативы были объявлены ими принадлежностью не персоны короля, а королевской должности. «По известному закону этого королевства даже драгоценные камни короны не являются вещами собственно короля, но лишь вверены ему для ее пользы и украшения, так же как города, форты, казна, склады, чиновники и народ королевства, и все королевство само по себе вверены ему для их блага и безопасности и большей пользы, а потому должны управляться по совету Палат Парламента, которым королевство доверено для этой цели»², — такое заявление содержалось в документе под названием «Ремонстрация или Декларация Лордов и Общин, собравшихся в настоящее время в Парламенте», который был принят 26 мая 1642 года.

Для ознакомления населения страны с содержанием этого документа по специальному приказу Палаты общин в конце мая и в первые дни июня было выпущено несколько его печатных изданий. Данный факт свидетельствует, что парламентская оппозиция придавала выраженным в нем идеям особое значение. Главной из них была, без сомнения, идея о том, что государственная измена является действием, посягающим не на физическое лицо короля как таковое, а на короля как главу государства. Парламентарии утверждали в указанной ремонстрации: «И мы настолько далеки от того, чтобы считать Его Величество единственным лицом, про-

¹ «This is a dangerous distinction between the king and the crowne, and between the king and the kingdom: it reacheth too farre; I wish every good subject to beware of it» (Lord Chancellor's Ellesmere's Speech in the Exchequer Chamber, in the Case of the Postnati // A Compleate Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other crimes and misdemeanors. Col. 690).

² A Remonstrance, or the Declaration of the Lords and Commons, now assembled in Parliament, 26 of May, 1642. In answer to a Declaration under his Majesties Name concerning the businesse of Hull, sent in a Message to both Houses the 21 of May, 1642. London, 1642. P. 9–10.

тив которого измена не может быть совершена, что в некотором смысле признаем, что он является единственным лицом, против которого она может быть совершена; то есть так как он — король, то измена против королевства совершается в большей мере против короля, чем против его персоны, и потому что он — король, **сама измена не является изменой, если она совершается против него как человека, а не против человека как короля**; и если он имеет отношение к королевству и выступает в качестве лица, которому вверено королевство, и при этом не выполняет этого долга»¹ (выделено мною. — *В. Т.*).

Подобное толкование государственной измены давал в рассматриваемое время и Генри Паркер. В «Заметках о некоторых последних ответах и выражениях Его Величества»² идеолог парламентской оппозиции писал: «Поднятие войск вопреки личным приказам короля (пусть и подкрепленных его присутствием) не является развязыванием войны против короля, однако война против его власти, но не личности, является войной против короля»³.

Выработанная парламентскими идеологами новая трактовка государственной измены позволяла оппозиции избежать обвинения в совершении столь тяжкого преступления в случае начала ею военных действий против Карла I. Война против него легко представлялась в свете данной трактовки войной за короля, войной в защиту института королевской власти.

¹ «And we are so far from believing that his Majesty is the only person against whom treason can be committed, that in some sense we acknowledge he is the onely Person against whom it can be committed; that is, as he is King, and that treason which is against the Kingdome is more against the King, than that which is against his Person, because he is King: for that very treason is not treason as it is against him as a man, but as a man that is a king; and as he hath relation to the kingdome, and stands as a person intrusted with the kingdome, and discharging that trust» (A Remonstrance, or the Declaration of the Lords and Commons, now assembled in Parliament, 26 of May, 1642. P. 38).

² В каталоге собранных Георгом Томасоном памфлетов, книг, газет и манускриптов, которые публиковались в годы гражданской войны, указанное сочинение Генри Паркера обозначено как вышедшее в свет 2 июля 1642 г. См.: Catalogue of the pamphlets, books, newspapers and manuscripts, relating to the civil war, the commonwealth and restoration, collected by George Thomason, 1640–1661. Vol. 1. Catalogue of the collection, 1640–1652. London, 1908. P. 130.

³ *Parker H.* Observations upon some of His Majesties late answers and expresses.. London, 1642. P. 45.

8. Выработка парламентской оппозицией доктрины, позволяющей парламенту законодательствовать без участия короля

Однако для идеологического обеспечения *ведения* оппозицией войны против Карла I одной этой идеи было недостаточно. Вести войну может лишь государственный орган, обладающий легитимными в глазах населения полномочиями издавать законодательные акты и приводить их в исполнение. В распоряжении оппозиции имелся парламент, но по конституции Англии он обладал законодательной властью не иначе, как вместе с королем — только король-в-парламенте мог издавать законы. Исполнительная же власть целиком находилась в распоряжении короля, который, опираясь на свою абсолютную прерогативу, формировал Тайный совет — правительство Англии и направлял его деятельность. Перед парламентской оппозицией, дерзнувшей вступить в войну с Карлом I, стояла поэтому задача изменить английскую конституцию таким образом, чтобы законодательная власть и контроль над исполнительной властью оказались в полном распоряжении одного парламента.

Определенные идеологические и юридические предпосылки для решения этой задачи создавала доктрина двух тел короля, проводившая различие между королем как физическим лицом и должностью короля (*office of the king*). Она позволяла представить акты, принятые лордами и общинами, полноценными законами даже тогда, когда король лично не присутствовал на парламентских заседаниях и не давал на их принятие своего согласия. В таких случаях подразумевалось, что парламент не остается без короля: отсутствуя в этом органе как физическое лицо, король присутствует в нем в качестве политического тела и соответственно сохраняется прежняя конструкция верховной власти, выступающая как король-в-парламенте (*rex in parlamento*)¹.

¹ Основание для такого представления давала следующая сентенция о высоком суде парламента из четвертой части «Институций законов Англии» Эдуарда Кука: «Этот суд состоит из королевского величества, заседающего там в качестве своей политической способности, и из трех корпораций королевства (This court consisteth of the kings majesty sitting there as in his politick capacity and of the three estates of the realm)» (*Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England; concerning of the Jurisdiction of Courts. The Fifth Edition. London, 1671. P. 1*).

Выдвигая данный аргумент для обоснования возможности лордов и общин законодательствовать без Карла I, идеологи парламентской оппозиции упирали на то, что парламент является не только представительным и совещательным органом, но также высшим судом — High Court of Parliament. Суды же, хотя и действуют от имени короля, выносят законные решения, не спрашивая согласия Его Величества. В «Декларации или Ремонстрации Лордов и Общин», датированной 19 мая 1642 года, об этом говорилось следующее: «Если вопрос заключается в том, является ли законом то, что лорды и общины однажды объявили таковым, кто будет судьей? Только не Его Величество, поскольку король является судьей не по вопросам права, но через посредство своих судов, и его суды, хотя и заседают на основании его власти, не ожидают от него ни согласия по вопросам права, ни каких-либо других судов, так как они не могут в этом случае судить, потому что стоят ниже, и никакой апелляции не подается к ним из парламента, чье решение является, в глазах закона, решением в его высшем суде, хотя лично король при его вынесении не присутствует и согласия на него не дает»¹.

Еще один аргумент для обоснования возможности парламента издавать законы без персонального участия короля идеологи парламентской оппозиции нашли в королевской коронационной клятве. По их мнению, формула данной клятвы налагала на монарха обязанность одобрять все принятые обеими палатами парламента законы, способствовавшие поддержанию мира и благополучия королевства. В документе под названием «Ремонстрация или Декларация Лордов и Общин», который был принят парламентом 26 мая 1642 года, заявлялось по этому поводу: «Мы считаем необходимым объявить королевству (тем, чье достоинство и интерес тесно соприкасаются с ним), в чем состоит привилегия

¹ «If the question be whether that bee Law which the Lords and Commons have once declared to be so, who shall be the judge? Not his Majesty, for the King indgeth not of matters of Law, but by his Courts, and his Courts, though sitting by his authority expect not his Assent in matters of Law, not any other Courts, for they cannot judge in that case because they are inferior, no appeale lying to them from Parliament, the judgement whereof is in the eye of the Law, the Kings judgement in his highest Court, though the King in his person be neither present, nor assenting thereunto» (The Declaration or Remonstrance of the Lords and Commons, in Parliament assembled. With divers depositions and letters thereunto annexed. Die Jovis 19. Maii. 1642. London, 1642. P. 14).

великого парламентского Совета и в чем заключается лежащее на королях этого королевства обязательство принимать такие билли, которые предлагаются им обеими палатами парламента от имени и для блага всего королевства, ради которого они обязаны как по совести, так и по справедливости давать свое королевское согласие; по совести — в уважение клятвы, которая дается или должна даваться королями этого королевства при их коронации, в том, что их королевским согласием будут подтверждаться все такие хорошие законы, какие их народ выберет (*as their people shall chose*), и что они будут исправлять посредством закона такие неудобства, от которых королевство может страдать, так же как поддерживать и защищать уже существующие законы»¹. Делая такое заявление, парламентарии ссылались на Статут об управляющих бенефициями (*Statute of Provisions of Benefices*)², изданный в 25-й год правления Эдуарда III, и цитировали отрывок из него, в котором говорилось, что король «посредством коронационной клятвы взял на себя, с согласия своего народа, представленного в парламенте, обязательство принимать средства и законы для устранения бед и вреда»³. Вместе с тем в «Ремонстрации или Декларации», принятой лордами и общинами 19 мая 1642 года, был приведен латинский текст коронационной клятвы Генриха IV: «*Concedis Justas leges & consuetudines esse tenendas & promittis per te eas esse protegendas & ad honorem Dei corroborandas quas vulgus elegerit, secundum vires tuas*»⁴. Идеологи парламентской оппозиции переводили словосочетание «*vulgus elegerit*» как «*people shall chose* (народ изберет)» и толковали данную клятву в том смысле, что короли обязывались давать свое согласие на принятие народом, представленным в парламенте, всех будущих законов.

Ответ Карла I на эти умозаключения парламентских идеологов был довольно логичным и убедительным. Его Величество обратил внимание парламентариев на то, что словосочетание «*vulgus elegerit*» относится не только к термину «*leges* (законы)», но и к

¹ A Remonstrance or the Declaration of the Lords and Commons, now assembled in Parliament, 26 of May, 1642. London, 1642. P. 12.

² Statutes at Large. From the Fifteenth Year of King Edward III to the Thirteenth Year of King Henry IV. Inclusive. Cambridge, 1762. Vol. 2. P. 63–70.

³ Ibid. P. 66.

⁴ A Remonstrance or the Declaration of the Lords and Commons, now assembled in Parliament, 26 of May, 1642. P. 13.

слову «*consuetudines* (обычай)» и поэтому оно не может переводиться в будущем времени — как «*people shall chose*». Кроме того, заметил Карл, можно ли вообразить, что короли обязываются своей коронационной клятвой принимать такие законы, которые «передают вверенную им власть от них в руки других людей и таким образом отнимают у него и лишают его всей возможной власти для исполнения обязанностей, взятых им на себя своей клятвой, которая состоит в том, чтобы защищать их. Если Мы отдадим всю Нашу власть, или если она будет отобрадена от Нас, Мы никого не сможем защитить»¹.

Для придания своим аргументам большей убедительности Карл привел текст собственной коронационной клятвы, зафиксированный в бумагах казначейства. Архиепископ Лод (*Laud*) вопрошал его: «Сэр, будете вы гарантировать и поддерживать, и подтверждаете ли народу Англии, посредством вашей клятвы, законы и обычаи, дарованные им королями Англии, вашими законными и религиозными предшественниками; а именно: законы, обычаи и привилегии, предоставленные духовенству славным королем Св. Эдуардом, вашим предшественником, согласно Божьим Законам, истинным исповедником Веры, установленной в этом королевстве, и соответствующей прерогативы его королей и старинным обычаям этого королевства?»²

«Я гарантирую и обещаю поддерживать их», — отвечал Карл I.

В содержании данной клятвы не было и намека на то, что король брал на себя обязанность давать согласие на принятие парламентом тех или иных законов. Попытка обосновать идею верховенства парламента в законодательной сфере ссылкой на корона-

¹ His Majesties Answer to a Printed Book, entitled, A Remonstrance or, The Declaration of the Lords and Commons, now assembled in Parliament, May 26. 1642. In Answer to a Declaration under His Majesties Name, concerning the businesse of Hull. London, 1642. P. 15.

² «Sir, will you grant and keep, and, by your Oath, confirm to the People of England the Laws and Customs to them granted by the Kings of England your lawful and religious Predecessors; and, namely, the Laws, Customs, and Franchises, granted to the Clergy, by the glorious King St. Edward, you Predecessor, according to the Laws of God, the true Profession of the Gospel, established in this Kingdom, and agreeable to the Prerogative of the Kings thereof, and the antient Customs of this Realm?» (His Majesties Answer to a Printed Book, entitled, A Remonstrance or, The Declaration of the Lords and Commons. P. 16). Несколько иной вариант данного текста приведен в книге: *Worsworth Ch. The manner of the coronation of King Charles the First of England: at Westminster, 2 Feb., 1626.* London, 1892. P. 19.

ционные клятвы английских королей опиралась, таким образом, на весьма шаткие логические и юридические основания. Но отсутствие серьезных аргументов мало заботило в данном случае парламентскую оппозицию. Для нее главным было произвести впечатление на население страны с тем, чтобы привлечь на свою сторону в борьбе с королем как можно больше английских подданных.

9. Попытка парламентской оппозиции взять под свой контроль исполнительную власть. «Девятнадцать предложений» лордов и общин королю Карлу I

Подобной цели парламентская оппозиция стремилась достичь и в борьбе с Карлом I за контроль над исполнительной властью. С конца мая парламентская оппозиция стала проявлять особую активность в этом направлении. 1 июня 1642 года лорды и общины приняли девятнадцать предложений Карлу I. В петиции, предпосланной этому документу, говорилось, что он представляется королю для упрочения его собственного достоинства и безопасности, а также ради укрепления благосостояния и безопасности его подданных.

Главные предложения парламентской оппозиции Карлу I состояли в следующем:

- 1) назначать на ключевые должности в Тайном совете¹ только лиц, одобренных обеими палатами парламента, а в перерывах между его сессиями — большинством членов Тайного совета;
- 2) решать государственные дела не по совету частных лиц, но исключительно в парламенте, а те из дел, которые относятся к ведению Тайного совета, обсуждать лишь с такими его членами, каковые избраны на должности в нем одобрением обеих палат парламента;
- 3) поручать воспитание королевских детей только лицам, одобренным обеими палатами парламента, а в перерывах между парламентскими сессиями большинством Тайного совета;

¹ «Lord High Steward of England, Lord High Constable, Lord Chancellor, or Lord Keeper of the Great Seal, Lord Treasurer, Lord Privy Seal, Earl Marshal, Lord Admiral, Warden of the Cinque Ports, Chief Governor of Ireland, Chancellor of the Exchequer, Master of the Wards, Secretaries of State, Two Chief Justices, and Chief Baron» (The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 599).

4) заключать брак кого-либо из королевских детей с иностранным монархом или другим лицом где бы то ни было, за границей или дома, только при согласии парламента;

5) привести в строгое исполнение, без каких-либо исключений, действующие законы против иезуитов, священников и папских диссидентов;

6) не принимать во внимание голоса папских лордов в Палате пэров до той поры, пока они продолжают быть папистами;

7) признать порядок распоряжения милицией, принятый лордами и общинами, пока этот вопрос не будет разрешен биллем; отозвать декларации и прокламации Его Величества, направленные против ординанса о милиции, который был издан лордами и общинами;

8) обязать всех членов Тайного совета и судей «принести присягу по форме, одобренной и установленной актом парламента, в том, что они будут поддерживать Петицию о праве и некоторые статуты, изданные настоящим парламентом»¹;

9) установить порядок, по которому «все судьи и все должностные лица, назначенные с согласия обеих палат парламента, могут занимать свои места *до тех пор, пока ведут себя хорошо*»²;

10) даровать общее помилование с такими исключениями, которые будут рекомендованы обеими палатами парламента;

11) отдавать форты и замки под командование и попечение таких лиц, которых Его Величество назначит с одобрения парламента, а в перерывах между парламентскими сессиями с одобрения большей части Тайного совета;

12) распустить «чрезвычайную охрану и вооруженные силы, сопровождающие в настоящее время Его Величество, и в будущем не создавать такой охраны или чрезвычайных вооруженных сил, кроме как в соответствии с законом и в случае действительного мятежа или вторжения»³;

13) «войти в более тесный союз с Государствами Объединенных Провинций и с другими соседними монархами и государства-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 98; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 600.

² «That all the Judges, and all Officers placed by Approbation of both Houses of Parliament, may hold their Places *quamdiu bene se gesserint*» (The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 99; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 600).

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 99; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 600.

ми протестантской религии, для ее защиты и поддержки, против всех намерений и попыток папы и его приверженцев ниспровергнуть и подавить ее»¹;

14) «принять билль, отстраняющий пэров, которые будут после этого созданы, от участия в заседании и голосовании в парламенте до тех пор, пока они не будут допущены туда с согласия обеих палат парламента»².

В заключение своей петиции Карлу I парламентарии заявляли, что если он удовлетворит их скромные желания, то они урегулируют стоящие перед ним проблемы со сбором налогов наиболее благоприятным для него способом и более того — примут решение об увеличении их размера до такой степени, чтобы это было достаточно для поддержания его королевского достоинства, и до масштаба, превосходящего дары подданных этого королевства всем предшественникам Его Величества.

Общий смысл девятнадцати предложений лордов и общин Карлу I заключался в ограничении его абсолютной королевской прерогативы, осуществлявшейся единолично, в качестве *rex solus*. Парламентарии предлагали Его Величеству передать назначение членов Тайного совета и судей, а также отстранение их от должности в совместное ведение короля и парламента. Кроме того, парламента претендовал и на контроль над церковью, возглавлявшейся со времен Генриха VIII единолично королем.

10. Ответ Карла I на «девятнадцать предложений» лордов и общин. Королевский вариант теории «смешанной монархии»

По свидетельству графа Кларендона, Карл I сначала принял решение не отвечать на представленные ему предложения парламента, но «позволить народу самому вынести суждение об их неразумности»³. Однако потом король склонился все же к мысли о

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 99; The Journals of the House of Commons. Vol. 2. P. 600.

² Ibidem.

³ Clarendon E. The History of the Rebellion and Civil Wars in England, to which is added An Historical View of Affairs of Ireland. A new edition. London, 1826. Vol. 3. P. 47.

необходимости сообщить народу, что является разумным и могло бы способствовать благу королевства, по мнению Его Величества.

Текст ответа короля Карла I на девятнадцать предложений парламента был составлен двумя его советниками, работавшими весь предшествовавший год в «долгом парламенте»: сэром Джоном Коулпепером (*Sir John Colepeper*) и Люциусом Кэри, виконтом Фолклендским (*Lucius Cary, Viscount Falkland*). 18 июня Его Величество, пребывавший в то время в Йорке, утвердил представленный ему вариант ответа. Спустя три дня его текст был оглашен в Палате лордов и передан в Палату общин¹.

В исторической литературе большее внимание уделяется, как правило, предложениям парламентариев королю, принятым 1 июня 1642 года, а не ответу на них Карла I. В качестве примера можно привести трехтомный труд историка Генри Гэллэма «Конституционная история Англии от восшествия на престол Генриха VII до смерти Георга II», который считается фундаментальным произведением по данной теме. При описании политической ситуации, сложившейся в Англии весной и летом 1642 года, Гэллэм излагает и оценивает девятнадцать предложений лордов и общин, но ни слова не говорит об ответе короля². Подобным же образом поступает и Самуэль Гардинер, известный своими фундаментальными трудами по истории английской революции. В обширном предисловии к сборнику «Конституционные документы пуританской революции» он пишет о значении девятнадцати предложений парламентариев королю³, но даже не упоминает об ответе на них короля. Соответственно и в самом сборнике текст девятнадцати предложений приводится⁴, а ответ на них короля — нет. Сразу после этих предложений помещена «Декларация палат в защиту ординанса о

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 5. P. 153.

² См.: *Hallam H.* The Constitutional History of England from the accession of Henry VII. To the death of George II. In three volumes. New York, Boston, 1862. Vol. 2. P. 136–149.

³ По словам С. Р. Гардинера, «девятнадцать предложений имеют широкие рамки. Они формулируют в целом конституционные изменения, требуемые господствующей партией в Уэстминстере. Они хотели бы просто установить правительство из лиц, назначаемых парламентом вместо правительства, назначаемого королем, и они могут поэтому служить определенным знаком того, что большинство Палаты общин приняло идею о том, что суверенитет короля должен быть не только ослаблен, но практически ликвидирован» (*The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660 / Selected and edited by S. R. Gardiner. Oxford, 1927. P. 37*).

⁴ *Ibid.* P. 249–254.

милиции» от 6 июня¹, а за ней документ, подписанный королем в тот же день, когда он подписал ответ парламентариям, то есть 18 июня, но этот документ — всего лишь королевское письмо в Лейсестершир по поводу парламентского ординанса о милиции.

Ответ короля на девятнадцать предложений парламентариев отсутствует в сборниках документов по истории английской революции 1640–1660 годов, составленных Н. П. Дмитриевским и В. М. Лавровским, хотя текст указанных предложений в них присутствует². Это означает, что названные историки не придавали королевскому ответу на парламентские предложения сколько-нибудь большого значения.

Между тем в действительности ответ Карла I на девятнадцать предложений лордов и общин являлся документом, который был по своему политическому значению значительно более весомым, чем эти предложения. С момента восстановления в 1660 году монархии Стюартов и вплоть до парламентских реформ 1832 и 1867 годов описанная в нем конструкция верховной государственной власти официально признавалась в качестве идеологической и юридической основы английского государственного строя.

Предложения парламентариев характеризовались в ответе на них Карла I в качестве таких, какими «ни ум, ни благопристойность» их предшественников никогда не считали удобным выдвигать кому-либо из предков Его Величества³. Десять из девятнадцати предложенных лордами и общинами мер Карл I назвал написанными и напечатанными на языке, неизвестном ни ему, ни его народу (1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 15, 16, 19)⁴. «Требования таковы, — заявил он, — будто мы недостойны доверия, которым облечены законом и Нашим происхождением от столь многих великих и

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 254–258.

² Законодательство английской революции 1640–1660 гг. / Составил Н. П. Дмитриевский. М., Л., 1946. С. 60–63; *Лавровский В. М.* Сборник документов по истории английской революции XVII в. М., 1973. С. 149–151. В примечании к преамбуле девятнадцати предложений Н. П. Дмитриевский процитировал маленький отрывок из ответа Карла I на них, в котором король образно показывал, какой ничтожной, чисто символической будет его власть при удовлетворении требований парламентариев.

³ His Majesties Answer to the XIX Propositions of both Houses of Parliament. London, 1642. P. 1.

⁴ Ibid. P. 5.

знаменитых предков, и будто Нас можно было бы принудить отказаться от власти, которая только и облакает Нас исполнять Нашу клятву защищать Наш народ и законы и таким образом побуждать к этому других, нежели избавлять себя от этого»¹.

Предложение лордов и общин назначать на должности в Тайном совете только лиц, одобренных обеими палатами, было оценено в ответе короля неприемлемым не только потому, что оно противоречило английской конституции, но и по той причине, что в парламенте, расколотом на фракции, на группы с различными интересами, будет невозможно достичь согласия относительно назначения тех или иных лиц в Тайный совет. С другой стороны, люди, которых палаты все же изберут, неизбежно окажутся во вражде друг с другом, поскольку будут представлять различные политические группировки². Правительство, составленное таким образом, не сможет эффективно работать.

Предложение лордов и общин решать государственные дела только в парламенте и нигде больше, а те из дел, которые относятся к ведению Тайного совета, обсуждать лишь с такими его членами, каковые избраны на должности в нем одобрением обеих палат парламента, Карл I назвал относящимся к такому роду требований, удовлетворение которых означает в действительности отречение от королевской власти как самого его, так и его преемников на троне. После этого вы можете, заявляя король парламентариям, «представляться Мне с обнаженной головой, вы можете целовать Нам руку, продолжать именовать Нас “Ваше величество”, и воля короля, объявляемая обеими палатами парламента, все еще может оставаться формой ваших приказов. Вы можете носить передо мной меч и жезл и услаждать Нас созерцанием короны и скипетра (и однако даже эти ветки дерева недолго будут цвести, когда ствол, на котором они растут, засохнет), но что касается истинной и действительности власти, то Мы будем сохранять от нее только внешность, только картину, только символ короля»³.

¹ «The Demands being such, as we were unworthy of the trust reposed in Us by the Law, and of Our dessent, from so many great and famous Ancestors, if We could be brought to abandon that power which only can inable Us to perform what We are sworn to, in protecting Our people and the Laws, and so assume others into it, as to devest Ourselves of it» (His Majesties Answer to the XIX Propositions of both Houses of Parliament. London, 1642. P. 5–6).

² Ibid. P. 9.

³ Ibid. P. 10–11.

Подобным же образом, то есть спокойно и рассудительно, король ответил на все требования лордов и общин, заседавших в Уэстминстере. Для придания королевскому ответу на парламентские предложения большей основательности его составители включили в него краткое описание характерной, по их мнению, для Английского королевства идеологической и юридической конструкции верховной государственной власти. В историко-правовой литературе данная конструкция именуется «классической теорией английской конституции» или доктриной «смешанного правления»¹, «смешанной монархии»². Утвердив ответ на девятнадцать предложений лордов и общин, Карл I фактически принял и эту доктрину. И сделал он это вполне осознанно. Не случайно, Его Величество отдал распоряжение напечатать свой ответ парламентариям вместе с их предложениями и разослать его по церквам Англии и Уэльса для публичного чтения во время проповедей.

Изложению «классической теории английской конституции» в ответе Карла I были предпосланы размышления о достоинствах и недостатках различных форм правления, заимствованные из произведений античных мыслителей (Аристотеля, Полибия и др.). Опираясь на эти размышления, король стремился провести идею о совершенстве существующего в Англии государственного строя, якобы соединяющего в себе одни только достоинства различных форм правления.

«Существуют три вида правления среди людей, — говорилось в рассматриваемом документе, — абсолютная монархия, аристократия и демократия, и все они имеют свои особые удобства и неудобства. Опыт и ум ваших предков сформировали ныне существующее правление из их смешения, чтобы дать этому королевству (насколько человеческое знание может предусмотреть) удобства всех трех, без неудобств какой-либо одной, поскольку баланс существует даже между тремя корпорациями (estates), и они со-

¹ См. об этом, например: *Weston C. C. Beginnings of the Classical Theory of the English Constitution // Proceedings of the American Philosophical Society. 1956. Vol. 100. № 2. P. 133–144.*

² *Filmer R. The anarchy of a limited or mixed monarchy. Or, A succinct examination of the fundamentals of monarchy, both in this and other kingdoms, as well about the right of power in kings, as of the originall or naturall liberty of the people. London, 1648.* На титуле оригинального экземпляра книги фамилия автора и указание на место издания отсутствуют.

вместно текут по своим собственным каналам (производя зелень и урожай на лугах обоих берегов), и перекачивание воды со стороны на сторону не вызывает ни потопа, ни наводнения.

Болезнью абсолютной монархии является тирания, болезнями аристократии — раздоры и раскол, болезнями демократии — беспорядки, насилие и беззаконие. Достоинство монархии объединяет нацию под одной главой для сопротивления вторжению извне и мятежу внутри страны. Достоинством аристократии является соединение советов способнейших лиц государства для общественной пользы. Достоинство демократии — свобода, и отвага, и предприимчивость, порождаемые свободой»¹.

Следовавшее за этим описание механизма осуществления государственной власти в Англии призвано было подчеркнуть смешанный характер английского правления. «В этом королевстве, — напоминал Карл I парламентариям, — законы издаются совместно королем, Палатой Пэров и Палатой общин, избранной народом, всеми, обладающими свободными голосами и особыми привилегиями. Правительство, согласно этим законам, вверено королю; полномочие заключать договоры войны и мира, возведение в звание пэра, избрание должностных лиц и советников для государства, судей для закона, командиров для фортов и замков, дача поручений о призыве людей на войну за границей, или предотвращение, или принятие мер против вторжений или мятежей внутри страны, выгоды от конфискаций, полномочие милловать и другие полномочия подобного рода помещены в короле. И этот род регламентированной монархии, имеющий полномочие сохранять такую власть, без которой невозможно было бы сохранять законы в их силе, и подданных — в их свободах и имуществе, подразумевает наделение его таким уважением и зависимостью от Великого, каковые могут скрыть болезни раскола и раздоров, и такими страхом и почтением со стороны народа, которые могут воспрепятствовать беспорядкам, насилию, беззаконию.

И опять-таки, монарх не может применять свою высокую и вечную власть для причинения вреда тем, для блага которых он ею обладает, и использовать ее под предлогом общественной необходимости для выгод своих личных фаворитов и сторонников, во

¹ His Majesties Answer to the XIX Propositions of both Houses of Parliament. P. 17–18.

вред своего народа; Палате общин (прекрасный хранитель свободы, но никогда не претендующий на участие в правительстве или избрание тех, кому надлежит управлять) вверено первым предложением только полномочие, касающееся сбора денег (которые являются оплотом как мира, так и войны), и преследование по процедуре импичмента тех, кто ради собственных целей, хотя и разрешенных тайком отданным приказом короля, нарушил закон, который он обязан был (если знал его) защищать и для защиты которого обязан был бы давать ему советы, по крайней мере, не служить вопреки ему.

И лорды, облеченные судебной властью, — прекрасный экран и вал между монархом и народом, содействующий каждому против каких-либо поползновений другого, и посредством справедливых судебных решений хранящий право, которое должно быть правилом каждого из трех. С целью предоставления им лучших возможностей для этого, помимо примеров, которым следовали Наши предки, Мы охотно согласились взять на себя обязанность созывать парламент каждые три года и не распускать его в течение пятидесяти дней»¹.

¹ «In this Kingdom the Laws are jointly made by a King, by a House of Peers, and by a House of Commons chosen by the People, all having free Votes and particular Priviledges. The Government according to these Laws is trusted to the King, Power of Treaties of War and Peace, of making Peers, of chusing Officers and Councillors for State, Judges for Law, Commanders for Forts and Castles, giving Commissions for raising men to make War abroad, or to prevent or provide against Invasions or Insurrections at home, benefit of Confiscations, power of pardoning, and some more of the like kinde are placed in the King. And this kinde of regulated Monarchie having this power to preserve that Authoritie, without which it would be disabled to preserve the Laws in their Force, and the Subjects in their Liberties and Proprieties, is intended to draw to him such a Respect and Relation from the great Ones, as may hinder the ills of Division and Faction, and such a Fear and Reverence from the people, as may hinder Tumults, Violence, and Licenciousnesse. Again, that the Prince may not make use of this high and perpetuall power to the hurt of those for whose good he hath it, and make use of the name of Publike Necessitie for the gain of his private Favourites and Followers, to the detriment of his People, the House of Commons (an excellent Conserver of Libertie, but never intended for any share in Government, or the chusing of them that should govern) is solely intrusted with the first Propositions concerning the Levies of Moneys (which is the sinews as well of Peace, as War) and the Impeaching of those, who for their own ends, though countenanced by any surreptitiously gotten Command of the King, have violated that Law, which he is bound (when he knows it) to protect, and to the protection of which they were bound to advise him, at least not to serve him in the Contrary. And the Lords being trusted with a Judicatory power, are

Возвеличивая парламент, Карл I тем самым внушал лордам и общинам мысль об отсутствии какой-либо необходимости ограничивать королевскую власть. «Власти, законным образом помещенной в обеих палатах, более чем достаточно, — утверждал он, — для предотвращения и сдерживания власти тирании, и без полномочий, которые в настоящее время истребуются от Нас, Мы будем неспособны нести на себе долг, являющийся целью монархии, так как это было бы полным ниспровержением фундаментальных законов и той прекрасной конституции этого королевства, которые делали эту нацию в течение многих лет как знаменитой, так и счастливой до самой большой степени зависти»¹.

Ответ Карла I на девятнадцать предложений лордов и общин предназначался, как ни странно, в большей мере для населения Англии, чем для парламентариев. Главной задачей короля было показать своим подданным, что требования мятежных парламентариев противоречат законам страны. И ему это удалось. Поэтому предельно твердо звучал окончательный ответ Карла I на все их предложения: «*Nolumus leges Angliae mutari*»².

Доктрина «смешанного правления» или «смешанной монархии», положенная в основание рассматриваемого документа, не была новой для политического сознания английского общества. Произведения Аристотеля³ и Полибия⁴, в которых описывалась

an excellent Screen and Bank between the Prince and People, to assist each against any Incroachments of the other, and by just Judgements to preserve that Law, which ought to be the Rule of every one of the three. For the better enabling them in this, beyond the Examples of any of Our Ancestors, We were willingly contented to Oblige Ourselves, both to call a Parliament every three years» (His Majesties Answer to the XIX Propositions of both Houses of Parliament. P. 18–19).

¹ Ibid. P. 20.

² «Я не изменю законов Англии» (Ibid. P. 23).

³ «Однако принципы греческой смешанной конституции не были утрачены; они нашли теплый прием в средневековой и ранней современной Европе и стимулировали размышление о современной политике и истории и основательно формировали средневековую и раннюю современную политическую мысль. С переводом его «Политики» на латинский язык в тринадцатом столетии Аристотелево теоретизирование стало служить в качестве базиса для средневековой политической теории и для анализа правления в Англии, Франции и в итальянских республиках», — отмечает историк Дэвид Хэм (*Hahn D. E. The Mixed Constitution in Greek Thought // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Edited by Ryan K. Balot. Oxford, 2009. P. 197*).

⁴ «Когда византийские извлечения из книги VI «Истории» Полибия были окончательно переведены в шестнадцатом столетии, их мысли дополнили во Фло-

эта доктрина, были хорошо известны в среде образованных англичан.

Вместе с тем идея «смешанного правления» усматривалась ими и в трактате главного судьи Королевской Скамьи (King's Bench) Джона Фортеस्कью (*John Fortescue*)¹ «О похвале законам Англии (*De Laudibus Legum Angliæ*)». Он был написан в 1468–1470 гг. на латыни и напечатан впервые (на языке оригинала) в 1537 г. Первое издание трактата в переводе на английский язык, в котором был помещен и латинский текст, вышло в свет в 60-е или в самом начале 70-х гг. (на титульном листе этого издания не был указан год), повторное — в 1573 г. Новые переиздания английского и латинского текстов «О похвале законам Англии» выходили в Англии в 1575, 1578, 1599, 1609, 1616 гг.² В начале девятой главы этого произведения Джон Фортеस्कью дал следующую характеристику английской королевской власти: «*Король Англии не может, по своему желанию, вносить изменения в законы страны, так как его правление по своей природе не только королевское, но и политическое. Если бы оно было исключительно королевским, он имел бы власть вносить в законы королевства такие новации и изменения, какие хотел, а именно: налагать на население обязанность платить различные налоги, сборы и другие обременения, без его согласия: на такой вид правления указывает цивильное право, ког-*

ренции и в Англии Аристотелевы мысли. В Англии Полибиева концепция смешанной конституции, соединяющей монархический, аристократический и демократический элементы, не только влияла на развитие британского правления, но была также перенесена в британские колонии в Западном полушарии, где она стала моделью для Американской конституции» (*Hahn D. E. The Mixed Constitution in Greek Thought // A Companion to Greek and Roman Political Thought. P. 197*).

¹ Точное время рождения и смерти Джона Фортеस्कью неизвестно. На основании сведений, приводимых в сохранившихся после него документах, можно предполагать, что он родился в 1385 или около 1400 г. Последнее упоминание о нем как живом человеке относится к февралю 1476 г. Известно, что знаменитый правовед принадлежал к знатному роду, который вел свое происхождение от нормандского рыцаря сэра Роберта Ле Форга, по прозвищу Форт-ескью (крепкий щит). Один из представителей этого рода, рыцарь сэра Адам, служил Вильгельму Завоевателю, вместе с ним пришел в Англию, участвовал в знаменитой битве при Гастингсе. Получив за свои заслуги земли от нового английского короля, Адам Фортеस्कью навсегда остался в Англии.

² См.: Lord Clermont's Preface to "De Laudibus" // *Fortescue J. De Laudibus Legum Angliæ. A Treatise in Commendation of the Laws of England. With Translation by Francis Gregor. Notes by Andrew Amos and a Life of the Author by Thomas (Fortescue) Lord Clermont. Cincinnati: Robert Clarke & Co., 1874. P. LVIII.*

да в нем декларируется *Quod principi placuit legis habet vigorem* (что угодно принцу, имеет силу закона), но совсем иначе обстоит дело с королем, чье правление *политическое*, потому что он не может ни внести какое-либо изменение, ни поменять законы королевства без согласия подданных, ни обременить их, вопреки их воле, неизвестными ранее налогами, так что народ, управляемый такими законами, каковые изданы по его собственному согласию и одобрению, пользуется своим имуществом безопасно и без угрозы лишиться его через посредство короля или кого-либо другого»¹.

Идею, высказанную в приведенном фрагменте трактата «О похвале законам Англии», Джон Фортескью повторил в произведении, вошедшем в историю английской политической мысли под названием «Правление Англии или различие между абсолютной и ограниченной монархией». Оно было написано на английском языке в период с 1471 до 1476 г., а напечатано впервые лишь в 1714 г. Однако рукопись его была знакома английским правоведом первой половины XVII в. В частности, ее имел в своем распоряжении Джон Селден². По словам исследователя манускриптов Фортескью Чарлза Пламмера, «в семнадцатом столетии конституционная партия постоянно ссылалась на него как на авторитета, и его произведения играли в целом немалую роль в сохранении английских свобод»³.

В самом начале трактата Джона Фортескью «Правление Англии или различие между абсолютной и ограниченной монархией»

¹ *Fortescue J. De Laudibus Legum Angliæ. The Translation into English published A. D. MDCCLXXV. And the Original Latin Text. With Notes by A. Amos. Cambridge, 1825. P. 26–27.* Латинский вариант этого фрагмента приводится на стр. 218–219 указанного издания («*Nam non potest Rex Angliæ ad Libitum suum Leges mutare Regni sui, Principatu namque nedum Regali, sed et Politico, ipse suo Populo dominatur. Si regali tantum ipse praeesset eis, Leges Regni sui mutare ille posset, Tallagia quoque et caetera Onera eis imponere ipsis inconsultis, quale Dominium denotant Leges Civiles, cum dicant, «Quod Principi placuit, Leges habet Vigorem». Sed longe aliter potest Rex politice imperans Genti suae, quia nee Leges ipse sine Subditorum Assensu mutare poterit, nee Subjectum Populum renitentem onerare Impositionibus peregrinis, quare Populus ejus libere fruatur Bonis suis, Legibus quas cupit Regulatus, nee per Regem suum, aut quemvis alium depilatur»*).

² *Plummer Ch. Introduction // Fortescue J. The Governance of England: otherwise called The Difference between an Absolute and a Limited Monarchy. A revised text. Edited with introduction, notes, and appendices by Charles Plummer. Oxford, 1926. P. 90–91.*

³ *Ibid.* P. 105.

говорилося: «Существуют два вида королевств, из которых одно представляет собой власть, названную позднее **dominium regale**, и другое — власть, названную **dominium politicum et regale**. И они различаются тем, что в первом — король может управлять своим народом посредством таких законов, которые он издает самолично. И поэтому он может обложить народ тальей и другими налогами, какими он сам желает, без согласия народа. Во втором — король не может управлять своим народом посредством иных законов, нежели таких, которые народ одобрил. И поэтому он не может облагать народ налогами без согласия его самого»¹.

Термин «dominium», употребляемый в приведенном фрагменте, обыкновенно переводится современными английскими правоведами как «government (правление)». Это не вполне точный перевод. Содержание всего трактата о монархии показывает, что Фортескью обозначал в нем термином «dominium» не «government» — правление или правительство, а королевскую власть. И соответственно проводил различие не между *абсолютной и ограниченной монархией*, а между *двумя разновидностями королевской власти*: той, которая выражала *волю одного короля*, и той, что воплощала *двойную волю — короля и народа*. Название же трактата «Различие между абсолютной и ограниченной монархией» было дано не автором, а первым издателем данного произведения лордом Фортескью². И это название нельзя признать соответствующим всему его содержанию: более или менее оно подходит лишь к первой его части.

Доктрина «смешанного правления» в ее классическом варианте подразумевала смешение элементов монархии, аристократии и демократии. Именно так представлял правление подобного рода видный английский идеолог государства Тюдоров епископ Джон Эйлмер (*John Aylmer*, 1521–1594). В трактате «Прибежище для преданных и верных подданных», напечатанном в Страсбурге в

¹ Fortescue J. The Governance of England: otherwise called The Difference between an Absolute and a Limited Monarchy. P. 109.

² См.: The Difference between an Absolute and Limited Monarchy; as it more particularly regards the English Constitution. Being a treatise, written by Sir John Fortescue, Kt., Lord Chief Justice and Lord High Chancellor of England, under King Henry VI. Faithfully transcribed from the MS. Copy in the Bodleian Library and collated with three other MSS. Published with some remarks by John Fortescue-Aland of the Inner-Temple, Esq. London, 1714.

1559 г., он утверждал, что в английском парламенте можно обнаружить «три корпорации (estates): короля или королеву, представляющего монархию; знатных людей, представляющих аристократию, и горожан с рыцарями, представляющих демократию»¹.

Подобное представление о характере государственного строя Англии выражал и епископ Джон Понет (*John Ponet*, 1514–1556), который писал: «И эти различные виды государств или полисов имеют особые названия: там, где один правит, — монархии, где правят многие из лучших — аристократии, там, где правит множество, — демократии, а где все вместе, то есть король, знать и общины, — смешанное государство, которое люди в течение продолжительного времени считают лучшей разновидностью из всех. Потому что когда смешанное состояние осуществляется, государство существует дольше»².

Английский правовед Томас Смит (*Thomas Smith*, 1513–1577) считал, что «смешанное правление», сочетающее в себе элементы монархии, аристократии и демократии, является типичным свойством любого устойчивого государства. В трактате «*De Republica Anglorum* (Об английском государстве)», созданном в 1562–1565 годах³, он писал: «Редко удастся вам или никогда не удастся обнаружить государство или правление, которое абсолютно или пол-

¹ «The things in dede, is to be sene in the parliamet hous, wherin you shal find these 3 estats. The King or Quene, which representeth the Monarche. The noble men, which be the Aristocratie. And the Burgesses and Knights the Democratie» (*Aylmer J. An Harborowe for Faithfull and Trewe Subjects*. Strasbourg, 1559. P. 27).

² «And these diverse kyndes of states or policies hade their distincte names, as wher one ruled, a Monarchie: wher many of the best, Aristocratie: wher the multitude, Democratie: and wher all together, that is, a king, the nobilitie, and cxmones, a mixte state: which men by long continuaunce have iudged to be the best sort of all. For wher that mixte state was exerciced, ther did the cxmon wealthe longest continue» (*Ponet J. A Shorte Treatise of Politike Power, and of the true obedience, which subjectes owe to kynges and other civile Gouvernours, with an Exhortacion to all true naturall English men*. 1556. В данном издании отсутствуют номера страниц (если первой страницей считать титульный лист, приведенный фрагмент расположен на 9-й странице) и не указано место издания. Любопытно, что на титуле под годом издания — 1556 — написано рукою: «1642. reprinted in 2e». Я сохранил орфографию оригинала: так писали на английском языке в середине XVI в.

³ Первоначальный вариант «*De Republica Anglorum*» был написан в 1562–1565 гг. Томас Смит жил в эти годы во Франции, где занимал должность посланника королевы Елизаветы при дворе короля Карла IX. За год до своей смерти он переработал это произведение. Первая его публикация была осуществлена в 1583 г.

ностью создано из какого-либо одного из них, выше упомянутых, но оно всегда смешано одно с другим и носит имя того, которого больше и которое превосходит другие, всегда или большей частью»¹.

Как соединение монархии, аристократии и демократии понимал «смешанное правление» Джон Уитgift (*John Whitgift*, 1530–1604), архиепископ Кентерберийский с 1583 г. и до самой смерти. «Я знаю, — писал он, — что все эти три вида правления могут быть смешаны вместе различными способами; однако состояние правления все еще именуется согласно тому, какое из них превалирует, и оказывает наибольшее влияние: так, когда дела отправляются большей частью согласием большинства народа, государство называется народным; когда — группой лучших или мудрейших, оно именуется *optimorum status*; когда — одним, это называется монархией»².

Пуританский священнослужитель Томас Картрайт (*Thomas Cartwright*, 1535–1603), определяя государственный строй Англии как «смешанное правление», усматривал его суть в смешении монархии, Тайного совета и парламента. Образ такого правления, отмечал он, «проявляется также в политике этого королевства; так как относительно Ее Величества королевы это — монархия, далее, относительно большинства достойного совета, это — аристократия, и, принимая во внимание парламент, который собирается из всех сословий. Это — демократия»³.

Эйлмер, Понет, Смит и другие английские мыслители XVI в. опирались при изложении доктрины «смешанного правления» на политические идеи Аристотеля и Полибия. Джон Фортеस्कью черпал вдохновение, как он сам признавал в своих трактатах, из произведений Фомы Аквинского. Именно у этого выдающегося средневекового теолога он заимствовал деление верховной государственной власти на королевскую (*regale*), с одной стороны, и власть

¹ *Smith Th.* De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England / Edited by L. Alston. Cambridge, 1906. P. 14.

² *Whitgift J.* The Works of John Whitgift. The first portion, containing the defence of the answer to admonition, against the reply of Thomas Cartwright: tractates I–VI. London, 1851. P. 393.

³ «An image whereof appeareth also in the policy of this realm; for as, in respect of the queen her majesty, it is a monarchy, so, in respect of the most honourable council, it is an aristocracy, and, having regard to the parliament, which is assembled of all estates, it is a democracy» (цит. по: *Ibid.* P. 390).

политическую и королевскую (*politicum et regale*), с другой. Фома Аквинский строил свои политические теории на основе политических доктрин Аристотеля, но при этом приспособливал их к средневековому мировоззрению. В трактовке Фомы Аквинского «смешанное правление» также мыслилось лучшим, но создателем его представлялся Бог. Вместе с тем правление данного рода связывалось, главным образом, с монархией¹.

Следуя за Фомой Аквинским, Джон Фортескью понимал «*dominium politicum et regale*» как власть, предполагающую смешение воли монарха с волей народа при принятии законов и назначении налогов. Смысл выраженной в этом словосочетании идеи «смешанного правления» был значительно более узким по сравнению со смыслом доктрины «смешанного правления» в ее античном варианте. Но именно данная идея считалась в среде образованного класса Англии в период, предшествовавший революции 1640–1660 гг., наиболее соответствовавшей характеру английского государственного строя.

Уильям Кэмден (1551–1623) представлял принцип осуществления королевской власти, выраженный в словосочетании «*dominium politicum et regale*», в качестве реально применявшегося на практике королем Джеймсом I (Яковом I). В своем трактате «Рассуждение, касающееся прерогативы Короны», созданном предположительно в период с 1614 до 1623 г.², английский историк писал: «Для обнаружения прерогативы мы должны исследовать, управляется ли королевство королевской, политической, смешанной властью. Королевская власть — это когда король без согласия своего народа и не ставя его в известность может издавать законы, которые не являются обременительными. Прерогатива такого короля проявляется в определении: он может делать то, что хочет, если это не является несправедливым и тяжким. Политическая власть — это когда король не может издавать законы без одобрения и согласия своего народа. Прерогатива, которой король обладает в таком государстве, должна проявляться в законе, за исключением некоторых привилегий, без которых никакого короля быть

¹ См. подробнее об этом: *Blythe J. M. The Mixed Constitution and the Distinction between Regal and Political in the Work of Thomas Aquinas // The Journal of the History of Ideas. 1986. Vol. 47. № 4. P. 547–565.*

² Впервые опубликован данный трактат был лишь в 1957 г. в издании: *Proceedings of the American Philosophical Society. 1957. Vol. 101. № 2. P. 205–215.*

не может. Смешанная власть — это когда король может в некоторых вещах издавать законы, не ставя свой народ в известность, в других — не без его одобрения и согласия; для исследования прерогативы в таком государстве должно старательно изыскать, в каких вещах король обладает королевской властью, и в каких только политической»¹. Перечислив привилегии короля по английской конституции, Кэмден продолжил свои рассуждения о «смешанной власти»: «Я обнаружил у достойного автора — одного из тех, кто был Лордом Главным Судьей и после этого Лордом-Канцлером на двадцать восьмом году правления Генриха VI (но лучше было бы, если б я нашел это посредством разума), что это смешанная власть королевская и политическая: причина, по которой он утверждает, почему она является частью политической, заключается в том, что король принимает присягу при своей коронации соблюдать закон, каковой обязывает его так, что он не может его изменить по своему желанию; поэтому он не может издать какого-либо закона против изданного прежде, как это может сделать королевская власть; и я уверен, хотя он не принимал такой присяги, он не может изменять их [т. е. законы] по своему желанию, потому что он один не издает их без согласия своего народа в парламенте, но эта клятва является гарантированной защитой прав подданных, потому что они не могут прибегать к насилию»².

Уильям Кэмден видел суть «смешанного правления», как и Джон Фортескью, в смешении воли короля с волей народа. Местом этого смешения английскими правоведами считался парламент или в полном наименовании — высокий суд парламента. Согласно Эдуарду Куку, этот орган состоял из короля и трех корпораций (estates): лордов духовных, лордов светских и общин¹. При этом

¹ *Camden W.* Discourse, concerning the Prerogative of the Crown // *Ibid.* P. 210.

² «I find in a worthy author, one that was Lord Chief Justice and afterward Lord Chancellor 28 to Henry the Sixth, (but better do I find it by reason), that it is a mixt authority of regal and politique: the reason he giveth why it is partly politique is because he taketh an oath at his coronation to observe the law, which bindeth him that he cannot alter it at his pleasure; therefore he cannot make any law against what was made before, as regal authority may do; and I am assured though he took no such oath he could not alter them [i.e., laws] at his pleasure, because he alone did not make them without the consent of his people in parliament, but this oath is the surest defense of the subject's right, because they can use no violence» (*Ibid.* P. 211).

⁵ *Coke E.* The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England; concerning of the Jurisdiction of Courts. The Fifth Edition. London, 1671. P. 1.

король мыслился в качестве института власти, возвышавшейся над остальными корпорациями.

В ответе Карла I на девятнадцать предложений парламента суть «смешанного правления» представлялась в виде смешения королевской власти с волей лордов и общин. «В этом королевстве законы издаются совместно королем, Палатой Пэров и Палатой общин, избранной народом, всеми, обладающими свободными голосами и особенными привилегиями», — дословно говорилось в этом документе. Автором данной сентенции был сэр Джон Коулпепер. Эдуард Гайд, который был составителем предыдущих королевских деклараций и ответов на парламентские петиции и ремонстрации, возражал против нее как неконституционной и опасной и пытался уговорить короля отказаться от предложенного ему варианта ответа парламенту, но потерпел неудачу¹.

Приняв доктрину «смешанного правления» в том варианте, который был предложен Джоном Коулпепером, Карл I признал тем самым, что институт королевской власти не возвышается над другими корпорациями (*estates*) в парламенте, но стоит в одном ряду с ними — как всего лишь одна из трех корпораций. Смысл предложенной королем новой трактовки «смешанного правления» в Англии хорошо разъяснил теолог Чарльз Хёрл (*Charles Herle*, 1598–1659), писавший в трактате, вышедшем в конце 1642 г.: «Англия — не просто *субординационная* или *абсолютная*, но *координационная* и *смешанная* *Монархия*. Это *смешение* или *координация* существует в *верховенстве* самой власти, иначе *Монархия* не была бы *смешанной*: Все *Монархии* имеют в себе *смешение* или структуру *подчиненных* и нижестоящих должностных лиц, но здесь *Монархия* или *высшая* власть сама *составлена* из трех *равных друг другу* Корпораций (*Estates*), *Короля* и двух *Палат* Парламента; этой *смешанной* власти никакая *подчиненная* власть ни в каком случае не будет способна оказать *сопротивление*»².

¹ Craik H. The Life of Edward Earl of Clarendon. London, 1911. Vol. 1. P. 159.

² «England is not a simply *subordinative*, and *absolute*, but a *Coordinative*, and *mixt* *Monarchy*; This *mixture*, or *Coordination* is in the very *Supremacy* of power it selfe, otherwise the *Monarchy* were not *mixt*: all *Monarchies* have a *mixture*, or composition of *subordinate*, and under-officers in them; but hereth *Monarchy*, or *highest* power is itself *compounded* of 3 *Coordinate* *Estates*, a *King*, and two *Houses* of Parliament; unto this *mixt* power no *subordinate* authority may in any case make *resistance*» (*Herle Ch. A Full Answer to a Treatise written by doctor Ferne, entitled The resolving of Conscience*

Такая трактовка «смешанного правления» вполне устраивала парламентскую оппозицию. Опираясь на нее, обе палаты парламента могли настаивать на неизменном одобрении королем принятых ими законодательных актов, поскольку две корпорации (*estates*) имеют большинство над одной.

Ответ Карла I на девятнадцать предложений лордов и общин создавал, таким образом, идеологическую основу для компромисса между противоборствовавшими политическими группировками. Но появился этот документ слишком поздно. Ни король, ни вожди парламентской оппозиции уже не хотели тратить время и силы на согласование своих интересов. Развернув подготовку к военному столкновению, они не могли ее прекратить и всеми помыслами своими были уже на поле боя.

* * *

Конфликт короля и парламентской оппозиции, хотя и длился к этому времени более полутора лет, не привел английское общество к расколу на воинственно настроенные по отношению друг к другу группы населения. Однако атмосфера в нем явно изменилась: распространился дух враждебности, возобладало чувство страха перед будущим. В апреле и мае 1642 года большая часть лордов и значительная, хотя и составлявшая менее половины, часть членов Палаты общин покинули Уэстминстер и обосновались в Йорке, в тогдашней резиденции Карла I. Некоторые же парламентарии, не желая становиться на какую-либо сторону, просто-напросто перестали посещать парламентские заседания.

Стремление короля и вождей парламентской оппозиции решить политический конфликт между собой военным путем резко усилилось в конце июня 1642 г., когда обе противоборствующие стороны поняли, что в состоянии сформировать армии для ведения боевых действий. К началу июля гражданская война в Англии стала неизбежной. Ясное понимание этого обстоятельства определяло действия противоборствующих сторон в июле и августе 1642 г. Впоследствии каждая из них будет обвинять другую в развязывании гражданской войны в Англии. В действительности же ее ви-

upon this Question, Whether upon this Supposition, or Case (the King will not defend, but is bent to subvert *Religion, Lawes and Liberties*) Subjects may with good Conscience make resistance. London, 1642. P. 2).

новниками были обе конфликтовавшие политические группировки. Каждая из них желала достичь над другой полной победы. При этом и короля, и вождей парламентской оппозиции совсем не смущал тот факт, что платой за эту победу будут не только деньги, но и человеческие жизни — много тысяч жизней. И король, и его противники совершенно не задумывались и над последствиями своей победы — над тем, что главным и неизбежным ее результатом будет полное разрушение традиционной, сложившейся в течение столетий, юридической конструкции государственного строя Англии. Готовясь к боевым действиям, противоборствующие политические группировки как будто даже не догадывались, что победа любой из них будет на самом деле сокрушительным поражением английского общества.

В гражданской войне не бывает победителей.

Томсинов Владимир Алексеевич

**Юридические аспекты
английской революции 1640–1660 годов**

Период конституционной борьбы:
ноябрь 1640 – август 1642 года

ИКД «Зерцало-М»
e-mail: laton@mail.ru

Подписано в печать 11.02.2010. Формат 60×90/16.
Гарнитура «PetersburgС». Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 1381

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ЕВСТИ»

